

К. Черкасов.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ

М Е Ж   Д В У Х   О Г Н Е Й

Исторический Роман

Книга II

Часть вторая

Часть третья

Издание автора
Все права сохранены за автором

Типография Г.А.Павлова
Данденонг, Виктория, Австралия

Обложка работы художника
С.А.Зезина

1987

KONSTANTIN CHERCASSOV

B E T W E E N   T W O   F L A M E S

Historical Novel

Book II

Part second

Part third

Published by the author
All rights reserved by the author

Printed by G.A.Pavlov
Dandenong, Victoria, Australia

Bookcover by S.A.Sesin

1987

БИБЛИОТЕКА РУССКОГО ДОМА
RUSSIAN HOUSE LIBRARY
118 Greeves St, Fitzroy, Vic, 3065

С занятием Первой Повстанческой сотней обороны напротиврасположения частей Красной армии у станицы Приморской, "красных" ребят ошарашила неожиданная новость: со стороны немецкого фронта у станицы Бесергеносской доносилось громкое веселое пение - "белые" ребята во всю мочь горланили русские и советские песни:

"Три танкиста,
Три веселых друга
Экипаж машины
Бое-во-й!"

- Никак наши ребята поют - удивлялись бойцы.

- Должно быть. Немцу так не запеть!... Слышался с довольной ноткой голос какого-то из "красных" ребят. Комиссар, теряя терпение, вначале отдавал приказы открывать сильный артиллерийский огонь по обороне казачьей сотни; и сразу же немедленно следовал "контрудар" сводящий на - нет приказы комиссара - немецкие самолеты типа "штука", тут как тут, целыми стаями появлялись в воздухе и пикируя, издавали страшный визг, злыми коршунами набрасывались на советские батареи, переворачивая все "вверх тормашками". Немецкая авиация господствовала в воздухе и комиссару вскоре пришлось отказаться отдавать свои "грозные" приказы и лишь затыкать уши, когда вновь победительно-громко, как-бы "на зло надменному соседу" долетали до него слова горланивших во всю мочь казаков песни:

"Москва моя,
Страна моя,
Никем не по-бе-ди-мая,
Москва моя,
Страна моя,
Ты самая лю-би-ма-я...аа!

И еще больше взбесило комиссара, когда он, случайно, одной темной ночью своими ушами услышал:

- Слышь, ребята, а на самом деле, ладно поют наши ребята на той стороне? А?! Должно быть немец им петь песню за нашу Москву не перечит, стало быть, дозволяет?! А?

- Коль перечил бы, стало быть, не пели бы они. - ответил кто-то из бойцов уверенным тоном. Главное, что бесило комиссара, это сознание, что "те" и "эти"- "белые" и "красные" ребятки Москву своей называют и именно за нее - за столицу своего Отечества, своей Родины -

ЗА ОДНО СТОЯТ!

Конечно, размышлял комиссаришка Сычев, они, все эти мерзавцы, стоят за какая им угодна, а отнюдь не за такую Москву, какую он - бывший партийный делега, а теперь начальник "Особого Отдела" хочет видеть, не за такую Москву, какая ему угодна. Хорошо понимал это ретивый надсмотрщик РАБО-ВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ - хитрыми коммунистическими заговорщиками названного - советским.

Понимал прекрасно комиссаришка Сычев, что Москва воистину принадлежит "тем" и "этим" - "белым" и "красным" ребятам, и их предкам, да еще в первую очередь многомиллионным РОССАМ, ее - Москву - сердце всей России необъятной построивших. Понимал комиссаришка Сычев, что Москва никак не могла никогда и никогда не сможет принадлежать ни Карлу Марксу, ни Ленину, ни Сталину, ни всей этой свистопляске с партийным аппаратом СФАБРИКОВАННОЙ ВРАГАМИ РОССИИ - интернациональной сворой ленинских-сталинских палачей. Знал все это комиссаришка, как

"дважды два - четыре".

А тут еще вслух сказанные бойцом слова:
"Ладно поют НАШИ РЕБЯТА на той стороне.А?"
"Должно быть немец им песню ЗА НАШУ МОСКВУ
петь не перечит."

Недвусмысленно брошенные слова, а ясно и определенно означающие: - "одни" и "другие" стоят за то, чего советская богоборческая власть пуще смерти боится, как черт ла- дана боится! И против чего всеми способами и всеми силами борется - боится советская власть НАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ ДУХОВНО И НАЦИОНАЛЬНО ВЫРАЩЕННОЙ ЦЕРКОВЬЮ ПРАВОСЛАВНОЙ.

Еще в большее бешенство впадал комиссаришка Сычев от мысли, что любимая им советская власть - его власть, еще теперь вынуждена "подпевать", струны свои подстраивать под тон угодный "обнаглевшим" ее рабам, воспользовавшимся войной с сильным внешним врагом России. Приходя в страшный гнев красный зверь успокаивал себя мыслями: неожиданным и неожиданно обнаруженным фактом - черные звери, борясь против теж-же рабов Советской власти, с первых-же дней войны бросились изо-всех сил помогать красным зверям - стреляя и истязая ослушавших рабов Советской власти. Черные звери принялись усердно загонять в красный, колючей проволокой обнесенный, загон выскочивших из него рабов - чудо! А впрочем и никакое ни чудо! Ведь красные и черные звери - суть "социально" родственный элемент. А тут, к счастью, еще даже смертельный враг - капиталистический мир, тоже впрягся и тянет во всю мочь: за советскую власть - красота одна! Довольно улыбался комиссаришка Сычев при таких мыслях: дескать, погодите вы -

"Иваны Ивановичи", мы еще с вами разделаемся и посмотрим, в чьих руках после "игры" Москва окажется. Да рановато еще было думать о реванше комиссаришке Сычеву над Ивановичами"...

Х Х Х

Хитрый грек Женечка Носик почесывал свой длинный с горбинкой "носик", сосредоточенно думал. Костя Греков терпеливо ждал.

- Пиши,- наконец проговорил Носик и стал диктовать:

ОБРАЩЕНИЕ КАЗАКОВ ПЕРВОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ
КАЗАЧЬЕЙ СОТНИ НА ДОНУ.

Дорогие товарищи бойцы, командиры и политработники Красной армии. Дорогие братья соотечественники!

- Написал?

- Есть!

- Крой дальше.

Дорогие братцы! Считаю излишним много запускаться, ибо вы все и так все знаете и все понимаете не хуже нас, ибо разве не на одной наковальне и не одним-ли молотом нас всех крошила Советская власть?! (Да всех не раскрошила и никогда не раскрошит нас никто!) Кто из вас не знает, что коммунизм это липа? Кто из нас не знает, что все эти "секретари", начиная с "генерального" Еськи Джугашвили и кончая всякими там секретарями райкомов, обкомов, горкомов и прочих "комов" - все они дармоеды, соревнуются в брехне? Кто больше и половчее набрешет - тому и повышение, тому и честь, и слава советская (липовая, конечно, тоже).

Братцы! Не правду ли я калякаю? А?

Знаю, что прочитав эти мои слова, вы,

братцы, уже сказали: точно - наверняка знаю! Так до каких-же пор мы будем позволять этим "комам" разного калибра издеваться над нашим народом?

Мы также обращаемся ко всем политработникам и просим их обратиться к своей совести, поискать в своих душах эту совесть и перестать играть столь позорную, столь преступную роль в созданной врагами России машине смерти для нашего трудового народа.

Товарищи политруки и комиссары! Мы все просим вас тоже стать на нашу сторону - на сторону правды!

Братцы! Сразу-же не разглагольствуя много - закругляюсь: организуйтесь вы на той стороне против советских партийных деляг - кровососов, а мы на этой. Немцы нам дают оружие, позволяют организоваться, конечно, не без оглядки, ибо их фюрер мечтает завоевать Россию - чума его одолела! Однако немцы вынуждены заштопывать свои "дыры" (которые вы, братцы, им понаделали - слава вам!) добровольцами из народов России - НАШИМИ РЕБЯТАМИ. (Своих солдат у немцев уже теперь не хватает - это нам на пользу!).

Братцы! Чем сильнее вы "поднажмете", тем ПОСКОРЕЕ, побольше немцы подбросят нам добровольцев - наших ребят из лагерей военнопленных в наши добровольческие части истинных борцов за свободу России. (Этих добровольческих частей уже теперь много на Украине, в Белоруссии и в других областях России).

Гитлер и Сталин дерутся между собой за господство над нами - это ясно. В этой борьбе борются три силы. Мы с вами - Третья Сила и сила самая могучая, самая многочислен-

ная! Надеюсь, что никто из вас не скажет, что я запускаюсь. А?

Итог: мы, хорошо поразмыслив, установили: наш враг №1 - Сталин; враг №2 - Гитлер. Объяснять вам почему - считаю излишним - у вас разум и опыт не меньше нашего! Англо-американские "акулы", по сути, наши естественные союзники и противоестественные союзники Сталина. Почему - вам понятно, так же, как и нам. И так, братцы, то ли вы или мы воюем на советской или на немецкой стороне, по сути, не делает разницы, но как только один из наших двух врагов одерживать станет победу над своим соперником в борьбе за господство над нами - нам немедленно надлежит наброситься на этого победителя и раздавить его так, чтобы и мокрого места от него не осталось - ясно? Знаю, что ясно и знаю, что вы радостно смеетесь, братья!

Имейте в виду, что немецкие военачальники, подлинные полководцы всецело на нашей стороне, ибо они хорошо знают, что "Русских могут победить только русские" (слова Бисмарка). Это немцы помогают нам сколачивать ТРЕТЬЮ СИЛУ, чтобы спасти свой немецкий народ от той гибели, к которой его ведет "Партия и Правительство" черного цвета.

Вот все! Надеемся и ждите!

Ваш брат, бывший студент
металлургического Института
Евгений Попондополос.

P.S. Друзья, прочтите и передайте эту записку другим. Размножайте ее, переписывайте от руки и "толкайте" дальше. Мы сегодня были у вас в гостях и оставили вам этот сердечный подарок. Кто из вас пожелает, пускай переходит к нам теперь, а кто найдет нужным луч-

ше оставаться в рядах Красной армии, пускай остается, до момента нашего объединения в одну воинскую организованную силу. ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ!

- Ой же и хитрый ты, Носик! - воскликнул Костя Греков, сияя радостно глазами. Носик, покрутив в раздумьи головой, как-бы спохватившись, резким, приказательным тоном быстро зачеканил словами:

- Мотай, Грек, в обоз! Передай это "сказание" Сашке Черкасу. Пускай наметом кроет в город и передаст Длинноносу. Быть может он найдет нужным что добавить или изменить. Да он знает, что дальше делать. Дуй! У меня на все есть разрешение командира сотни.

- А оберлейтенант знает о содержании "сказания?" - Греков бросил вопросительный взгляд.

- Знает, не все, конечно. Болван тоже нашелся - вопрос некчемный задаешь - крой, говорю!...

Х Х Х

Длиннонос вслух прочел "сказание", с хитрецей поглядывая на Эрику Шварценберг и Наташу Петрову, сказал:

- Да, греки серьезные соперники нам армянам, и не только в торговом деле.

Наташа довольно хихикнула, Эрика коротко определила:

- ТОЧНО!

В этот же вечер зацокала печатная машинка и лишь на рассвете умолкла. Эрика и Наташа поочередно работали до изнеможения. Триста копий "обращения" аккуратно сложенной стопкой к утру лежала на столе.

Одна копия немедленно была направлена в "Казачий Стан" к деду Алексею...

- Каждое слово сказано к делу, - определил атаман, прочитав "ОБРАЩЕНИЕ" несколько раз.

- Точно! - определила Лара, прочитав из-за спины деда "сказание" ребяток - "комсомольцев в отставке и подпольи".

Наташа-разведчица, получив копию и передал ее куда-то дальше по каналам НТС, прислала Длиннонос короткий отзыв: "НА БОЛЬШОЙ С ПРИСЫПКОЙ!"

На другой день ночью к советской обороне, через густые заросли гуськом один за другим в полной советской форме, вооруженные советскими автоматами и гранатами, пробирались казаки. Впереди, с тремя "кубарями" в петлицах и с красной звездой на левом рукаве гимнастерки - "старший политрук" - шел Носик. За ним вели "бойцы" двоих "немцев" в немецкой форме со связанными руками и связанными ртами. В эти дни казакам от постоянных к ним перебежчиков с советской стороны, были известны не только численность стоящих напротив в обороне советских частей, не только места расположения штабов, но и фамилии, имена и даже отчества командиров подразделений и политработников этих частей.

Вблизи передовых окопов (боевое охранение) Носик подал известный ему сигнал. Немедленно последовал ответ:

- Товарищ старший политрук, бойцы 2-й роты в боевом охранении... - Забарабанил заметно испуганно (перед услышанным сигналом оба бойца "прикорнули") один из бойцов, увидя перед собой политрука со взводом "бойцов".

- Ладно, ладно... мы, вот тут, пару фрицев притянули. Решили, что к передовой вашей роте поближе чем к нашей, вот и нагрянули неожиданно, чай спали, проказники? А? При-

знавайтесь! "Старший политрук" шутливо улыбался, дружески похлопывал отрапортовавшего ему бойца и совсем дружелюбно спросил:

- А как нам, товарищи, покороче к штабу вашей роты добраться? - и тут уже приказным тоном Носик добавил:

- А, впрочем, давай ты, молодец, веди нас, а ты оставайся, да смотри в оба - ясно? Приказал "старший политрук", подавая знак одному бойцу идти впереди.

По дороге к блиндажу, где спал ротный политрук Носик часто останавливался, дружелюбно разговаривал с бойцами, шутил, а потом опять подавал знак бойцу-проводнику двигаться дальше. Из одного блиндажа вышел лейтенант в заспанном, помятом и не совсем трезвом виде, "под газом". Носик накричал на лейтенанта и приказал немедленно привести себя в порядок. Перепуганный лейтенант тянулся, тарашил испуганные глаза на "старшего политрука" неожиданно появившегося в месте расположения его взвода.

У блиндажа, где спал политрук 2-й роты стоял постовой боец. Выслушав рапорт "старший политрук" одобрительно кивнул головой и тут же распорядился:

- Сержант Снежков, возьмите двух бойцов и зайдемте со мной - "представим" фрицев моему другу старшему политруку Петру Иосифовичу Петрову. Ну-ка, шевелите этих немаков! - Носик грубо толкнул "немцев" и открыл дверь в блиндаж...

Через десять минут "старший политрук" вышел из блиндажа с пленными "немцами", двумя своими бойцами и с "сержантом" Снежковым. Обращаясь к постовому у блиндажа, окруженному взводом "бойцов", приказал:

- Товарищ боец, вы проводите нас к вашему ближайшему боевому охранению, к немец-

кой обороне. Мы сейчас новый "фокус-мокус" немцам закатим. Ваше место, пока мы вернемся, займет мой боец. Быстро двигайтесь, у нас время ограничено. Пошли!

- Слушаюсь, товарищ старший политрук. - Боец 2-й роты шелкнул каблуками и повел взвод "бойцов" напрямик через линию обороны к ближайшему боевому охранению 2-й роты. Переодетый в немецкую форму с плотно заткнутым ртом и туго связанный старший политрук 2-й роты Петр Иосифович Петров, подталкиваемый дулами автоматов, покорно шел со взводом казаков к обороне Первой Повстанческой сотни на Дону. Взятый постовой боец довольно улыбался, шел бодро, поняв, что произошло... Носик дал серию цветных ракет. Последовал ответ - вернувшаяся казачья разведка во главе с урядником Евгением Попондополосом достигла передовых казачьих пикетов (боевое охранение)

Гуськом, один за другим, казаки стали спрыгивать в траншею, ведущую к блиндажу командира сотни.

Х Х Х

Потрясенный очередным событием на передовой, батальонный комиссар наспех пробежал глазами отпечатанную на ручной печатной машинке листовку - "ОБРАЩЕНИЕ", подписанное: Ваш брат, бывший студент металлургического института Евгений Попондополос.

Командир батальона и начштаба, понурился, головы молча выжидали гневной вспышки "власть имущего", но к их удивлению, комиссар молча сокрушенно покачал головой, развел беспомощно руками и подавленно тихо спросил:

- Что предприняли, товарищи?

- Я уже доложил, товарищ комиссар, все листовки собраны и уничтожены - доложил комбат.

- А сколько их было? - комиссар бросил усталый, с легкой насмешкой, взгляд на комбата.

- 25 листовок подобрано было в разных местах и 32 листовки принесли мне сами наши бойцы.

- Вы верите, что бойцы вам все листовки вручили? - Комиссар вдруг зло заблестел глазами и нервно подрожал левой бровью.

- Нет, конечно. Но я приказал продолжать розыски листовок; за скрытие пропагандных листовок врага - расстрел!

- А вы знаете, что этот хлюст мог прошлой ночью не только увести политрука, но и разоружить и увести всю 2-ю роту, товарищ капитан? - Комиссар опять подрожал бровью.

- Да...а...а, но... - Капитан беспомощно развел руками. Комиссар поднял трубку. На несколько секунд задержался, что-то размышляя, а потом отдал приказ командиру артиллерийского полка: - "Накрыть оборону казачьей сотни получасовым артиллерийским огнем"...

Х Х Х

Женечка-Носик доложил командиру сотни оберлейтенанту барону фон Фолькенхаузен, что он мог прошлой ночью разоружить, снять с обороны и увести с собой всю роту бойцов с советской стороны, но, что, по его мнению, лучше будет, если эти бойцы и командиры, прочитав "ОБРАЩЕНИЕ" сами перейдут на сторону казаков.

- С политической точки зрения, второе положение несравнимо сильнее первого - сказал Носик, улыбаясь с хитрецей в глазах и

машинально, по привычке, почесывая свой с горбинкой "носик".

- Да! Да! Конечно! - улыбаясь поспешно ответил Фолькенхаузен, закивав своей красивой аристократической головой и блестя умными, ярко-голубыми глазами.

В этот момент шквал артиллерийского огня обрушился на оборону казачьей сотни. Не прошло и 15 минут, как в воздухе послышался гул моторов прилетевших сразу несколько эскадрилий "Штук", которые сразу набросились на советский арtpолк.

Через полчаса все утихло, лишь чернели вокруг огромные воронки от бомб, сброшенных "Штуками", лежали вверх колесами опрокинутые орудия. Произошла, ставшая обычной, "контратака". Советская авиация все еще не в силах была противостоять немецкой.

Х Х Х

Один немецкий генерал после того, как ему доложили о действиях Первой Постапчанской казачьей сотни на Дону, помолчав, наставительно сказал:

- Надобно нам уже теперь иметь не одну казачью сотню, но одну казачью армию. В таком случае мы в будущем не будем иметь больших проблем в нашей победе над Сталиным.

- Но мы будем иметь, в таком случае, проблемы с этой казачьей армией, господин генерал. Не думаете ли вы так? - возразил один из окружавших генерала его офицеров.

- Это будет зависеть от нашего отношения к этим людям, к их целям в их борьбе в союзе с нами, - спокойно ответил генерал, подавая намек на необходимость немедленного изменения проводимой официальной политики на Во-

стоке Германским Правительством.

Х Х Х

Позднее, когда немецкие войска снова захватили Ростов, генерал Киттел - немецкий комендант этого города, в день Праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, возложил венок у часовни на "Монастырском Займище", вместе с казаками помянув героев "Азовского Сидения", чем охарактеризовал порядочность фронтовых немецких офицеров, которую всеми силами старались замарать гитлеровские заговорщики.

Х Х Х

XXI

Получив страшную кровотокающую рану под Москвой зимой 1941-42 года, летом 23-го июня 1942 года при поддержке румынских и итальянских войск, немецкие войска переходят в массированное наступление одновременно в направлениях: Царицын (в то время Сталинград, теперь Волгоград) и Северный Кавказ, вновь взяв инициативу в свои руки. Уже к осени 1942 года немцы достигли предгорий Главного Кавказского хребта и подкатились к окраинам Царицына.

В результате успехов немцев, в этот период вся территория Донского Войска, а также Кубанского Войска, Терского Войска и народов Северного Кавказа оказались вне влияния советов, и, как следовало, ожидать вновь

вспыхнуло и разгорелось притушенное осенью 1941 года стихийное освободительное движение казаков на Дону. Освободительное движение на Кубани, Тереке и Северном Кавказе также вспыхнуло с большой силой. Жители Кавказских гор почти все поголовно, включая все народы Кавказа, поднялись на смертельный бой с советской властью.

Х Х Х

Вскоре после занятия немецкими войсками Новочеркаска, на квартиру, где во время пребывания советов в городе скрывался Сергей Васильевич Павлов, кто-то легонько постучал в дверь. Открыв дверь, Павлов не сразу узнал, стоявшего перед ним человека.

- Андрей Тимофеич! - схватив в объятья старого боевого друга, Павлов увлек его за собой. В горнице сидело несколько незнакомых Колосову лиц, но вот перед ним он видит старых боевых друзей, инженера Галдина, сотника Плотникова, есаула Шумко, сотника Сюсюкина, сотника Меркулова и подымаясь идет ему на встречу весь сияющий сам бравый полковник Попов - бывший офицер генерального штаба императорской России.

- А мы тебя, Тимофеич, уже живым видеть-то не думали. Спаси Христос, родной! Как раз к делу приспел, казак. Садись поудобней и прилагай свой ум к нашим мыслям...

На этом организационном заседании был организован, а позднее и утвержден немецким фронтовым командованием Казачий штаб Донского Войска во главе с бывшим инженером Русской авиации Сергеем Васильевичем Павловым. Охраняемый сотней казаков, сформированной из казаков станицы Грушевской Штаб атамана Павлова помещился в надлежащем ему месте - в

Атаманском Дворце, в котором при советской власти находился Горсовет, и откуда поспешно бежало советское начальство. В Атаманском Дворце, в главном городе Войска Донского Новочеркасске, после 25-ти летнего перерыва, снова занял свое место атаман.

В октябре-ноябре этого года в Новочеркасске была организована казачья пластунская сотня. А в станице Грушевской за это время самочинно сформировалась еще одна конная сотня под командованием есаула Федорова и хорунжего Харитонов. Впоследствии, верхнедонцы в самый короткий срок организовали несколько казачьих отрядов. По всей территории Донского Войска в каждом городе, станице, хуторе советское начальство сменила избранная казаками казачья власть в лице окружных, станичных и хуторских атаманов с их Правлениями. Фронтное немецкое командование, убедившись на деле в полезности организации подсобной вооруженной силы в лице казачьих отрядов, охотно поощряло действия казаков, и во многих случаях включало казачьи отряды в свои немецкие вооруженные силы, как это было сделано с Первой Повстанческой сотней, организованной в хуторе Синявском.

Однако Казачий Штаб атамана Павлова все не был заинтересован в этих мероприятиях немцев, и наоборот, всеми силами противился этому, стремясь сформированные казачьи отряды, то ли самочинно, то ли немецким командованием, подчинить себе - Казачьему Штабу и немедленно приступить к формированию Казачьей Армии, которая в случае набора казаков из рядов советских военнопленных, захваченных немцами во время оккупации территории Донского Войска при продвижении немецких войск к Царицыну, (а военнопленных

было сотни и сотни тысяч) могла в самый короткий срок вырасти в миллионную Казачью Армию. К тому же армию, которая жаждала бороться против советской власти. Однако все попытки Штаба Павлова наткнулись на непреодолимый барьер запрета всеящей политической власти гитлеровцев над немецким фронтовым командованием, которое не смело превысить получаемые от своего Правительства, полномочия.

Глубокой осенью 1942 года, Штаб Павлова решил созвать Войсковой Круг (Войсковой Круг - Законодательный государственный орган у Донского Войска - Парламент, у Кубанского Войска то же значение имеет Рада). Заседание Круга состоялось в Атаманском Дворце. Со всех сторон Донской области съехались избранные делегаты. В большинстве это были станичные и хуторские атаманы. Однако на Круг прибыло около 200 делегатов. Заседание в Атаманском Дворце, в виде почетного караула с шашками на караул, охраняли молодые казаки.

Из доклада атамана Павлова явствовало, что не только на территории Войска Донского, но и на освобожденных советами территориях Кубанского и Терского Войск уже организована масса отдельных казачьих отрядов; на территории северного Кавказа также уже стоят под ружьем многочисленные отряды из народов этой части Кавказа. Больше того - на оккупированной немцами Украине, Белоруссии, еще в большем количестве уже находятся вооруженные отряды, как украинские, так и белорусских и, наконец, в Орловской области Великой России в Локоти находится под ружьем хорошо организованная и вооруженная боевая единица численностью превосходящую воинскую бри-

гаду. Русский инженер Каминский сумел добиться при помощи немецкого фронтового командования этой боевой русской единицы под названием Русская Освободительная Народная Армия (РОНА). В Белоруссии русскими эмигрантами в Осинторфе, инженеру Сергею Никитичу Иванову, полковнику Игорю Константиновичу Сахарову, полковнику Константину Григорьевичу Кромиади, а потом присоединившимся к ним бывшим советским офицерам, удалось добиться и сформировать 5 батальонов готовых, при разрешении немцев, развернуться в самый короткий срок в 5 дивизий. И наконец делегатам Круга стало известно, что первая анти-советская боевая единица, бывший советский 436-й стрелковый полк, суть казачий полк и командир его тоже донской казак, бывший советский майор Иван Никитич Кононов.

Из доклада атамана Павлова становилась ясно: в случае объединения всех этих русских отрядов и отрядов Кавказа в самый короткий срок вырастет 2-х, 3-х миллионная армия из народов России, которая будет в состоянии не только нанести сокрушительный удар Красной армии, но и полностью влить ее в свои ряды, и повернуть против сталинского правительства, против его приступных сатрапов. Однако делегаты Круга так же ясно поняли из доклада атамана Павлова, что на пути к такой цели стоит преградой немецкая политическая власть, которая боится не в меньшей, но в большей мере создания на своей стороне на место побеждаемой ими "Красной" армии - русской армии, с которой Германия, вне всякого сомнения, для достижения своей цели - завоевание России, в конце-концов придется сражаться не на жизнь, а на смерть.

Интересы и цели германского Правитель-

ства и равных к освобождению от сталинского террора народов России, оказались диаметрально противоположными. В сложившемся положении - борьба между двумя врагами, у поднявшимся борцам за свободу России, диктовала логика, требующая самозащиты от гитлеровской Германии путем создания на стороне той-же Германии, максимум вооруженных сил из народов России, используя для этой цели все малейшие шансы и возможности, ибо всем было ясно, что, вне всякого сомнения, гитлеровская Германия, победив "Красную" Россию, немедленно начнет уничтожать, пригревшуюся под ее крылом, "белую" Россию.

Побаиваясь своих властей, немецкое фронтовое командование, неся огромные потери в боях за Царицын, Дон, Кубань, Северный Кавказ, вынужденно идет на риск и вынужденно пополняет свои потери добровольческими отрядами. Весь немецкий Восточный фронт пестрит добровольцами из народов России - потенциальными, смертельными врагами гитлеровцев, но без них, без этих добровольцев немецкие войска все больше и больше теряя свою боеспособность, не в состоянии были больше не только продвигаться вперед, но и перейдя к обороне, не могли больше удерживать свои рубежи. Уже в этот период войны между Германией и Россией, немецкое фронтовое командование прекрасно понимало: Русских могут победить только русские и никак не иначе.

Однако немецкие талантливые полководцы, люди большого ума и опыта, должны были выполнять приказ немецкого ефрейтора, оказавшегося в роли их Верховного главнокомандующего. Очутившись в столь тяжелом положении, немецкое фронтовое командование Юго-Западного фронта, обходя приказы Гитлера, идет

на риск - продолжая поощрять формирование добровольческих казачьих и кавказских отрядов и вооружая их немецким оружием.

На Дону действует атаман Павлов, на Кубани - полковник Белый, на Тереке - полковник Кулаков, на Северном Кавказе - ген. сутан Калич Герей.

Х Х Х

XXII

Уже через два дня после того, как немецкие войска оттеснили войска Красной армии от низовских станиц Дона, вновь овладев Ростовом, дед Алексей двинул свой "кош" восвояси.

Казачи рвались к своим куреням, волнуясь за оставшихся (по разным причинам) в хуторах, станицах своих родных. Казачи станицы Безсергеновской, бывшей так долго в прифронтной полосе Юго-Западного немецкого фронта, первые ринулись к своим куреням всего с десятков километров и они уже дома! Но увы - дома их в большинстве были полуразрушены, а то и сбиты "до подошвы" артиллерийским огнем. Во время пребывания батарей в станице, немцы, проломав стены в домах, подкатывали в них, маскируя от противника, свои орудия. В то время лишь в окна выглядывали дула немецких орудий, а теперь зияли огромные чернеющие провалы в стенах, чернели дыры, где были раньше окна и двери, высажены немецкими артиллеристами.

Несчастные хозяева разрушенных куреней, обессиленные голодом и переживаниями, едва держались на ногах, с ужасом смотрели на

свои разрушенные родные гнезда, не зная с чего и как начать восстанавливать свои и без того бедные, а теперь и вовсе разрушенные жилища, приводить в порядок страшные разрушения. Вокруг зияли огромные неисчислимые воронки от бомб.

Дед Алексей, подбодрил, как мог, казак-ков Безсергеновской станицы и тронул свой приостановившийся "кош" дальше, через станицу Приморскую домой - в Синявку. Станица Приморская была в прифронтовой полосе войск Красной армии так же долго, как и Безсергеновская, в немецкой. Разрушения были не менее ужасные, немецкие штурмовики "Штуки" - легкие штурмовые бомбардировщики, перепахали и станицу и поле.

- Не журишь, станичники, пришлем подмогу! - осадив коня с деланным задором и веселостью, стараясь подбодрить казаков, проговорил атаман, и, шибко пустив коня, нагнал и поехал впереди своего хуторского Правления. 1-я Повстанческая сотня шла следом.

Сменивший старшего лейтенанта барона фон Фолькенхаузен, отозванного немецким командованием в штаб дивизии, немецкий ротмистр Шиллер, уроженец Малороссии, свободно "балакал" и не нуждался в переводчике. Он избрал себе в вестовые казака истого потомка Запорожских казаков, лихого казака Ивана Чайку. Шиллер любил Россию и казаков. Он часами слушал рассказы Ивана о всем происходящем в Малороссии после захвата власти большевиками.

- Долитали до нас слухы нэдобрые в Германию, али такого страшного чуда, як ты балакаешь, я тоди и представить соби нэ миг, казаче! - удивленно разводя руками, обычно говорил старый ротмистр, сокрушенно

подавленно глядя на своего вестового, рассказывающего ему горькую правду. Любил он серьезно побалакать по душам, а так же и пошутить с казаками своей сотни. С большим уважением относился к деду Алексею.

- Атаман, хлопцы, цэ вам нэ шось там таке - поважать треба! - Говаривал часто старый и седой, но стройно-подтянутый молодцеватый немецкий ротмистр. На пол пути он с сотней обогнав "кош" деда Алексея, поехал впереди, но у въезда в Синявку, приказал первому взводу сотни сопровождать атамана и его Правление в качестве почетного караула. Два других взвода и сотский обоз замыкали длинные вереницы с возвращающимися беженцами.

- С западной стороны хутора стоят несколько немецких танков. Зараз народ собирается у въезда в Синявку встречать казаков, атаман! - С трудом осадив коня, доложил примчавшийся посланный гонец.

Дед Алексей поднес руку к козырьку донской фуражки, одобрительно кивнул головой гонцу, поиграл своей нарядной плетью и придерживая своего закособочившего карого строевика, приказал:

- А давайте-ка, подтяните мне отставших! Ну-ка ты, Федор Михалыч, возьми-ка группу молодняка и живо справься с делом.- В одно мгновение помощник атамана, с десятком молодых казаков, шибкой рысью запылили по дороге. Достигнув первых подвод с беженцами, разделившись на два "рукава", съехав с дороги, растеклись лавой, помчались по обочинам из желто-серой, пыльной, истолченной и избитой войной дороги.

Видно было, как гонцы, резко осаживая коней, останавливались, наставительно гром-

ко передавали казакам атаманский приказ. И когда подтянутый, в образцовом порядке выстроенный, подошедший к самой Синявке весь "кош" остановился, прибывшие к родному месту казаки взволнованно зашевелились, жадно поглядывали на завидневшиеся свои курени.

В головах толпились волнующие мысли: живы ли? Дома ли?... Однако никто не двинулся с места, терпеливо выжидаячи, смотрели на атамана. Оглядев суровым взглядом "кош", дед Алексей махнул плетью и тронул коня.

Шиллер, придерживав своего коня, сказал ехавшим за ним казакам Отделения Управления сотней:

- Дистанцию, хлопцы... дистанцию тримайтэ... поважать атаманское значение трэба!

Вызывающе - ярко алеют алые донские лампасы на темной синеве атаманских широких шаровар... серебрится, горит на донской, с алыми околышками, фуражке русская национальная кокарда... Несмотря на жаркий день, тучную, но добре "скроенную" с широченными плечами фигуру атамана плотно обтягивает темносиний донской казакин. Не спускают глаз, замершие тесно струдившиеся казаки у въезда в хутор, с атамана. Пришли все, даже калеки хуторские и древние старики, едва двигающиеся и те каким-то образом добрались к месту встречи уходившего в отступ хуторского "коша". У всех среди вернувшихся были родные и близкие.

Бабы утирая утирками набегающие слезы, сдерживают как могут, вот-вот готовый взорваться громкий плач. Видны на глазах слезы и у старых казаков с посережевшими, посуровевшими от суровой жизни лицами.

Совсем малые, грудные дети на руках у многих матерей. Какие постарше держась за подола материнских юбок, наклонив головки исподлобья следят за всем перед ними происходящим с недетской серьезностью в детских глазенках. А подростки, стоявшие впереди всех, наострив уши, уже сразу же обратили свои пытливые взгляды на подъехавшего к ним вплотную атамана.

- Ну что же, казаки, довелось опять встретиться нам. Знать, Господь миловал нас и на сей раз - Его воля, Его и славьте! - Атаман молодецки спрыгнул с коня, крестясь упал в поклоне на землю, встал и приложился к Донской иконе Богоматери. Икону, завернутую в белое расшитое полевыми цветами, плотно, бережно держала в руках внучка стариков Минаевых. С веснуцатым курносым носиком, с тонкими, туго заплетенными косичками, девчушка не по-детски серьезно, настороженно смотрела на каждого подходящего к иконе Донской Богоматери, как бы проверяла: - свой ли? Казак ли?

Атаман с благодарностью принял хлеб - соль из рук одного из старейших казаков, оставшихся в хуторе при отступе. Благодарил каждого подходящего с приветствием к нему казака, по-русскому обычаю троекратно целовался. На приветственные слова низко кланяясь, отвечал:

- Спаси, Христос!

У тетки Маруси антрацитом горят калмыцкие глаза. На бледном лице острятся бурые скулы. Тревожно учащенно бьется материнское сердце, она взволнованно шарит глазами по густой толпе хуторян - ищет свою светлооую дочь.

- Нет ее среди других... нет-нету!...

дома сидит... не вышла встречать - совесть мучит, а то и быть может гордость одолела.- Мелькают мысли у матери...

- Я мотнусь, батяня... Маши-то нету...- Тетка Маруся бросила скорбно тоскующий взгляд на деда Алексея.

- Вижу, што нету...- нахмурился дед Алексей, закусив седой ус.

- Спроводи сначала подводу к дому, а потом уже...- Он не договорил, как осаживая перед ним коня, ротмистр Шиллер доложил, что сотня остается временно в хуторе и что если потребуется какая-либо атаману помощь со стороны немецкого командования, то он ротмистр Шиллер готов всегда во всем помочь, насколько это ему позволяет его положение командира Первой Казачьей Повстанческой сотни на Дону.

- Як що трэба буде-тоди добалакаемось, атаман. - Шиллер приветливо улыбнулся и, отдав честь, прищпорил коня, куцым галопом стал объезжать хутор, выбирая место для расположения взводов и отделений сотни.

Тетка Маруся, подъехав к своему куреню быстро выпрягла коней, свела в конюшню, отвязала от подводы корову, свела к яслям, бросила по охапке сена лошадям и корове и лихорадочно дрожащей рукой, поправляя спадающий на глаза платок, порывисто дыша, метнулась к куреню дочери. Она уже издали заметила на дверях замок. Как пьяная подошла к двери, взялась обеими руками за дверную ручку, долго стояла с упавшей на грудь головой. Ощущала, как колотится в груди сердце, стучит больно, будто молотом тяжелым в висках. Машинально подняв голову, сухими воспаленными глазами впиалась в висящий вверху в уголке двери на гвоздичке ключ.

Дрожащими непослушными руками долго старалась вложить ключ в замок. Наконец ей это удалось, она открыла дверь. Трепетавшая всем телом со стиснутой болью и тоской душой, вошла в дом. Из комнат от всего, что было в них, повеяло на нее мрачной непривычной пустотой. На столе в горнице стояла ваза с полевыми цветами. Глаза тетки Маруси скользнув по горнице остановились на вазе с цветами и впились в записку, подложенную под вазу уголком. С легкостью минувшей молодости, она порхнула к столу, ухватив вазу обеими руками, дрожа всем телом, облизывая, ставшие вдруг совсем сухими и непослушными губы. Длопотом, как будто боялась, что кто-то ее подслушивает, читала:

- Дорогая маманя! Я жива и здорова.
Ухожу с мужем. Обо мне не волнуйся.
Обнимаю и крепко, крепко тебя целую.
Да хранит вас всех Господь Бог и
Царица Небесная.

Любящая тебя твоя дочь Мария.

П.С. Поцелуй дедушку. Я написала Алику письмо. Дойдет-ли не знаю. Адрес полевой военный, так как Алик мобилизован в Армию.

Димитрий с ним виделся. -

Тетка Маруся нежно прижимала записку дочери к лицу, сухими дрожащими губами обцеловала каждое слово, ползком на коленках поползла от стола в угол, обратила взор на икону, зашептала:

- Заступись, Царица Небесная, заступись за детей моих, в рабстве сущие они! Заступись, Богоматерь, за них. Расскажи Сыну Твоему о горе нашем. Расскажи, расскажи Ему, Невесте Невестная!...

Долго молилась, обливаясь слезами тетка

Маруся. В волнении мешала русскую речь с калмыцкой, умоляюще смотрела на лик Богородицы...

Х Х Х

Курень атамана стал вновь служить "Хуторской Избой" (хуторским Управлением). Скачут гонцы во все стороны; приходят просители; приходят казаки к атаману за делом советом, указанием. Атаман всех терпеливо выслушивает и дает нужный совет и соответствующие делу распоряжения. Уже на другой день после возврата в хутор он отдал приказ собрать Сбор. После короткой речи, выслушав внесенные предложения, атаман одобрительно оглядывая казаков сказал:

- Дело гутарите, казаки, зараз нам придется зачинать жить, так как жили в самом начале, в старину наши предки: - с воды (рыболовство), да с травы (скотоводство). Благо у нас во всем этом нет недостатка. Хлебов пекти, кубыть, не дже придеца! Но мы и туточки пощупаем, што можно раздобыть через местное начальство германцев.

Жадно набросились на работу казаки. Еще не успевали потухнуть на Донском небе последние звездочки, чуть свет, как начинали далеко по степи поблескивать косами косари. Рыбный улов, как всегда, был обильным. "Золотое дно" у Дона Ивановича у самой Синявки, как и прежде было заполнено огромными, бесчисленными раками. Вскоре в каждом курене на базах выросли высоченные копна сена, зашелестели на ветру длинные низки с сушеным рыбцем, чебаками, сулой и пребольшущими усатыми сомами. Благо теперь не мешалась в рыболовный промысел "Партия и Прави-

тельство", не видать было больше и курсирующих по Дону моторных катеров "ОЧУР", а германцам и в голову не приходила мысль: "10 лет за расхищение государственного имущества"...

Радовались казаки, — рыба в их реке опять стала их собственностью.

X X X

Только через неделю после возврата в хутор деду Алексею после беспрестанных хлопот, удалось, наконец, добиться через местное, а затем и городское немецкое начальство приезда в хутор из Таганрога одного из немногих уцелевших от советской власти, скрываемого среди народа священника. Старый и больной батюшка, непомерно уставший от почти непрерывных служб-треб в городе, принялся служить в хуторе общую панихиду по казакам убиенных чекистами за время отступа казаков и тут только обнаружилось исчезновение деда Афанасия Чебрицева. Никто не знал толком куда девался дед Афанасий, отказавшийся уходить в отступ. Атаман приказал доложить ему немедленно кто знает что-либо о пропавшем казаке. Но никто и теперь ничего не смог сказать.

— погоди, атаман, вот туточки живой свидетель оказался — звонко проголосила старуха Минаева и поманила рукой казаков, придерживающих под руки хуторского калеку Антипа Турчина. Казаки подвели к атаману свидетеля. Калека, а к тому же и зайка Антип Турчин долго старался заговорить. Страшно заикаясь он наконец проговорил:

— Уплыл дед Афанасий, атаман. — проговорил и махнул рукой в сторону Азовского моря.

- Как так уплыл? - удивленно округлил глаза атаман, и нервно моргнул усом.

- Говори толком, што знаешь, казак!

Антип поерзал по земле непослушными искалеченными ногами и весь напрягаясь, сильно заикаясь, захрипел:

- Как стали заходить, это значить, в хутор войска наши, какие прошли, дальше кудысь пошли, кубыть, на Приморскую, а дед Афанасий вышел им навстречу, да разодетый по воински и аж шаровары с лампасами надел и на грудь три креста Георгия нацепил и приветствуить наших ребят и аж под козырек узял им! А тут гляжу следом за войсковыми ребятами нашими, какие деду Афанасию тожа в честь ему под козырек брали, и стало быть приветствовали, движется целая арава анчихристов - чекистов, стало быть, энтих. Ну вот тут дед Афанасий и заколесил им: "А вас, говорит, стадо гадкое не пуцу в хутор", и дорогу им заслонять стал. Руки расставляять зачал дед, да так, што усю дорогу злодеям полностью загородил: "не пуцу, стало быть, и все тут!"

Ну туточки враз и выстрел полыхнул. Упал дед Афанасий, как подкошенный посередь дороги. А я из сваво окна усе наблюдал. Слышу, начальник анчихристов энтих, какой из нагана полыхнул, приказ им даеть:

- Выбросите падаль в речку! - Потянули злодей убитава единава защитника Синявки нашей от анчихристов и убросили ево в Дон. Апосля всплыл труп деда Афанасия и подхватили и понесли волны страдальца вниз по течению к морю Азовскому. Вот посему и гутарю: - уплыл дед Афанасий...

Калека свидетель - очевидец опять поерзал по земле искалеченными ногами и скинув с потресканным картузом вылинявшую обесцве-

ченную донскую фуражку, стал размашисто креститься.

- Припиши, Петрович, покойнова раба Божева Афанасия к опчему списку и подай батюшке. - Потрясенный неожиданным сообщением, крестясь, тихо проговорил атаман, обращаясь к хуторскому писарю.

Еще два дня после общего молебствия и панихиды ходил с крестом по хутору батюшка. Каждая семья просида его не отказывать посетить их курень. И шел, преодолевая физическую немощь, старичек-священник, молясь за всех и вся, кропил курени казачьи освященной водой...

Х Х Х

Высланный ротмистром Шиллером взвод казаков в район разгрома немцами войск Красной армии у Харькова, привел большое количество трофейных, выбранных лучших из лучших строевых коней. Для сельских работ и гужевого транспорта также было приведено большое количество лошадей. Не преминули казаки пригнать и пребольшое стадо бывших колхозных коров, овец, свиней, и даже домашняя птица была в достатке доставлена. Немцы еще не успели прибрать к своим рукам все эти трофеи и казаки весьма быстро и ловко воспользовались оплошностью немецкого командования.

Атаман немедленно распорядился переслать часть добычи в станицы Приморскую и Безсергеновскую, а так же в "Нахаловку" людям приютившими в трудное время в своих хижинах казаков, делясь своими последними крохами хлеба. Атаман также не замедлил выслать две подводы в Таганрог в Городок Водников с боль-

шим количеством сушеной рыбы, овощей и засоленного свиного и коровьего мяса. Сопроводить в город вызвался Костя Греков и еще пятеро молодых казаков, членов организации "комсомольцев в отставке и подпольи".

Вера Григорьевна и Лара решили ехать домой в город. Дед Алексей не стал противиться.

- Возьми, дочка, бутылъ с молоком с-под бешеной коровки - это подарок старым морякам. Возьми, возьми - это трофейное добро. Видать "красные" ивановичи тоже обожают дымку донскую и пару бочек преогромных оставили нам казакам в подарок, пошли им Бог здоровья. - Атаман ласково оглядел молодых казаков - конвоиров okazji и легонько - ласково шлепнул по крупу плетью кобылицу, нетерпеливо топтавшуюся на месте с сидящей на ней лихой наездницей. Неожиданно для всех кобылица сделала огромный прыжок и отделившись от земли всеми четырьмя, перескочила через поперек стоявшую подводу.

От неожиданности Лара всем телом качнулась назад, чуть не вылетев из седла. Машинально, по укоренившемуся с детства навыку, в одно мгновение, она сильным рывком бросив тело вперед, сжав сильно кобылицу шенкелями, вспыхнув, гневно изо всех сил резанула норовистую животину плетью. Не успел еще никто опомниться, как высоко поднявшиеся на дороге облака пыли, скрыли стелившуюся бешеным наметом кобылицу с припавшей к луке казачьего седла всадницей.

- Тю! - вырвалось у Кости Грекова. Казаки удивленно переглядывались.

- Чумная какая-то животина! - расправляя вожжи и удивленно покрутив головой, проговорил казак-возница.

- Чудо! - Молвил другой казак. Дед Алексей наклонив голову, из-под очков выжидаючи смотрел на облака пыли уносимой ветром с дороги, молчал.

- И кто ей такую отчаянную кобылу подсунул? - Молвила Вера Григорьевна, вопросительно-удивленно оглядывая молодых казаков.

- Какая наездница, такую и кобылу подобрали ей. - Проговорил, пряча хитрую улыбку Костя Греков.

- Ты, что это язвишь, что-ли? - Вера Григорьевна бросила сердитый взгляд.

- Нет, нет, тетя Вера! Это я так, между прочим. - пряча глаза и подавляя хитрую улыбку поспешил оправдаться Греков. Вера Григорьевна, зная все проказы дочери с самого детства, тяжело вздохнула, ничего не ответила. Дед молчал. С вьющимися по ветру кудрями наездница мчалась назад, резко осадила кобылицу у самых подвод. Поднявшись в дыбки, кобылица затопталась на задних ногах, передними плясала, секла воздух, широко раздувала розовые ноздри, скалила зло зубы, настоженно, опасно строчила ушами, выворачивала рубиновые злые глаза. И лишь только когда кобылица устало дыша и вскидывая высоко голову и разбрызгивая пузырчатую белую пену, наконец окончательно притихла, покорно, устало опустив голову, Дед Алексей сказал:

- Звеняй, внучка - не знал, што животина под тобой черезчур нервная.

- Да, нервы ей я уже полечила, другой раз помирнее будет. - улыбнулась Лара и спрыгнула на землю стала пучком сена старательно вытирать струившиеся по груди кобылицы пот, ласково похлопывая ее по шелковистой шее.

- И чьей такая красавица была? - разглядывая кобылицу восхищенно проговорил казак возница.

- Трофейная. Мы ее из под Харькова привели. Вот лейтенант "красной" артиллерии наверно знает. Что скажешь, Калуга? - Костя Греков шутливо улыбаясь, хлопнул друга по плечу.

- Такими красавицами так больше комиссары владеют. - Отозвался Ванька Калуга: - у лейтенантов для такой роскоши не хватает заслуг перед "отцом народов", - с ноткой сарказма добавил он.

- Да, да, что ни есть комиссарская коняга! - Подхватил казак возница.

Кобылица была игреневого масти с белой длинной шелковистой гривой и таким же хвостом. Обладая всей лошадиной красотой строевой армейской лошади.

- Трогай! - распорядился атаман. Брички застучали колесами по сухой пыльной дороге. Следом поспешала охрана во главе с Ларой. На ней воинская донская рубашка. Тонкую талию обхватывает кавказский пояс с серебряным набором. На темно-синих шароварах алеют донские в четыре пальца шириной алые ломпасы (сама шила). На ногах изящные боксовые сапожки (подарок хуторского Правления). На голове с алыми околышками красуется донская фуражка (подарок от самого атамана). Из под короткого, надвинутого на лоб лакированного козырька повелительно светятся серые лучистые глаза. У нее вид предводительницы, у нее же в кармане донских шаровар удостоверение, выданное немецкой хуторской комендатурой.

- А што, Григорьевна, не забастуют ли нас немцы-то по дороге? - усумнился казак возница.

- Нет, у Ларисы разрешение от них есть. А у Кости Грекова маршевой приказ от командира их сотни ротмистра Шиллера. Так что погоняй, Иван Петрович. Погоняй, милейший, а то я волнуясь.

- А чево оно волноваца-то, Григорьевна?

- Да так, разные страшные мысли лезут в голову. Говорится же "пуганая ворона и куستا боится". Вот так и я вроде пуганой вороны. Погоняй, Иван Петрович, погоняй! - Возница подхлестнул коней и вскоре брички, выбивая дробь колесами о булыжник заколесили по мостовой Ленинской, вновь обретшей свое настоящее название - Петровская - главной городской улицы.

Густо шагавшие по улице немецкие солдаты и офицеры останавливались, подолгу смотрели вслед шибко скачущим казакам, дивясь и любуясь не то красавицей наездницей, не то скачущей в перепляс под ней красавицей кобылицей.

Не успел возница передней подводы остановить коней, как на пороге дома появился Иван Фомич. Размахивая костылем, он вприпрыжку бросился к подводам.

- Григорьевна! Родненькая, приехала! - Выкрикивал он хрипло, надрывчиво и учащенно подмигивая слезившимся больным глазом: - Ларушка! Раскрасавица ты наша водников-то, знаменитых-то! Домой заявилася, радость-то какая! - захрипел еще сильнее Иван Фомич, увидав и узнав Лару, разодетую в донскую казачью форму.

Из дома Рудаковых и других домов городка посыпались горохом другие жильцы. Радуюсь, охая и ахая, они дружно бросились помогать казакам вносить привезенные продукты. Степан Терентьевич, оставивший приют в "Голодаевке-

Нахаловке" вместе со своей женой и семьей Плотниковых, сказал, что отнимать последние крохи хлеба у приютивших их хозяев не стоит и что лучше отправиться восвояси, ибо "все одно всем с голоду помирать придется". Теперь, бодро поднимаясь по ступенькам с длинной вязкой сушеных чебаков за спиной, не переставал повторять: - "Рыбка, родненькая наша. Рыбка в море плавающая! Рыбка моряков от смерти голодной спасающая!"

За столом, когда все, усевшись, припали к еде, Вера Григорьевна демонстративно и с особой радостью развернула тщательно заматанную в старую дырявую конскую попону бутылку с самогоном.

- Вот вам, моряки, подарок передал атаман от "красных" ивановичей - они в бытность свою в нашей Синявке дымкой никак не брезговали, а "палили" ее во всю ивановскую. Пейте на здоровье, старые моряки - партизаны!

Вера Григорьевна в первый раз за долгое время весело рассмеялась. Иван Фомич тронутый заботой атамана, как мячик подскочил, чуть не свалившись со стула. Сильно подмигивая больным глазом, он, заикаясь, стал издавать хриплые звуки, силясь что-то сказать. А Степан Тереньевич стал вытирать краем пустого рукава морского кителя, ставшие влажными глаза.

- Григорьевна, благодетельница ты наша! Атаман-то морской волк - боцман наш родимый, своих моряков, стало быть, не забывает, горе наше вот как знает! Не только питањице для желудков наших прислал нам, но и спиртным решил побалывать нас, это значить, настроеннице приподнять у нас, чтобы не унывали моряки старые! - восторженно хрипел Иван Фомич. А Степан Тереньевич принимая наполнен-

ный до верха стакан с дымкой, медленно, задумчиво, растягивая слова сказал:

- "Красные" Ивановичи, как я уже вижу тепереча, нам и есть одно спасение. Коль не успеют поднажать во время германцев, всех нас германец голодом да расстрелами - всех до одного вытолчит. За их здоровье, за "красных" Ивановичей пью, помогай им Бог!

Степан Терентьевич перекрестился на икону и залпом осушил стакан. Все молчали, а Степан Терентьевич, вытирая пустым рукавом морского кителя губы, добавил:

- Хош серчай, Григорьевна, хош нет, а я за успех их, кто германца с той стороны на бордаж штурмует, Богу кажон день молюся. Такая ситуация у нас объявилась зараз. -

- А я, Степан Терентьевич, дорогой наш, за кого, по-вашему, Богу молюся! Муж, сын с той стороны бьются, что они по-вашему, разве не "красные" Ивановичи? А? - Вера Григорьевна секла Горшкова летящими молниями из глаз.

- Истину говоришь, Григорьевна, Ивановичи - они чистейших кровей! - согласился Степан Терентьевич, радостно заблестев глазами.

- А ситуация не то, что сложилась для нас неудачная, а непомерно страшная! - зачеканила словами Вера Григорьевна: - Вот и батя зараз стал говаривать: коль "красные" наши Ивановичи зараз немцу кровь с носа не пустят, не дадут немцы в таком случае нам возможности вооружаться вовсе, и прихлопнут нас всех как только победу одержат над "красными" Ивановичами. Другими словами - не будет у нас достаточно силенок в нужный мо-

мент с внешим врагом России по потылице поздороваться - тут все ясно!

- Разумные речи атаманские! - совсем просияв лицом, воскликнул радостно Горшков и перекрестился опять на икону, поднял свой стакан, собираясь что-то еще сказать, но его опередил Иван Фомич:

- Стало быть, выпьем, родные друзья - товарищи, на сей раз за здоровье и успехи воинские всех Ивановичей и какие с одной, и какие с другой стороны фронта решку навести обоим врагам России старающа! - захрипел он и схватив бутылъ стал до верху наполнять стаканы дымкой всем присутствующим.

- А все же я вижу перед собой чудо! - вмешалась в разговор, все время молчавшая Лара:

- Какое ты чудо усмотрела, Лариса? - настороженно поглядывая на Лару и усиленно подмигивая больным глазом, спросил Иван Фомич.

- Да вот такое, что вижу вас всех живыми, как могли вы прожить все это долгое время без куска хлеба?

- Ах ты воно што чудом определила. Оно, конечно, действительно мы бы усе должны были бы быть мертвыми. Да, ты рыжево атамана войска - отбивателей добра народного у советской власти, чай помнишь?

- А кто же его не помнит!

- Ну так вот, энтот самый знаменитый стратег - полководец заявился к нам в дом со своим адъютантом, Шариком, у которова то ноги колесом пристроены, чай тоже ево помятаешь?

- Конечно!

- Ну так вот, энтот, значит, рыжий атаман и спрашивает меня. Да не спрашивает, а

враз говорить - видит, что я с "катушек" пот, вот слечу, и аж с костылем и то еле-еле, это значить, вверх головой держуся и словно при большом шторме меня, как какую малую посудину качает. А говорит, это значит так:

- Эге...е...е, старина. Вижу доходите вы туточки усе без топлива. Чай желудки у вас пару никакова не содержат - так ведь? - Точно! - это значит, я ему атаману рыжему в ответ по блатному влепил. Дескать, выручай, голупчик! А он только и усего головою кивнул своему помочнику - адъютанту, как тот проворно на своих ногах колесоподобных в один мих мотнулся вниз и гляжу прет поперек себя и аж больше себя огромный ящик, а на спиной у него мешок горой целой высица. Как раскрыли мы, это значить, ящик энтой, да мешок - мамочки мои! - Картошка, лук, помидоры квашеные, перед нами объявились. Как туточки враз збежались усе соседушки наши и тоже уроде нас - гляди от ветру униз голоной полетять. Чуть-чуть, это значить, живы, здорovenькие. Начали туточки мы добро делить, а я и спрашую атамана рыжева: как же, говорю, это ты герой советского союза смох раздобыть то добро такое-то, коль повсюду у складов немецкая охрана стоить? Рыжий атаман только усмехнулся и с такой важностью заявляеть: мы папаша, у совецкой власти доброе народное отбивать не страшилися, а немец, м-гу что он супротив власти советов? Куда ему, немцу-то соцсоревноваца по бдительно-сти с воров тифлийским, это значить, с Есифом Фисарионычем. Зевак, говорит, немец усе время ловить. Мы, говорить, у него, посереть белова дня, из-под самого носа усе, что хош утащить можем! А охрана, говорить, у складов продуктовых, вовсе не из немцев

состоить. Стоят, говорить, это значить, в немецкой шкуре, да с немецкими карабинами, наши русские Ивановичи. Уроде, как от противника искусно замаскировались. А сорганизовал их и команду принял, это значить, над ними, говорить, одни лихой наш капитан-танкист Иван Иванович. А он, этот, это значить, герой советского союза у немцев в большом почете пребывает и аж за ручку с ним здороваюца самые что ни есть большие чинами германские начальники.

Впрочем ухо-паря капитан-танкист етот. И немцев любить, аж больше, как собака палку, а то может и аж больше - вот оно что происходить у нас в городе, а посему мы живые прибываем и ногами униз ходим, как и усе другие, каво снабжает продуктами атаман-стратег великий полководец. У него, стало быть, с капитаном-танкистом одна чашка-ложка! Вот вам и мой доклад полностью о живых по сей день людях пребывающих.

Иван Фомич пьянея долго еще рассказывал о Ивановичах-войнах отбивателей добра народного у немцев.

- А Устюшки-то нашей не стало, веть на свете етом. - С тяжелым вздохом, перебивая рассказ Ивана Фомича, вставила супруга Степана Терентьевича.

- Как так? - удивленно-испуганно проговорила Вера Григорьевна. Ульяновна опять тяжело вздохнув, обреченно развела руками, намереваясь поведать печальную вест, но Иван Фомич опередил ее. Он даже ухватившись за костыль поднялся со стула и усиленно подмигивая больным глазом, понуро опустил голову, глухо прохрипел:

- Правду гуторить Ульяновна - нема Устюшки-то с нами на сем грешном свете.

- Кто такая? - шопотом спросил Ванька

Калуга Костю Грекова.

- Да, наша местная радио О.Б.С. Рассказывал я тебе о ней раньше - забыл ты. Ухлопали ее немцы. - прошептал на ухо Грек Калуге.

- Доложу вам, люди хорошие, случай страшный, и уж какой раз у нас в городе происходивший. - Иван Фомич откашлялся и продолжал: - как начали германцы у то злополучное утро на Новом базаре постреливать, а Устюшка-то наша сердобольная, надобно сказать, любопытственная була женценка и метнулася в разветку дальнюю, а ее жандары германские и прихватили. Ана-то упераца зачала, дескать куды вы меня, на што я вам? А они говорят: счету у нас ровно нету, много всяких русских приказано нам расстрелять за одново немца убиваво партизанами, это значить, русскими вашими! А иде мы зараз будем искать-то русских, коль они усе позапряталися - давай в строй становись - счет нужен нам точный! Полыхнули огнем и убили злодеи Устюшку и других людей какие на улицах им случайно попалися. Это как? А?

Все молчали, понутив головы, а Иван Фомич тяжело вздохнул и усиленно подмигивая большим глазом, скорбным тоном добавил:

- Оно бывало, грешным делом, иной раз костылем сгоряча на Устюшку замахнешся и обругаешь ее, милейшую женщину нечестными словами - були такие неполатки у нас в доме водницком. А что бы людей убивать! Да неповиных ни у чем! - Иван Фомич крайне возмущенно потряс костылем и чуть не свалившись со стула, ухватясь рукой за край стола, с ноткой досады и огорчения глухо закончил свою речь: - Живем теперича мы туточки, это значить, без всяких соопчений. Словно нам

ухи кто пообрубливал аль полностью глухими мы усе стали. Ушла Устина Ивановна в лучший мир, Царство ей Небесное! - Иван Фомич перекрестился на икону. За ним стали креститься и все другие. Ванька-Калуга подражая другим, приподнялся со стула и искоса глядя на икону с распятием Спасителя, застенчиво, неумело перекрестился, ощутил, как "екнуло" сердце - представилась белокурая головка с лучистыми голубыми глазами Наташки - Разведчицы. - Ничего, она научит! - с уверенностью подумал он, опять присаживаясь на стул. - У Длинноноса узнаю, где она теперь, - мелькнуло у него сразу же еще одна обнадеживающая мысль.

- Тетя Вера! - спохватился Костя Греков, - нам то двигаться нужно. - Он поднялся первым из-за стола, а за ним, как по команде, поспешили подняться подчиненные ему казаки - разведчики Первой Повстанческой.

- Ну, что же, езжайте, коль нужно. - Согласилась Вера Григорьевна. - Только чур нас не забывайте! - улыбнулась она, ласково потрепав чубастую голову Кости.

- Марк, наверное тебя Котик там (Вера Григорьевна кивнула головой в сторону Северо-Запада, в сторону Балтийского моря) не забывает. - печально, тоскливо улыбнувшись, добавила она.

- Думаю нет, тетя Вера, друзья мы с ним! Да мы еще пару дней в городе будем. Я только доложу в штаб полка о нашем прибытии и получу продукты на прибывших со мной казаков. - Греков самодовольно взглянул на свои погоны с двумя "лычками" - урядника, и стал прощаться. Казаки, прощаясь, стали спускаться, стуча по цементным ступенькам лестницы тяжелыми окованными немецкими кавалерийскими са-

погами. Провожая казаков, Лара в легких изящных сапожках, беззвучно поржала следом. Стоя на пороге дома, она, когда казаки, тронув коней, одновременно, как бы по команде приняли положение "смирно", строго оглядев всадников, властно блестя глазами, четко ответила на их учтивость тем же положенным воинским жестом, помня слова деда Алексея: "казачки, внучка, они с покон веков в воинских делах завсегда с казаками равны были, а подчас и сами предводительствовали в непрерывной борьбе Войска Донского"...

Х Х Х

- Что доложишь, Грек? - Длиннонос пожал прибывшим друзьям руки, приветливо засияв своими иссиня-черными, бархатными глазами.

- А то же самое, что ты нам не раз говорил, товарищ капитан. - Проговорил Костя Грек с печальной миной на лице, садясь на завалинок саманной хатенки Саркисьяна.

- Ты правильно определил, Ваня, стратегическую инициативу немцы еще крепко держат в своих руках - удар нанесен нашим войскам весьма сильный. Как долго будут продолжаться их успехи - не знаю, но вот с верховья Дона через Ростов каждый день гонят немцы десятками тысяч пленных ребяток. Зрелище - жуть одна! Ни куска хлеба, ни капли воды немцы пленным не дают, отстающих от общей колонны стреляют и частенько, так что позади уже лежащие груды мертвых тел остаются. В общем плохие дела у нас, товарищ капитан.

- Знаю - хмурясь, бросил Длиннонос - но не отчаивайтесь, братцы, скоро должен назреть перелом: я вам говорю!

- Правильно! Не отчаивайтесь, ребята,

а подумайте: сколько бы не захватили немцы наших ребят в плен, у нас все равно найдется кем их заменить - двести миллионов "красных" Ивановичей у нас еще позади в борьбе павших находятся. А вот кем немцы заменять станут своих фрицев, когда у них ряды поредеют, когда они выдохнутся и покатаются назад? Нами - "белыми" Ивановичами? Подай Бог! У товарища Гитлера уже теперь безвыходное положение! Это я вам, ребята, уже теперь говорю! - лейтенант Иван Волошин чеканил словами. Он гневно поиграл глазами и тоже присел на завалинок хаты. Друзья помолчали. Каждый что-то про себя размышлял.

- Ах вот он! И как всегда невзначай! - воскликнул радостно Длиннонос, протягивая руку, перескочившему через частокол полисадника, Борису Шапошникову.

- С какими новостями ты, Борис Иванович, пожаловал нас визитом своим? Чай теперь не "пять за одного", надеюсь. А? - Костя Грек и Ванька Калуга с интересом рассматривали Бориса. На нем кулем сидел поношенный немецкий мундир и пузырились огромного размера красноармейские галифе, на ногах немецкие, окованные железом сапоги, на ремне болтаются наган - полицай.

- Нет, эта "петрушка" боком вышла ее подстрекателям! - Борис хитро улыбался, как обычно блямгал глазами, но к удивлению Кости Грекова, он не подтягивал все время спадающие с его жирного живота, штаны.

- А ты что это, Борька, где живот свой забыл, или отощал до костей?

- Это почему? - удивился Борис, заблывав усиленно глазами, и опять-таки не сделал обычного приема - подтягивания штанов.

- Да животиком ты обладаешь буржуйского

социального происхождения, а посему и штаны пролетарские у тебя с животом буржуазским не ладят - подтягивать тебе насильно их надо. А вот теперь, что-то ты не того - новость неведомая!

- А вот секрет! - Борис задрал мундир - к поясу галифе были пристегнуты прорезиненные немецкие подтяжки. - Немецкие подтяжки обладают удивительным средством: мои пролетарские штаны моментально и безотказно натягиваются на мой буржуазный животик! - Борис опять хитро заулыбался и усиленно заблмыл глазами.

Друзья, разговорившись, вспоминая хорошее и плохое прошлое, долго просидели на глиняной завалинке хатенки Саркисьяна.

- Мне заступать на смену! Обрываюсь! - первым спохватился Борис.

- Я тоже должен зайти проведать родных. - Костя Грек поднялся с завалинки. - Обрываемся, Борька!

Лейтенант Волошин, оставшись наедине с Длинноносом никак не мог решиться спросить его о Наташе Калмыковой. В разговоре он мялся, тушевался, ходил вокруг да около томившего его вопроса. Но "хитро-мудрый армяшка" Иванос-Длиннонос смекнул, куда гнет артиллерист, желая помочь другу сказал:

- Организация НТС весьма успешно ведет работу по обе стороны фронта - мы во время получаем нужные нам сведения. Наташа Калмыкова у нас аккуратный "почтальон" - сообщает все во время - как часы заведенные - будьте у верочки - это точно!

- А откуда же она сообщает? - Выпалил вопрос артиллерист и тут же осекся, молча смущенно-застенчиво опустил голову, поглядывая на Длинноноса.

- Да вот, последние сведения она из Харькова "перебросила" нам, а сегодня где она находится, я не знаю.

- А как же она в Харькове очутилась, так быстро? - Опять не выдержав, несмотря на все усилия быть сдержанным в своих дознаниях, спросил Волошин.

- Видишь, Калуга, у Наташи связи кругом, и она не по своему выбору передвигается, а по назначению Оперативного Штаба организации. У них есть везде их люди. Вот эти люди и устроили очень даже быстренько Наташу переводчицей в штаб какой-то немецкой дивизии, которая продвигалась в составе немецких войск с боями к Харькову. Очевидно штабу НТС нужно было перебросить своего человека с определенным заданием в этот город. Выбор выпал на Наташу, и вот она была одно время там.

Артиллерист ничего больше не спросил о Наташе, сам переменял "пластинку" и очень даже тактично, однако и этот "маневр" не ускользнул незамеченным Длинноносом.

- Ты, тезка, у меня ночевать останешься - согласен?

- А мне бездомному больше и негде. - улыбнулся Волошин: - казаков урядник Греков привел местных - они по домам. А я...

- И ты дома, лейтенант артиллерии Иван Иванович Волошин! - Длиннонос дружелюбно хлопнул по плечу друга.

- Пошли ужинать, там бабушка моя уже слышу тарелками тарыхтит.

- Спасибо, Ваня, с удовольствием остаюсь у тебя, капитан танковых войск. - Улыбнулся Волошин и тут же серьезно спросил: - Бабушка у тебя есть, Ваня? Это счастье. А мне ни одной своей бабушки, ни одного своего дедушки не пришлось видеть. Померли они еще до моего рождения. Иногда находит на меня вот

такое... Ну вот, как тебе сказать, очень хочется их всех видеть живыми! - Волошин скорбно развел руками, стараясь объяснить пояснее охватывающее его иногда чувство. Они остановились на пороге, облакотившись о дощатую дверь хатенки.

- У тебя, тетка, бабушки, да дедушки померли до твоего рождения, а у меня мать и отец померли только, конечно, после моего рождения, - приглушенно проговорил Саркисян потупя глаза.

- Ну! Как так? - Волошин бросил удивленно - скорбный взгляд на друга.

- Да так - голод скосил их заодно с миллионами других в тридцать втором и третьем. Я пятнадцатилетним пацаном, еще до смерти родителей, с дому ушел, с огольцами связался. Ходили мы шайками по базару, хватали все, что попадется съестное и в рот совали. Ловили нас, били, а мы за жизнь цеплялись - продолжали свое - пустые желудки руководили нами. Спали мы в порту в бочках пустых, в сорных ящиках. Зимой забирались поближе к трубам заводским, где теплее - пар по ним шел горячий. Чуть, было, свет, а мы уж гурьбой на базар плетемся, и на ходу вшей бьем. Вошь - эта мука страшная! - Саркисян покосился на скорбно глядящего на него друга, зло заблестел глазами: - Кровь сосет и тело пожирает это гадкое насекомое! - Добавил он.

- А как же ты в люди выбился, Ваня?

- Да, вот-же, погоди доскажу. В те времена до этого еще далеко. В начале тридцать второго года мотнулся я с урками отчаянными, надо сказать, в Ростов. Научился у них искусству воровскому, а если необходимо становилось и финский нож применял. Вернулся домой в конце тридцать второго года, как раз в разгар голодной смерти. Мать и отца в живых не зас-

тал. Люди рассказали мне, как ходили они летом по городу пухлыми в поисках хлеба, а зима пришла и заморозила их, как и множество других, прямо на улицах города. По утрам в те годы приезжал грузовик, подбирал закоченные трупы людей, вез куда-то на свалку в общие могилы. Бог весть, где кости лежат моих родителей - не знаю ни я, ни бабка моя. Десятки миллионов тогда похоронил Сталин людей наших таким способом.

Длиннонос помолчал, тяжело вздохнув, потрянул головой, как бы стараясь освободиться от давящей его душу тяжести, снова заговорил:

- Я вернулся домой в сапожках боксовых и голенищами гармошкой, в костюмчике шевиотовом, брюки на выпуск - по блатному одет был я. Прическа тоже блатная у меня была и, конечно, хулиганская сноровка. Вообще урка и вор с практикой не малой был я. Смерть родителей страшно потрясла меня, и я в один миг внутренне переменялся. Бросился я тогда бабку свою спасать. Живой оказалась она, только лежала без движения и слова не могла молвить, только смотрела на меня и в глазах ее я радость увидел. Долго рассказывать, Ванек, историю всю эту, а коротко дальше было так: бабку свою я от смерти голодной спас. Выдержали мы тридцать второй и тридцать третий годы. В тридцать четвертом стало немного легче жить и я вернулся в школу, но воровать не мог бросить - грызть нужно было что-то, а если не украдешь, значит ложись и ожидай смерти и в эти годы тоже. Воровал я больше из местного городского рыбтреста, да со складов овощных - картошку и лук.

Едва окончил восьмой класс, поступил в военное танковое училище. После окончания оставили меня при училище в качестве преподавателя, как командира отличника. Позднее про-

извели в чин старшего лейтенанта. В этой должности и застала меня война. Бросили вскоре мене с курсантами на фронт. Каким-то образом, да вобщем, как говорят, повезло нам - дали мои танкисты добре по носу немцам в первом же бою и сумели мы выйти из полного окружения, в каком оказалось большое количество наших частей. Три месяца дрались мы успешно, вернее отбивались от наседавших на нас немцев. За такие дела мне чин капитана вlepили, а орден Красной Звезды сам комиссар бригады танковой прицепил мне и тут-же в партию вступить предложил - это обычное явление - сам знаешь. Отказываться от такого предложения у нас не полагается - это тоже все знают. И так стал я партийным, липовым, конечно. Продолжал я воевать со своими танкистами. Порой мы огрызались крепко и фрицам частенько доставалось от нас на орехи - будьте уверочки! Но вот случилось так, что раскатали немцы наши части превосходящими силами и попало в окружение множество наших ребят, в том числе и я. В плену у немцев оказался.

Плен немецкий равен голодовке тридцать третьего, вот тут-то мой опыт, в бытность мою уркой-вором, помог мне бежать из лагеря смертников от голода и добраться незаметно до вот этой моей хижины, Ванек. Вот тебе и моя эпопея, лейтенант Иван Иванович Волошин! А теперь пойдём и загрызем прошлое горе, чем Бог послал. - Саркисьян убрал с лица печаль и хлопнув друга по плечу и облегченно вздохнув, заблестел особой добротой исходящей из его иссине-черных бархатных глаз.

- Это мой друг, бабушка, лейтенант Ваня Волошин. - целуя бабку в щеку, радостно проговорил Длиннонос.

- Ишь ты, ладный хлопец! - бабка восхищенно оглядывала такими же, как и у внука

иссиня-черными бархатными, но потерявшими от старости блеск глазами, красивого и очень хорошо сложенного друга внука.

- Ты, что же, молодец, танкист будешь тоже?

- Нет, бабушка, артиллерист я.

- Вот что! Ну, садитесь артиллерист и танкист за стол. Я вот разсолъничек сварила, кушайте, родимые, на здоровъечко.

- И ты с нами, бабушка, садись кушать за компанию. Еще вкуснее разсолъничек твой станет нам. Вот Ваня жалеет, что у него нет бабушки, а ты у меня есть, а значит и для друга моего тоже бабушка родная.- Длиннонос опять поцеловал бабку в старческую морщинистую смуглую щеку.

- Сяду и я с вами, дети, коль так. А иначе и не может быть - все вы мне родные внуки ведь все вы-в рабстве рожденные - истина, куда ее денешь!

Раздавая деревянные разукрашенные ложки, проговорила бабка с печалью и в то же время с радостью в глазах.

- Вот обрела еще одного внука! - добавила она и налив себе в деревянную миску суп, обратилась к иконе, зашептала молитву. Артиллерист, к своему же удивлению, без тени смущения, перекрестился вслед за бабкой и даже привстал со стула и тут же припомнил наставление Наташи и тут же представилась ему белокурая в локонах головка прелестной русской девушки с лучистыми голубыми глазами.

- Ага! Молодец артиллерист! - похвалил прозорливый Длиннонос: - чай вспомнил наставление симпатии своей? Наташи - да?

- Нет... так... сам не знаю как... - смущенно проговорил Волошин: - Бабушка твоя, то есть наша, напомнила мне, надобно полагать, - розовея щеками, стыдливо пряча глаза, добавил

он, ощущая, как заекало сердце при упоминании имени, которое он часто, мысленно, а то и вслух, произносит.

Уже поздней ночью, лежа в постели, друзья не переставали говорить. Артиллерист рассказывал о своей жизни в родной, далекой "от Дона" (как он сказал) Калуге. О детстве и отрочестве и юности, о первых встречах с девушками, о первых к ним чувствах.

- Но все это было не то, Ваня. - тяжело вздохнув проговорил гость, тут же стыдливо розовея в щеках.

- Вижу, что не то. - Отозвался Длиннонос - Ты, Ванек, вижу я любишь Наташу нашу. Не стесняйся, браток, с каждым такое может стрястись, Длиннонос помолчав, что-то поразмыслив, продолжал:

- Я разыщу ее и очень может скоро - можешь не сомневаться!

- Да ну! - вырвалось у Ваньки Калуги.

- Вот те и ну! Говорю же разыщу! - Длиннонос опять помолчав, добавил: - Она сама к нам скоро вернется. Организация наша расширилась и окрепла, и можем мы теперь такие дела проводить, какие товарищам Гитлеру и Сталину, наверное, только в страшных снах снятся - понял?

Артиллерист вовсе не понял, на что намекает Длиннонос он просто прослушал, он только слышал слова "она сама к нам скоро вернется" и он невольно, откровенно выпалил:

- Благодарю, тетка! Очень благодарен тебе за сочувствие!

- Как же не сочувствовать тебе, друг мой, коль со мной тоже самое поди, что и с тобой происходит! - Длиннонос обжег друга блеском глаз. Артиллерист приподнялся на кровати, опершись локтем о подушку, устремил выжидающе-взволнованный взгляд на друга.

- Случилось у меня, браток, такая, можно сказать, мимолетная встреча с девушкой, больше с виду - не на девицу, а так на девчушку выглядывающей - стал медленно поведывать Длиннонос.

- В Минске, в Белоруссии это случилось. Я только с ротой после очередного боя еле-еле к своим пробился. Вошли наши танки в город уже. Остановил я свою колонну вылез из танка, чтобы осмотреться, да и воздуха свежего вдохнуть, и вот навзначай, передо мной шумливо подскочившая гурьба девушек. - Длиннонос замолчал, подавшись в сторону пытливо слушающего его друга, продолжал:

- "Скажите, пожалуйста, товарищ старший лейтенант, на окраине города еще наши"? Слышу голос нежный и ласковый и какой-то особенный. Глянул я на задавшую вопрос девчонку и глаз своих не могу от нее оторвать. Язык у меня вроде отнялся и слова вымолвить не могу. А она смотрит на меня и вижу с каким-то интересом меня рассматривает, особо как-то смотрит. Смотрят на меня и другие, бывшие с ней девчонки, я их и не вижу, а вижу перед собой чудесную белокурую всю в локонах шелковую головку, да глаза, каких во всем свете не сыскать! Да, наконец, заикаясь, говорю я - наши войска занимают окраину города. - "Спасибо"! - только и молвила, да так еще как-то более особенно глянула на меня, что, думаю, никаких слов на свете нет, чтобы объяснить этот взгляд. Бросилась бежать дальше она - эта девчонка первой, так что я ей и слова больше не успел сказать. Спрашиваю крайнюю отставшую девчонку - как зовут то вот ту, белокурую? А она, смуглянка черноокая проказницей оказалась - такую замысловатую гримасу на своем лице изобразила, да так еще кокетливо крутнулась пару раз перед на-

ми, распуская юбку веером и процедила: "ни-как не зовут! А меня зовут Валя!" Ошпарила проказница и меня и уже подошедших ко мне моих танкистов вызывающим взглядом и помчалась вслед за другими без оглядки.

Длиннонос помолчал и раскидывая широко руки, лег на спину глядя в потолок, задумчиво, медленно, растягивая слова сказал:

- Вот с тех пор я все и присматриваться стал, как увижу какую белокурую. А гляну в глаза - нет не она! - И опять помолчав, добавил:

- У тебя, Ванек, дела насчет белокурых много лучше моих обстоят, так что не унывай. А сейчас давай дрыхнуть. Мне завтра утром ехать в Синявку к атаману надобно.

- Что так?

- Да так, время спрело такое - с казачьими атаманами рассмотреть много назревших вопросов надобно. Ведь территория Донского казачества в немецких руках находится, с казачьим руководством и о деле общем толковать надобно.

- Это-то так. Да что можно сделать для успеха общего дела?

- Да вот этот же вопрос и выяснить нужно. Спи, Ванек...

Х Х Х

Дед Алексей, суровая лицом, внимательно следил за пальцем Саркисяна, скользившего по разложенной на столе карте.

- Противник прорвался к Сталинграду, вышел к Волге, местами форсировал реку. Войска правого крыла войск противника овладели Северным Кавказом. Надобно ожидать немцы поспешат теперь обойти Главный Кавказский хребет с Запада и захватить Новороссийск и Ту-

апсе. Вполне ясно, они так же предпримут попытку обойти хребет с Востока, так как им необходимо достичь нефтяных источников - захватить Грозный и Баку. Немцы еще десятого августа овладели Майкопом и с ходу взяли Краснодар. Мне думается, немцы будут стараться продырявить Главный Кавказский хребет и захватить Сухуми. Если им это удастся, опасность над войсками Красной армии нависнет весьма серьезная. В общем противник проявил весьма похвальную боеспособность своих солдат и офицеров.

Саркисян долго молчал, что-то размышлял. Молчал и дед Алексей.

- В общем дела у нас, как я вижу, неважные, атаман. Полковник Коржов просил меня разузнать через вас какими реальными силами на сегодняшний день казачьи руководители располагают на Дону, Кубани и Тереке?

Глаза Саркисяна остановились на хмуро сдвинувшем брови лице атамана.

- Не такими, как мы поначалу надеялись, Иванович. Вовсе не такими, дорогой! Так что, ты прав - дела у нас неважные. Надьсь прыскачил в хутор Колосов. Чай знаешь его?

- Как же, крестный отец Марка!

- Он. Мы его было уже погибшим считали, да он казак таково сорта, что ни в огне не горит, ни в воде не тонет! В Штабе атамана Павлова зараз он пребывает - дела проворачивать пособляет молодцам атаманам нашим. Да дело в том, что германский то "атаман" - фюрер этот самый ихний, попрержнему пуше смерти России праведной - Православной национальной боится нежели своего камрата Сталина, а посему и закрывает нам все пути дорожки строить Россию нашу - вот оно в чем горе мирового значения! Именно - мирового, чай разумеешь сие? Танкист Иванович?

- Как же, атаман, разумею, конечно!

- Ну, коль разумеешь, так и не удивляйся сообщениям доставленным мне Колосовым из Ночеркаска, из Атаманцкого Дворца-то. А сообщения таковы: На Дону, на Кубани, да на Тереке казаки рвутся к борьбе все поголовно. Организовать миллионную казачью армию, как говорится в один миг: можно сейчас. А потом толкнуть ее на Восток, а она то пока до Москвы докатится, как снежный ком разрастется с миллиона, да в пять миллионов обернется. Да какова от этого германцу радость то будет? Вот вопрос! Заместо Сталина засядет на радость нашу на трон русский один какой герой из иванов ивановичей, да как кинет клич князя Пожарского да Минина: "Братцы да стоим головами нашими за Русь Святую!" Да как кинутся все иваны ивановичи на германцев ослабших в борьбе против "красных" ивановичей, да враз изничтожат их поголовно, как изничтожили поляков, да шведов, да французишек у те времена. Туточки, родной мой танкист лихой, дело обстоит так, что Гитлеру против Сталина, хош не хош, а с оглядкой воевать то надобно. Поберегать ему Сталина надобно ибо не Сталин смерть ему несет, а двести миллионов ивановичей! А сейчас уже слух доносица, что уже объявился полководец великий у нас - генерал русский, а имя ему Георгий Константинович Жуков - что ни есть иванович чистейшей крови! Вот ежели он, а я полагаю, их еще таких как он, много у нас объявится и ежели они как следует "кровь с носа" германцам пустят, да я тебе уже об этом говорил, вот тогда только хош не хош, а немецкие генералы да маршалы, уже без разрешения на то Гитлера, кинутся свои дыры на фронтах, продырявленные "красными" ивановичами заштопывать "белыми" ивановичами, а

их у немцев за проволокой, чай сам знаешь, несколько миллионов сидят. Никогда я не верил демократам, а вот национал-социалистам поверил и крепко ошибся. Но придет время, и погонят немца наши Ивановичи, ибо уже видит народ наш с какой целью германец к нам в Россию пожаловал, это и есть главная причина, а не мороз русский. Тут дух русский победит и сомневатся не можно то! Думаю, что только у таком случаи мы и сможем заполучить от германца наших Ивановичей из-за проволоки лагерей пленных. Вот тогда мы и загоним в самое тело германской армии занозу колючию, да болючию, какую немцы уже не в силах будут вытягнуть никакам способом. А сейчас на сегодняшний день, ты прав, капитан-танкист, дела у нас неважные и я согласен с тобой. Так и передай полковнику Коржову. Он што, из кадровых?

Дед Алексей закусил ус и, наклонив голову, с интересом, из подлобья глянул на Саркисьяна.

- Да, офицер Генерального Штаба Красной армии.

- А вот это хорошо, стало быть, человек с нужными воинскими знаниями, - одобрил атаман возглавителя местных подпольных сил Третьей Силы.

Прощаясь, пожелал успеха в работе "комсомольцев в отставке и подполья". Выезжая из Синявки, Саркисьян нажал на газ и авто быстро помчало и нагнало пылившую впереди по дороге длинную колонну военнопленных.

- Немцы наших ребят гонят, - бльмая глазами, проговорил Борис Шапошников.

После разгрома войск маршала Тимошенко, в районе Харькова, немцы все еще, каждый день, гнали десятки и десятки тысяч изнывающих от жажды и голода своих пленников и не думая их накормить или напоить. Гнали в Таганрог, ставшим теперь немецким глубоким тылом. Если, кто из пленников отставал, немцы подгоняли стрельбой в воздух, до хрипоты зло орали: Лос!... Лос!... (давай, давай).

Саркисьян заметил, что военнопленных вместе с немецкими солдатами, конвоирует (вероятно наспех сформированные в Ростове) конный отряд русских полицейских. Двое полицейских стояли на мосту через пересекающий дорогу ручей. Лишь только, идущие в голове колонны пленники дотащились до моста, как сразу же все разом бросились к воде. Падая, они ползли на четвереньках, припадая ссохшимися устами к ручью, жадно, безотрывно пили грязную, мутную воду...

Раздался выстрел — один из полицейских, сидя на коне, на мосту, щелкая затвором немецкого кавалерийского карабина, прицелившись, нажимал на курок. После каждого выстрела голова одного из пьющих воду пленников погружалась в ручей, лишь на поверхность всплывали красные пятна крови, тело оставалось лежать недвижимым, серым, жалким, мертвым комочком.

Полицейский убил четырех, целился в пятого, когда машина на полном ходу подскочила и стала у моста.

— Прикрой меня спиной, Борька, живо!

Саркисьян блеснул глазами, выдернул из кобуры ПТ. Борис быстро заслонил его от глаз немецких солдат неумолкая оравших и стрелявших в воздух с правой стороны моста. Среди общего шума цокнул пистолетный выстрел и целив-

шийся полицейский в следующую свою жертву, не успев нажать на курок, вылетел из седла головой вниз, обрушился в ручей. Немцы продолжали стрелять в воздух и надрывисто-хрипло орали - никто ничего не заметил.

Другой полицейский на мосту, оглянувшись увидел уже летящего вниз головой, стоявшего с ним рядом на мосту полицейского.

- Немцы... по ошибке... шальная пуля. - подумал он.

- Отстрелялся, зверюга! - усиленно блымая глазами, процедил зло Борис.

- Пожалуй, так! - зло поблескивая глазами, проговорил Длиннонос и нажал на газ. Долго ехали молча.

- Слышь, Ваня! - Борис заблмыгал глазами. У него розовея нервно запрыгали на лице толстые щеки.

- Что?

- Стрелял-то метко, зверюга, каждого прямо в голову угодил гад. Наверное, в своей жизни он не первую четверку скосил. Не иначе, как бывший энкаведешный зверюга-шлепач он, иначе, как мог бы он убивать своих русских людей, да еще пленных? А?

- Да, возможно из этих зверей он. Попробуем связаться с Ростовской полицией через атамана Павлова. Необходимо поскорее этих зверей убрать из рядов полиции, ибо они своими делами и впредь будут помогать и Гитлеру и Сталину - уж такого сорта эти люди-звери. - сбавляя скорость, проговорил в раздумьи Длиннонос и, свернув в переулок, опять нажав на газ, повел машину по омертвевшим, обезлюдившим улицам города, особенно в последние шесть месяцев. Население города, находясь в крайне бедственном положении, изнемогая от лишений, боялось, однако, появляться на ули-

цах - немцы хватали людей, особенно молодежь, и принудительно отправили их в Германию на работы.

Двенадцать миллионов только молодежи было отправлено в Германию на работы на положении презираемых рабов - "унтерменшей". (подчелок).

Опять ехали молча. Длиннонос припомнил слова деда Алексея: - "загоним в тело германской армии занозу" - улыбался одними глазами. Да не так легко "занозу" эту приходится загонять, ибо действительно Гитлеру против Сталина с оглядкой надобно воевать - ведь он несомненно понимает, что все добровольческие части из народов России, служащие в немецкой армии, по сути являются только врагами его, Гитлера, но никак не его друзьями, ибо он стремится отобрать у Сталина его рабов и заставить их работать на себя. Как же можно обрести себе друзей в лице этих рабов? - Убирая улыбку с глаз, суровая лицом размышлял Саркисьян.

- Глянь-ка Ваня! - Борис таращил глаза на вышедшую из калитки городка, где в наилучших квартирах города жили при советской власти привилегированные местные городские партийные делегаты, девушку. Она, высунув голову с опаской смотрела в противоположную сторону, пряча тело под каменными толстыми, массивными сводами калитки.

- Кира! - нажимая на газ, воскликнул Длиннонос.

- Она! - заблывав учащенно глазами, подтвердил Борис.

Это была на самом деле Кира Гольцман. Она, услышав гул мотора, оглянувшись, увидела подъезжавшую машину с "немцами", замирая от испуга, не в силах была двинуться с места.

На бледном омертвевшем лице светились наполненные ужасом черносливы глаз. Овладев собой, она быстро скрылась за, с сильным треском хлопнувшей тяжелой, массивной калиткой.

- Смотри за машиной, Борис! - выскакивая из авто крикнул Длиннонос и бегом бросился к калитке.

- Кира! Кира! - надрывисто, изо всех сил кричал он и, распахнув калитку, вбежал в большой двор. Вокруг возвышались дома с пустующими квартирами сбежавших советских делег. Длиннонос шарил глазами - кругом пусто, ни звука не слышно.

Кира добежав до подвального помещения одного из домов, где она скрывалась, у самой двери споткнулась и упала навзничь, сильно ударившись всем телом, она не в силах была сделать ни малейшего движения, но вот, приподняв голову, она зашевелилась, стала пытаться ползти, и глаза Саркисяна моментально остановились на живом комочке. Подскочив, он поднял ее на руки, весь потрясенный, стал кричать так громко, как будто перед ним был совершенно глухой человек.

- Кира, это я, Ваня. Это я, Ваня. Ты слышишь меня?

Она слышала и теперь уже видела, кто приподнял ее и держит на руках, но не могла говорить. Все кружилось перед ней в голове, шум и сильные удары в висках, горло сковало нервным спазмом.

- Куда тебя нести, где ты скрываешься, спросил Саркисян. Она указала глазами на приоткрытую дверь в подвальном помещении. Саркисян толкнул узкую дверь ногой, широко распахнув, осторожно протиснулся с дрожащей на его руках ношей во внутрь. Затхлый воздух на мгновение одурманил его - разило

сильно мышинным пометом, сыростью и цвелью. Не дыша, он шагнул в направлении света едва едва просачивающегося из открытой двери комнатухи в конце длинного темного без окон коридора.

В комнатухе с низким потолком небольшое окно. У стены койка, небольшой столик и шкаф. У столика самодельная деревянная скамейка. Кира не открывала глаз, тяжело дышала. Положив ее на койку он взял руку, нащупал пульс, и теле едва сочилась жизнь. Саркисьян размышлял - что прежде всего предпринять?

- Кира! - Склонившись над ней, тихо прошептал он, следя за едва заметным движением ее груди - она дышала. Он молча выжидал. Но вот она открыла глаза, долго смотрела на него бессмысленным, затуманенным взглядом. Постепенно у нея прояснились глаза, и она, улыбаясь, протянула к нему руку, едва слышно сказала:

- Ваня. - И опять закрыла, вновь ставшие туманными, безжизненными глаза. У нея только едва заметно подымалась грудь - дышала.

Саркисьян быстрым, щупающим взглядом оглядывал комнатуху, искал воду, в шкафу нашел кружку, но в ней не было ни капли воды. Он увидел приступки, ведущие вверх в квартиры дома. Мотнувшись, он принес воду. Отломил от плитки, случайно оказавшейся у него в кармане, кусочек шоколада, растолок его в порошок рукояткой пистолета, растворил в воде, осторожно приподнял ее голову:

- Кира, пей. Слышишь, пей! - Она открыла опять прояснившиеся глаза, молчала, о чем то размышляя и не прикасалась к кружке.

- Подними меня выше, Ваня, - попросила она. Два маленьких глотка - и она сомкнула губы.

- Выпей еще немного, Кира. - Она отрицательно покачала головой:

- Нельзя сразу - я знаю.

- Да, ты права - я вспомнил тридцать третий. Слушай, Кира, прежде всего знай и будь совершенно уверена - ты спасена! Нас осталось много в городе. У нас сильная организация и мы делаем такие наши дела, каким немцы нам не в состоянии препятствовать. Видишь на мне немецкая форма!

- Я понимаю, Ваня.

- А что сейчас не понимаешь, потом поймешь. Я сейчас мотаю к Эрике. Она работает в комендатуре городской, я думаю она поможет найти выход из положения. А ты лежи и глотай понемножку из этой кружки шоколад. Со мной Борис Шапошников. Это он узнал тебя, а то бы мы могли проехать мимо...

- Ну что? - Борис, блымая глазами с тревогой поглядывал на друга.

- Спасем мы ее, Борька, спасем! Успеть бы только мне машину сдать во-время. Впрочем, это не так уж важно - справимся без машины. Кроем сейчас прямо в "черный горсовет" растуды его в пух и прах. - Длиннонос зло блеснул глазами.

- Не все "черные советчики" сидят в здании этом, товарищ капитан, Эрика тебе не советчик, а тем более не "черный"! - Усмехнулся Борис и хотел было уже подтянуть штаны, но вспомнил, что эту работу его рук аккуратно теперь исполняют немецкие подтяжки, подняв руки, стал без надобности почесывать голову - еще больше приводить в беспорядок густые распатланные белобрысые свои волосы.

- Эрика "заноза" в теле "черных советов", господин полицейский "протектората Великой Германии", чай разумеешь Борис Иванович? - улыбнулся с хитрецей Саркисьян.

- Меткое определение! - восхитился Борис.
- Точно! Это дед Алексей нам всем присвоил такое меткое название. - Саркисьян громко, рассыпчато рассмеялся и нажал сильнее на газ...

Вскоре в доме Эрики Шварценберг кипела работа. "Комсомольцы в отставке и подпольи" приспособлялись не только искусно скрытое убежище, но и очень даже удобное - все учли. Отдав все нужные распоряжения, Длиннонос выскочил на улицу, впрыгнул в машину и погнался такой скоростью, что Борис запротестовал:

- Мотор пищит от непосильной нагрузки, Наня. Ты хотя бы на поворотах сбавляй скорость, а то вот каша расплескивается! - Борис держал в руках сваренную Эрикой кашу из толокна. За плечами от резких толчков у него прыгал и колотил его по спине немецкий карабин. Борис кривился от ударов, молча переносил побои - ничего не поделаешь - обе руки заняты - держат горячую кастрюлю с кашей, на весу, иначе перевернется кастрюля.

- Наворачивай кашу, фармацевт, как сама знаешь, но к вечеру ты должна быть в состоянии передвигаться. "Кабинет" тебе ребята наши у Эрики устроили "на большой", будьте уверочки, это точно! Перебросить тебя днем совершенно невозможно - лицо твое выдает тебя - ясно?

- Ясно, конечно, но когда же тогда?

- Вечером, как совсем стемнеет, мы целой веселой гурьбой - "русской молодежи влюбленной в немецкого фюрера" заявимся за тобой и пешком "почемчикуем" к Эрике. Все продумано, можешь быть уверена. Я сейчас обрываться должен. А ты рубай эту кашу, Кира! Глаза у тебя уже ожили, а лицо хоть на танцульки с места в карьер - это точно! - Скоро говорил Длинно-

нос, стараясь также шуткой подкрепить веру в спасение несчастной пленницы.

- А если нас патруль немецкий остановит?

Кира подняла (действительно ожившие) ярко поблескивающие красивые черносливы своих глаз, с неуверенностью и тревогой смотрела на Саркисьяна.

- Не остановит. Я и другие ребята - полицейские с оружием и мы имеем право иметь его при себе все время. Кроме того нам сами немцы ежедневно сообщают новый пароль. Эрика немка. Калякает по-немецки - сама знаешь. Наташа Петрова тоже выдает себя за русскую немку. У меня нет времени объяснять тебе все подробности, но заверяю тебя - будь в полной уверенности - ты уже спасена! Верить?

- Верю, Ваня. Да как мне не верить своим друзьям? Обними и расцелуй их всех за меня. Она хотела еще что то сказать, но, закусив губы, замолчала, лишь в глазах, во мраке затхлой комнатухи подвального помещения, искорками засветились набежавшие крупные слезы.

- Ну, ну, только не плакать сейчас. Потом, на радостях все вместе поплачем и, конечно, заодно посмеемся. А сейчас обрываюсь я, Кира. Да что так страшно воняет мышами здесь? - Длиннонос, скривившись заткнул свой длинный армянский нос пальцами, удивленно поглядывал по сторонам.

- Там, в другой комнате навалена гора чувалов с мукой. Тут не только мыши, но и огромные крысы, целыми армиями маршируют. Я смотрю на них и дрожу от страха, боюсь, что и меня они за одно с мукой начнут жрать! Кира печально улыбнулась и тут же тяжело вздохнув, помолчав, отдохнув немного, опять заговорила:

- Мука эта вся загажена крысами и мышами

да еще и цвелея стала от сырости. Я питалась этой мукой раньше. Потом стало тошнить меня, и должна была прекратить питаться мукой, а другие продукты - консервы разные, а их было много, я раньше поела. Здесь в этой комнатухе я думаю жил дворник, а в квартирах местное городское начальство. Дворника этого я часто видела у ворот этих квартир еще до войны, когда проходила мимо. Откуда взялись эти чучалы с мукой и консервы, я не знаю. Не знаю, куда девался и этот дворник. Возможно начальство своего слугу с собой забрало. У меня нет сил больше говорить. Потом все расскажу, а сейчас вот видишь жива, а ты Ваня... - Она опять, не договорив, закусила губы... Блестела наполненными слезами черносливами глаз. Она молча еще сильнее закусывая губы, протянула ему исхудавшую мертвенно-бледную руку.

Он взял ее руку, ласково погладил, ободрил задорной улыбкой и выскочив во двор, несколькими прыжками достиг калитки, распахнув, впрыгнул в авто.

- Ну что? - заблмыгал глазами Борис.

- Питается, оживает, крепнет. Я тебя, Борька, сейчас подкину к Эрике, помогай им там в строительстве. Я сдам машину и сразу тоже приду к Эрике. Постройку "бомбоубежища" мы должны закончить еще до наступления темноты - ясно?

- Точно!

- Ну то-то же!

Х Х Х

На квартире у Эрики кипит горячая работа: кто пилит, кто строгают, кто сколачивает. Опасные звуки могут быть услышаны проходящи-

ми время от времени мимо дома немецкими жандармами. Но нет - дудки! Все предусмотрено ребятами : в "боевом охранении" у окна на туалетном лакированном столике стоит горластый патефон-буржуй, он отчаянно хрипит, шипит и громко взвизгивает, заглушая все другие звуки. Хозяин редкостного "иностранца", заброшенного волею судьбы из "капиталистического" мира в "социалистический", щуря близорукие глаза, маху не дает и отчаянно вертит ручкой как только патефон перестает орать с нужной силой.

"Эх, Андрюша, да нам ли быть в печали!"...

Однако несмотря на все старания хозяина, патефон особенно сильно захрипел, зашипел и вдруг умолк.

- Крути, Слеп!

- Крути, говорят тебе! - подняли тревогу все разом ребята.

- Забастовал гад опять! - возмущается хозяин патефона, растерянно моргая глазами.

- Ерундишь ты, Слеподня Иванович! Все не буржуй, а ты виноват! Погляди-ка ты столетней давности пластинку поставил! Она, эта пластинка уже давно перевыполнила "соцплан" на все сто двадцать процентов и к тому же аж наизнанку вывернулась - не до песен ей теперь!

Берясь за налаживание исполняемых функций "боевым охранением", наставительно заголосил Ванька-Кацап:

- А ну-ка, Шиша, подмени ты буржуя, ори во всю глотку: "Гоп со смыком" - повелительно добавил он, меняя пластинку и гримасничая, расшаркавшись процедил:

- Вот вам любушка, голубушка, милости просим, слушайте и наслаждайтесь!

Патефон, чеканя слова, стал издавать чистую, звучную мелодию:

"Нет на свете
Краше нашей Любы
Черны косы обвивают стан"...

- Вот видишь? - буржуй молодец! Не заблестовщик, а ударник он. Это ты, недоразумение социалистическое, не знаешь как с буржуйскими вещами обращаться нужно!

Ванька-Кацап, увлекаясь своей укоренившейся привычкой вышколенного командира, принялся было уже понукать и наставлять ребят, но властная Лара сразу же пресекла:

- Помолчи ка, товарищ лейтенант, и пили эту доску, да живее, да не слезь с линии.

Кацап что-то забормотал недовольно, непонятно, однако, схватив пилу, принялся пилить доску в указанном месте. А затем и исполнять последовавшие одно за другим распоряжения не терпевшего возражений строгого педагога.

- Кацап, подавай сюда доски, какие распилил. - высовывая руку из выпиленного отверстия в полу, блымая глазами, потребовал Борис.

- Не ори, Болван Иванович, подаю-ю-ю! Семилетку когда заканчивать собираешься? - шутил Кацап, подавая доски.

- Сам болван, коль такие вопросы сейчас задаешь! - парировал Борис.

Ребятки, суетсяь, только что закончили строительство, как раздался неожиданный стук в дверь. Ванька-Слеп метеором бросился к своему замолчавшему патефону-буржую, схватил как-бы на зло попавшую под руки истертую в пух и прах старую пластинку и изо всех сил принялся орудовать патефонной ручкой. Ванька-Кацап ухватив за талию Наташу Петрову,

стал выделять отчаянные выкрутасы под издаваемые звуки захлебывающе захрипевшего, заскрипевшего патефона-буржуя. Пулями посыпавшие из убежища ребятки, замотались в пляске по комнате, издавая громкий веселый смех. Длиннонос захлопнул искусно приделанную дверку в убежище с прикрепленным к ней ковриком и ближе присунул кровать, подал знак стоящей в ожидании у дверей Эрике. Когда на пороге появилась улыбающаяся Наташа Калмыкова, ребятки от неожиданности, в один миг застыли на месте. Никто не издавал ни звука, лишь один патефон-буржуй, пыхтя и шипя, пытался издавать требуемую от него мелодию. Ванька Слеп - Слепондя, не досмотрев опять, поставил "вывернувшуюся наизнанку" пластинку:

"Эх, Андрюша..."

- Наташка! Разведчица! Ура! а...а... Пополнение перед боем, да еще и разведка. - Заорал первым Борис и подхватив нежданно негаданно прибывшую Наташу Калмыкову на руки, высоко поднимая ее над головой, закружился с ней по комнате.

- В бой без разведки не выступают. - Усмехнулась разведчица. Хлынувшие к ней ребятки выхватили ее из рук Бориса, восторженно голосили, каждый старался первым обнять и расцеловать ее. Один Ванька-Калуга стоял молча у стены. Но она сама, тряхнув белокурыми локонами, подошла к нему вплотную и обняв за шею, заглядывая ему в глаза, спросила:

- Ну, как живешь, Ваня?

- Твоими молитвами, разведчица. Да как это ты к нам неожиданно пожаловала?

Он наклонился и едва коснулся губами ее шелковистых белокурых локонов и, покраснев как рак до самых ушей, смущенно потупил глаза.

- А разведка всегда неожиданно появляется, разве не знаешь, товарищ лейтенант? - Она игриво блеснула лучистыми глазами, нежно потрепала его каштановый густой чуб. Он наклонившись еще больше краснея и смущаясь, однако на этот раз крепко обцеловал все ее разбросанные колбасками по плечам локоны.

- Я же тебе сказал, что у тебя дела с белокурами лучше обстоят, чем у меня. - Улыбнувшись со скользнувшей в глазах печалью, сказал Длиннонос и выглянув в окно, всматриваясь в стусившиеся вечерние сумарки, отдал короткий приказ:

- Пора!

Уже темная ночь плотно окутала город, когда на улице появились две пары молодых людей. Впереди под руку с Эрикой шагал Длиннонос. За ним осторожно придерживая исхудалую шаткую, едва передвигающую непослушные ноги, Киру Гольцман, Костя Греков. У Киры из-под косынки, покрывающей голову и бледное лицо, светятся черными углями немигающие глаза - жизнь или смерть? Вопрос стоял ребром не только перед ней, но и перед теми, кто ее вел, уводя от смерти к жизни...

На ней красивое платье, на ногах модельные туфли на высоких каблуках. От слабости у нее кружится голова, от волнения и страха страшно колотится в груди сердце, стучит нетерпимо больно в висках, на лбу видны капли холодного пота, ее морозит, все тело ее дрожит частой нервной дрожью. Но она, напрягая все оставшиеся в ней силы, опираясь на сильную руку верного друга, двигается.

В темноте зацокали монотонно-ритмично окованные железом немецкие сапоги - идет ночной патруль.

- Грек.

- Да.

- Пароль не забыл?

- Ротвальт.

- Точно. Идите плотнее за нами. - Замедляя шаг прошептал Длиннонос и как только фигуры двоих немецких солдат показались в ночной темноте, принялся целовать Эрику в щеку, а она громко смеясь и кокетничая, шлепала его своей нежной, холеной ручкой по голове, громко на немецком языке заголосила:

- Вы очень неуклюжий кавалер, Иван! Успеха у женщин таким медвежьим образом вы никогда не будете иметь! Поверте мне, что это так!

Когда сошлись с немецким патрулем, Длиннонос, приостанавливаясь, загоразивая дорогу немцам и одновременно подталкивая вперед Грека с Кирой, вынимая из портсигара сигарету, подмигивая глазом остановившимся перед ним двум молодым немецким солдатам, шутливым тоном сказал:

- Ну и штучки капризные эти женщины, поверьте мне, камрад!

Немец цокнул зажигалкой, давая прикурить. Длинноносу, расплываясь улыбкой и тоже подморгнув глазом с задором ответил:

- Известное дело! Но тут требуется ловкая дипломатия и особое упорство в достижении цели, мой дорогой друг!

- Пожалуй вы правы! - согласился Длиннонос, глубоко затягиваясь и пуская дым кольцами он с хитрецей подмаргивая немцам, обреченно трагически развел руками.

- Совсем нет! - рисуясь и отчаянно кокетничая запротестовала Эрика. Она даже приотпнула ножкой на немца и, изобразив сердитую гримасу, категорически заявила:

- И такие приемы не всегда успехом оканчиваются, но и полным фиаско!

- Вполне согласен, милая фройлен! - Поспешно согласился немец, сделав при этом учтивый поклон.

- Но все же никогда не нужно надежду терять, дорогие мои друзья! - с задором опять подмаргивая немцам, проговорил Длиннонос, трогаясь идти дальше и увлекая за собой Эрику.

- До свиданья, камаден, Хайль Гитлер!

- Желаем успеха! Хайль Гитлер! - Дружно отозвались немцы и вновь монотонно-ритмично шацкали окованными железом сапогами по пыльным не освещенным улицам города...

Х Х Х

В передней комнате погашен свет. Прильнув к окну, едва приоткрыв занавеску, недвижимо сидит Лара. Притихнувшие ребятки молча ожидают. По расчету вышедшая "боевая разведка" должна вот-вот вернуться.

- Ты как долго будешь с нами? - шепчет Ванька-Калуга, припадая к уху Наташки-разведчицы.

- Дней пять, шесть, точно не знаю. - так же шопотом на ухо следует ответ.

- А кто же знает?

- Не знаю. - разведчица с хитрецей блестит в темноте глазами, встряхивая белокурой головкой.

- Натуля!

- Что?

- Прими меня в твою партию.

- Это не партия, а организация, Иван Иванович! Ты, я вижу в политике не того - ни бум-бум!

- А я буду бум-бум, коль растолкуешь, хорошо?

- Хорошо - потом.

- А Длиннонос в партии?

- Нет, не в партии, исключил его товарищ Сталин из партии, Иванович! - Приглушенно хихикает Разведчица.

- А кто же из ребят наших с тобой в организации?

- Не знаю.

- А кто же знает?

- Не знаю.

- Цыц! Идут! Вот они! Зажгите свет! Свет, говорю, зажгите! - посыпались строгие распоряжения властной Лары.

Ребятки быстро засуетившись бесприкословно выполняли повеления и когда первой на пороге появилась Кира Гольцман, все разом бросились к ней, но повелительный голос властного педагога вновь прозвучал:

- Осторожно, ребята. Ваши приветствия и ласки могут оказаться медвежьими - слаба она!

Все моментально застыли на месте. Потом построились полукругом с умилением и радостью смотря на своего живого друга, которого давно считали мертвым. У нее болезненно и одновременно радостно блестят глаза, она смотрит на всех и все видят по выражению ее лица, что она хочет что то сказать, что то хорошее, но у нее нет сил даже произнести несколько слов. Но вот она, глубоко вздохнув, тихо, почти шопотом проговорила:

- Благодарю вас, ребята!

У нее на глазах заблестели крупные слезы, задрожали нервно губы, исказилось в беззвучном рыдании лицо, затряслось мелкой дрожью все хрупкое, исхудавшее тело.

- Не нужно, Кирушка! Не нужно, дорогая, иди за мной, - распорядилась Лара.

Пока девушки в ванной купали Киру, ребятки шушукаясь переговаривались, разом умолка-

кали, когда начинал говорить Длиннонос. У окна у столика с патефоном-буржуем, как трезвый матрос, чин-чином, помаргивая близорукими глазами, стоял на вахте Ванька-Слеп. Когда же, наконец, девушки выкупанную с худым, но заметно порозовевшим, ожившим лицом Киру усадили в кресло, "командующий" подал знак и все по очереди стали подходить, ласково, восторженно приветствовать спасенного своего друга. Собираясь уходить, Длиннонос объяснил Кире положение:

- Да я поняла уже все, Ваня. Вы все, а теперь и я с вами находимся между молотом и наковальней. Это так, но мне теперь несравненно легче. Я была уже в могиле, а теперь с нами, мои дорогие друзья, спасители! - замет-но окрепшим голосом проговорила Кира.

И тут же у нее задрожал голос и она замолкла на полуслове, по щекам заструились крупные слезы благодарности и счастья. На радостях ребятки забывшись, шумно и все разом заговорили, но повелительный голос "командующего" осек их весьма желательный, но могущий стать опасным, порыв.

- Пора! - Все моментально умолкли.

- Впрочем, сначала продемонстрируем "акцию" Длиннонос, поиграв с хитрецей глазами, приказал:

- А ну-ка валяй, ты Наташка, заваливайся спать! - Наташка-разведчица мигом подскочила и улеглась на кровати, приготовленной для Киры.

- Я стукну в дверь, а ты действуй, - пояснил Длиннонос.

- Валяй, товарищ капитан! - хихикнув ото-звалась разведчица.

Едва только раздался стук, как она в один миг спорхнула с кровати и скрылась в убежище,

плотно закрыв за собой крышку. Длиннонос проверил крышку в убежище. Все было в порядке: прибитый на крышке коврик, на целых два сантиметра вокруг закрывал прорезы в досках пола.

- Эй ты, шустрая, вылазь! - усмехнулся Длиннонос, подняв крышку и заглядывая во внутрь убежища.

- А мне и тут хорошо! - захихикала разведчица, поудобнее укладываясь на весьма искусно устроенной кровати "подпольщицы". Ребята заглядывали в подполье, удивленно довольны улыбались, радуясь результатам своего мастерства.

Проверив у всех ли на руках документы и все ли знают пароль, "командующий" по двое, по очереди отпустил свое "войско".

- Ну поправляйся, Кирушка, набирайся сил, а мы должны мотать - делов у нас не оберешься, сама видишь, - улыбнулся Длиннонос и взялся за ручку двери.

- Да вижу, Ваня, желаю успеха.

Она протянула ему обе руки и когда он подошел, крепко поцеловала в губы.

Когда все ушли, Эрика уселась на коврике около кровати. Подруги еще долго, держась за руки шепотом разговаривали, прислушиваясь к звукам на улице. За окном, так же шопотом, с настороженностью разговаривал летний теплый дождик. Блестнула молния, осветив на миг комнату, где-то далеко раздался неуверенный приглушенный раскат грома. Притихнув, подруги вновь еще тише зашептали, лишь на туалетном лакированном столике у окна одиноко, безвучно стоял забытый всеми на своем посту патефон-буржуй.

Х

Х

Х

Через два дня Ванька-Калуга и Костя Грек с другими, бывшими в отпуску казаками, вышли обратно в сотню и в тот же день сотня двинулась в поход. Перейдя Дон у Ботайска, направились через Кубань на Северный Кавказ.

Вскоре Наташка-разведчица была срочно вызвана местным Оперативным Штабом НТС и отправилась с новым заданием в неизвестном направлении...

Незаметно подкралась осень, позолоченная желтизной опавших листьев, а затем, не задерживаясь нагрнула зима. Выпал первый снег. Уже в декабре 1942 года послышались первые глухие орудийные залпы. Откатившийся далеко под Царицын фронт, неожиданно, с нарастающей быстротой покатился назад к Таганрогу. Скованные страхом, страдая от голода, люди вздрагивая растеренно переглядывались — не знали на что решиться: то ли уходить с жестоким ненавидящим их внешнем врагом, то ли ожидать расправы от приближающихся кровожадных сталинских опричников?...

В какую сторону кинуться?

Куда податься?

ЗАЖАТЫ БЫЛИ МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ.

Х Х Х

XXIII

Летом 1942 года Светлана оказалась среди целой дивизии, попавшей в плен к немцам.

В этом же году пошла служить добровольно в полк русских добровольцев. Командир полка бывший советский полковник Сергей Кузьмич

Буняченко, вскоре усмотрел незаурядные способности молодого военврача хирурга и с отцовской заботой помогал ей в устройстве благополучия и удобства в медчасти полка.

Отправляясь в лагерь советских военнопленных, Буняченко, вызвав Светлану, сказал:

- Ну вот, доктор, разрешение нам опять подбросить немцы изволили - взять еще целых 25 человек добровольцев. Вы только подумайте - 25 жизней спасти надлежит нам от неминуемой смерти от голода! А? Что скажете, доктор?

- Разрешили? - блестя синевой глаз воскликнула радостно Светлана.

- Разрешили. Собирайтесь, Светлана Николаевна, поедете со мной.

Уже через час Буняченко с группой своих офицеров и немецким офицером связи, прибыл в лагерь военнопленных. Несколько тысяч полумертвых, изможденных голодом, несчастных пленников стояли в очереди. Кого из них первого брать?... Ведь они все хотят жить!... Их надо всех взять, иначе они умрут!... Летели волнующие мысли у русского полковника Буняченко, но разрешение на 25...

Сдвинув свои черные шнурочками брови, Светлана внимательно оглядывала подходящих пленников. Она хорошо видела тех, которым оставалось жить всего несколько дней.

- Господин полковник, вот этого необходимо взять. - Светлана устремляла умоляющий взгляд на Буняченко и следовал утвердительный ответ:

- Берем. Отходи, молодец, в сторону.

Когда 25-й доброволец отошел в сторону спасения, Светлана вдруг бросилась в объятия к стоящему в солдатской форме пожилому с седой, как лунь, головой пленнику. Со сле-

зами на глазах Светлана что-то быстро говорила ему по французски, а потом, повернувшись лицом к Буняченко и его офицерам, утирая слезы рукавом мундира, сказала:

- Мой дядя, господин полковник, - профессор Зорин. Спасите его!

- Ну вот и 25-й доброволец. Становитесь в сторону, молодец, - спокойно, как будто бы ничего не произошло, проговорил Буняченко, приглашая отойти в сторону 26-го добровольца и протянул ему руку, заговорчески с хитрецей улыбнувшись, дал понять, что он понимает какой "дядя" и не стоит поэтому "дяде" волноваться. Офицер немец сделал вид, что он ничего не заметил.

Этим вечером Буняченко сказал Светлане:

- Передайте, доктор, своему "дяде", что мы будем его оберегать, а он пускай сам постарается быть во всем и везде осторожным - псы из известного вам заведения всегда и везде рышут. Ясно?

- Так точно, господин полковник. Я уже обо всем его предупредила, да и он сам все знает. Поэтому то он и оказался одет в солдатской форме. Доктор Борис Александрович Зорин знаменитый хирург Москвы и бывший профессор Мединститута.

- Ну и хорошо. Нам как раз профессоров побольше нужно. Полк наш в один прекрасный день станет дивизией, а там гляди и целая Русская Освободительная Армия будет стоять у нас под ружьем. А тогда уже мы никаких злых псов бояться не будем, милейший наш доктор Владимирова! - опять заговорчески с хитрецей улыбнувшись, проговорил полковник Буняченко.

Х Х Х

XXIV

Контрнаступление советских войск на Юго-Западном и Донском фронтах началось 19 ноября 1942 года, а на Царицынском фронте 20 ноября. После систематической помощи гитлеровцев советской власти посредством страшного террора, чинимого над беззащитным населением захваченных ими областей России, посредством поголовного убийства советских военнопленных голодом, солдаты и командиры Красной армии окончательно пришли к решению: разгромить многочисленные и все еще сильные немецкие войска.

В междуречьи Волги и Дона разразилась и завершилась грандиознейшая битва. В сражениях, как с одной, так и с другой стороны принимали участие до 2-х миллионов человек, тысячи танков и самолетов и десятки тысяч орудий и минометов. Доблести немецких солдат и офицеров, талантам немецких генералов, противостояла опять, как и под Москвой, доблесть русских (и не русских) солдат России и таланты, в подавляющем большинстве, по истине русских полководцев во главе с маршалом Георгием Константиновичем Жуковым. Немецкие войска, получив вторую кровотокающую рану, потеряли в сражениях за Царицын около полумиллиона убитыми, ранеными и попавшими в плен. Брошенные Гитлером свежие войска во главе с генерал-фельдмаршалом Манштейном на помощь захлопнутой в кольцо 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулиса, не в состоянии оказались достиг цели. Немцы покатались назад, оставляя оккупированную территорию Донского Войска. Совместно, с поспешно отступающими немецкими войсками, пришлось отступать и казачьим отрядам. У Новочеркаска стали кон-

центрироваться многочисленные отряды казаков в ожидании приказа атамана Павлова.

С большим трудом, после нескольких безрезультатных попыток, Павлову, наконец, удалось добиться разрешения у немцев сформировать Первый Донской казачий полк, в то время, когда ни один казачий полк, но целая казачья армия могла быть легко и быстро сформирована. Однако остается факт - Первый Донской казачий полк был самой большой боевой единицей, которую немцы допустили сформировать на территории Войска Донского. Такое положение подтверждает другой факт - гитлеровцы больше боялись "белой" России, нежели "красной" России, что и спасло утопающий, погибающий уже в самом начале войны коммунизм.

Вооружение, а так же обмундирование Первого Донского казачьего полка было трофейным - советским. Казачий полк отличался по виду от советских войск только отсутствием на головных уборах казаков красных звезд.

Местные жители станиц и хуторов поставляли продукты питания для полка в Новочеркасск. Несколько сотен полка под командованием хорунжего Галдина, заняв оборону у станицы Богаевской, стойко удерживали все атаки красных войск. Все другие казачьи отряды немцы поспешили разъединить и рассыпать их, включив в состав своих немецких частей, подчинив казачьи отряды немецким офицерам.

Часть казачьих отрядов немцы направили в свой тыл для охраны своих коммуникаций. Это все, что немецкое фронтовое командование смогло сделать, опасаясь гнева своего фюрера. Однако и это мероприятие - вклинение казачьих отрядов в состав немецких частей - позволяло немцам, кое-как удерживать

натиск войск Красной армии, задерживаясь довольно долго на новых оборонительных рубежах.

Х Х Х

В Ростове, несмотря на тяжелое положение на фронте, усиленно работал Казачий Штаб. По инициативе Штаба, по желанию жителей хутора Синявского, хутор в торжественной обстановке, в присутствии немецкого ростовского коменданта города, генерала Киттеля и его Штаба, был переименован в станицу Синявскую с присвоением ей всех станичных прав. В это же время был присоединен к Ростовскому Казачьему Донскому округу и город Азов. Дед Алексей был избран казаками атаманом новой станицы Войска Донского.

Х Х Х

XXV

Уже с того дня, как только совершился разгром немецких войск под Царицыным, дед Алексей распорядился приступить к подготовке к вторичному отступлению.

- Готовтесь, станичники, к пути длинному и долгому, на сей раз германцам не удержаться у станицы Бессергеновской-Ивановичи, помогай им Бог, добре по носу немцам дали. Коней гондите как можно лучше, так чтобы всю стани-

цу на колесах перебросить можно было в нужный момент в нужное место.

И пошли в ход молотки, топоры, пилы и прочий инструмент. Вскоре в каждом курене на базу, а то и прямо у дома на улице стояли подводы, нагруженные до отказа харчами, кормом для коней и рогатого скота. На подводах высились ладно пристроенные брезентовые кибитки. Атаман сам объезжал, осматривал приготовления, давал нужные указания. И когда прискочивший гонец с Атаманского Дворца из Новочеркасска, передал приказ Донского атамана полковника Павлова – трогаться, "кош" деда Алексея на этот раз без суматохи, не спеша выстроился вдоль станичной дороги. И когда, притихнув, все свои взоры обратили на атамана, выжидая его слова, дед Алексей, толкнув своего карого строевика, выехав вперед, спешившись, окинув всех орлиным взглядом, начал свою прощальную речь, прощальную потому, что не все казаки оставляли станицу как и при первом отступлении. Прощальную еще потому, что атаман чувствовал в своем сердце сомнение – не был уверен, что вновь увидит родной Дон.

– Хочу вам слово сказать, станичники. Всем вам и тем, кто уходит и тем, кто остается. А хочу сказать, хочу высказать вам, станичники, вашим детям и будущему потомству в назидание, все, что скопилось в моей старой седой голове, дабы мысли мои с Божьей помощью завсегда бы служили оружием детям Всевеликого Войска Донского в их настоящей и будущей борьбе за восстановление попорченной врагами Бога и всего человечества безбожниками – антихристами, Святой Руси матушки. А Войско Донское завсегда стояло неустанно, беспрерывно на страже праведности и верности

служения русским сильным державным царям православным. И в этом именно самая большая заслуга Войска Донского, ибо охраняя царей православных, казаки прежде всего охраняли церкви православные на нашей Святой Руси.

Если мы оглянемся назад и внимательно поглядим да добре вдумаемся, пошевелим да пораскинем мозгами, то увидим, что представляло наше Великое Отечество, наша Родина, созданная в великую и никем не победимую державу русскими православными царями. А еще, ежели повнимательней разберемся над этим великим строительством, то и увидим, что в нем потрудились больше всех наши казачьи предки - дети нашего Дона батюшки, Дона Ивановича. Куда ни кинь погляд, хош на восток, хош на запад, хош на север, хош на юг и во всех этих направлениях первыми головными воинами труженниками, в головах которых сидела и руководила ими государственная великой важности мысль. Глянем на далекий холодный север, аж к мысу Дежневых. Гляним и увидим - донские казаки братья Дежневы были первыми людьми, достигнувшими дикий север.

А что было сделано великим полководцем при русском Грозном царе Иване, донским казачком Ермаком Тимофеевичем? Сибирь, Дальний Восток, весь богатейший край, преодолев непреодолимые никем ранее препятствия сурового севера, он - Ермак казак донской да и всего с небольшой ватагой казаков разбил многочисленные войска азиатского царя Кучума, завоевал для России нужный ей богатейший край. За такие великие дела, за отважный подвиг, сам Грозный, русский царь Иван, сказал Ермаку: "Ты князь Сибирский!"

Донские казаки достигли и установили гра-

ницу Великой России у самого края земли, у морей, у океанов восточных. Теперича кинем погляд на юг и увидим: освободителем от турков богатейшего Кавказа, много важного края для усиления мощи России, а мощь эта нужна была для борьбы с могучей в те времена Турской империей, был тоже донской казак - генерал Яков Петрович Бакланов.

И наконец кинем взгляд на Запад, то и тут увидим, как с непобедимым русским чуждо вождем, с генералиссимусом Александром Васильевичем Суворовым, с его чудо-богатырями, везде и всюду первыми были донские казаки. Это они разгромили непобедимую в то время Турскую империю. А затем глянем, что сделал донской атаман Матвей Иванович Платов в войне России с императором французов Наполеоном, перед которым прекланялись, покорясь ему, все западные европейские короли? Ответ точен таков: во всех великих сражениях, каким нет счету, завсегда донские казаки быди везде и всюду первыми. И немощен оказался воинский гений императора французов Наполеона, перед воинским гением степнова рыцаря донского атамана генерала Платова. Разбил он, разгромил французскую кавалерию казачьей конницей, взял и вошел со своими казаками в Париж. Сам Государь император Всероссийский Александр Первый пожаловал Платова титулом графа. В истории нашего великого Отечества тогда была вписана еще одна славная строка. Кратко гутарю я вам, дети, да вы разумеите, что дорожат казаки своей славой казачьей не с пустого слова, а на основании великого труда, пота и моря пролитой казачьей крови. Пролитой нашими предками. А теперича еще скажу слово краткое о сегодняшних днях борьбы. Борьбы на-

шей необычной, борьбы промеж двух врагов, промеж двух огней. И скажу так: не страшлись наши предки казачьи биться с врагами России в любых условиях, в разных краях, при разных препятствиях, какие встречались у них на пути. Не устрашимся и мы, казаки, сегодня биться до последней капли крови казачьей за Россию против всех ее врагов в условиях с многими преградами какие, как вы видите, легли между нами и заградили нам путь к нашей цели.

Я говорю эти слова, как и тем, кто уходит в неизвестность на запад, сражаясь за Россию на стороне ее внешнего врага, против внутреннего, так и тем, кто остается дома, сражаясь за Россию на стороне ее внутреннего врага, против внешнего. А ежели вдуматься добре, то и в этой необычной борьбе есть мудрый замысел, и безусловно есть путь к победе над обеими врагами России. Да, путь есть, да нужен для столь великого труда, для борьбы в особых условиях нужен и особый вождь. А в истории России в ее найтяжкие времена, всегда находился в самый критический момент, этот особый вождь. Найдется он, казаки, и теперь.

Атаман тряхнул седой головой, повел седым усом, продолжал речь:

- Враги России всех мастей, устроивших революцию, пожравшей миллионы людей, лишившей нас Государя, уничтоживших огромный процент ученых людей, заодно еще прибегли к особо лукавому трюку: "разделяй и властвуй". Они разделили народы России на всякие там ССР, дабы оторвать малые, слабые народы, дабы восстановить их против их же общей матери России, выносившей их в своем безмерном чреве; вынянчившей их с материнской лаской

и заботой, как родных своих детей, наравне с другими своими народами. Али скажу вам, дети, и утешительное слово, дабы вы не унывали и не теряли бы веры в мощь Великой России, какое бы невзгодье и испытание ни захлестнули бы вас: Русь Православная не может не прийти к победе, так как правда Христова не может быть побеждена никем и ничем. И все эти, враги натравляемые на русский народ, на народ-Богатырь, так называемые по советски - "национальные меньшинства", которых, к стате, сказать сегодня спасает от германцев только и только народ-Богатырь, ибо сами они не в силах отбиться от германцев, все они рано или поздно осознают, уразумеют Христову правду и с еще большей силой прильнут, обнимут с детской любовью родную мать свою - Великую и могучую Россию!

И еще скажу вам, дети: придет и то время, когда уразумеют все народы мира сего, что есть только один Бог, а посему и одна может быть религия праведной. А иначе и мыслить неразумно.

Более тысячи лет, до одна тысяча пятьдесят четвертого года Православная Апостольская и Соборная Церковь нерушимо стояла по всему свету - во всех концах земли. Но вот в Западнанных странах откололись римские католики, породившие разных названий протестантов, а за этим бедствием, как результат, расплодилось, как какая-то чумная болезнь, блудливое сектантство. Православная Апостольская Соборная Церковь ни от какой другой не отпадала, а те, кто отпал от Православной Церкви тем и надлежит вернуться!

А народам России, и особенно вам, казаки, надлежит впредь поступать так, как поступали наши казачьи предки - охранять хра-

мы православные, веру православную от всякого блуда и в корне в случае появления происков сектантства, или чего другого блудливого, пресекать лукавые попытки врагов Святой Православной России. Сисстари Западные страны шли с огнем и мечем на Россию. Да, знаю я, все они и теперь жадными глазами смотрят на нашу Святую Русь, намериваясь, жаждая, мечтая день и ночь проглотить ее. Да, только напрасно! Народ хранитель Церкви Христовой - народ Богатырь, это им не малая немощная Чехословакия или Литва, или Польша - подавятся они, как уже, я вижу, подавился германец! И еще скажу, дети, что не православным христианам и всем другим народам, исповедующим другие религии, Великая сила русской культуры будет великим помощником уразуметь и стать под своды Православной Христовой Церкви, ибо от русской культуры, как от яркого солнца исходят лучи правды Христа Спасителя. Много разумных мыслей заложено в писаниях русского, православного христианина Достоевского. Так гутарят люди разумные и образованные. И еще скажу: один Он, Христос Спаситель, истинный Бог, пришел к нам в теле - Богочеловеком. Один Он, будучи распятым на кресте, умер и сам воскрес и вознесся во славе в небо. Человечество не знает ничего другого подобного. И это никем и ничем неопровержимый факт! Слава Тебе Господи Боже наш!

Перекрестившись, дед Алексей, резко повернувшись, стал лицом к Дону.

- Вот там Азов! Вот там наши славные предки, ради правды Христовой, ради матери России в борьбе с бусурманами показали нам во век пример, как нужно бороться, какой ценой платить за спасение Святой Руси, которая и

возникла, выросла, созрела под лучами Святой Православной Церкви. Если сегодня распинают Святую Русь с Христом Спасителем, то не забывайте, казаки, с Ним и Воскресение! И Оно придет! Там, под стенами Азова, и на "Монастырском Займище"* лежат благородные кости защитников Святой Руси. Помните это, казаки, и когда придет время, повторите пример наших славных предков! Да глядите, казаки, наставляйте своих детей, внуков и правнуков, что бы они, когда погибнет коммунизм, а он не может не погибнуть, не допускали бы народы России опять зачать выбирать на власть в государстве министров всяких. Да поступят они - дети и внуки наши по примеру нашего донского атамана Межакова, как он порешил дело в смутное на Руси время шашкою своею, прикрыв ею свое "Писание" к князю Пожарскому, что и прикончило пагубную для Руси смуту народную и избран был на престол царь - Государь праведный.

Как видите и тут в великом деле опять донские казаки первыми были. А говорю я вам о министрах всяких к тому, что они эти министры всякие какие ни есть, на самом деле то временными хозяевами в государстве являются вроде тех же советских председателей колхозов, а вовсе не собственниками своего народа, своего государства. А посему у них и интереса к заботе за свой народ нету.

---

* Монастырь в котором доживали оставшиеся защитники Азова - монахи. После их смерти на этом месте была построена часовня. Каждый год в день Праздника Покрова Пресвятые Богородицы, у часовни возлагали венки всем усопшим героям Азовского Сидения, и служили молебствия вплоть до прихода к власти большевиков.

Был у нас временщик такой, как его... - дед Алексей поскреб затылок, стараясь припомнить имя временщика.

- Керенский имя министру этому, атаман! крикнул кто-то из старых казаков.

- Вот, вот! Он самый этот министр Керенский, какой со своими министрами народ наш в заблуждение страшное завел и коммунистам путь к власти проложил, а потом в бабской юбке за границу убежал. Счастье его, что большевики не поймали его, а то бы досталось ему на орехи! Безответственные многие дела чинять завсегда министры эти всякие, по сей причине я и гутарю и поведу вам о них так много, казаки. Да и дивиться тут нет чему, ведь они, эти министры самые все больше недоверки, или вовсе неверки. А уж коль доберутся до власти, так в первую очередь сразу же постараются Церковь от государства отделить, Закон Божий из школ детских изъять. А такое дело, я уже много раз говорил, неотвратимо поведет новое молодое поколение к непослушанию своим родителям, к распущенности, к разврату, хулиганству, воровству, бандитизму и в конце, думается мне, к ослаблению: не только разума, но и тело станет немощным.

Такие люди не станут способными ни к умственному, ни к физическому труду, а такое государство покатится к гибели! Позаботесь, казаки, как всегда заботились наши славные казачьи предки, что бы народы России избрали бы своим правителем полновластного царя - Государя, Императора Всероссийского. Полновластного собственника своего народа. Вот у такого правителя завсегда будет интерес и забота о своем народе, как у всякого человека к своей, хотя даже самой малой собственности, и это показывает нам

и диктует нам сама жизнь.

И еще скажу, коль царь помазанником Божьим является на нем лежит и ответственность великая пред Богом и хош не хош, а страх перед Богом завсегда будет его заставлять служить народу своему, ибо с него и больше спросит Господь Бог. Так-то, казаки!

Так говорил атаман и слушали его с замиранием сердца все от малых детей до глубоких стариков. Атаман первый подошел к иконе Донской Богородицы, упал в земном поклоне. И двинулись за ним все, покидающие родную станицу. И опять, как и при возвращении в станицу, икону бережно, обернутую в белое расшитое полевыми цветами полотно, держала в руках та же белобрысая с веснучатым курносым носиком светлоглазая с туго заплетенными косичками, девчушка. И когда последний казак, покидавший станицу, приложился к иконе, атаман дал знак трогаться. И двинулись по донскому шляху колонна за колонной длинные вереницы подвод в далекий путь, в мрачную неизвестность.

У окраины Таганрога во главе с Ларой, гарцующей на своей кобылице, к синявским казакам присоединились беженцы из Городка Водников. Но не было, к удивлению атамана, с ними ни Ивана Фомича, ни Степана Терентьевича с их супругами на высланных атаманом подводах из станицы в Городок Водников.

- А где же старые моряки то наши, Ларушка?

Дед Алексей повел усом, в недоумении поглядел на внучку.

- Беда, деда.

- Сказывай.

- Наотрез отказались оба. Не хотим, говорят, умереть на чужбине, а до смерти нам,

калекам, да при нашем возрасте преклоном, недалеко. А кто, говорят, нас убьет Гитлер или Сталин, разницы не делает. Никакие наши с мамой уговоры не помогли - остались наши "мореплаватели" дома.

- Вот как... да. - в раздумии, покручивая ус, проговорил атаман.

- А что же "комсомольцы" то ваши. Где они?

- Еще хуже беда, деда!

- Ну? - заволновался атаман. - Сказывай в чем беда.

- Одна беда теперь уже непоправимая, деда, двоих ребят наших, двоих Ивановичей застрелили немцы.

- Как так? - изумленно воскликнул дед Алексей, спрыгивая с коня.

- Да случилась беда эта совсем неожиданно. Один наш Иван Иванович - Ванька Лапоть стоял на посту у продуктового склада. Подошли какие-то старички: старик и старушка и просить его стали дать им пару картошек, иначе, говорят, мы с голоду помрем. Конечно Ваня не мог отказать и стал им в сумку картошку накладывать. В это время. неожиданно появились немецкие жандармы. Они последнее время стали посты русских полицейских контролировать. Ну, и, конечно, увидели, что Ваня делает и стали на него кричать. Старичкам приказали обратно картошку высыпать в подвал. Ваня начал просить немцев не отбирать картошку, иначе, говорит, люди старые с голоду помрут а они, эти старички действительно еле-еле на ногах держались. Старушка высыпала картошку в подвал и плакать стала. Ваня принялся опять просить немцев за стариков, но те ни в какую и стали еще сквернословить и ругать Ваню. Один жандарм грубо стал гнать

и толкать старичков со скалада, а другой сильно толкнул Ивана. Но тут уж наш Иван Иванович не выдержал и так хлопнул немца по физиономии, что тот упал. А другой жандарм выстрелил и убил Ваню. В этот момент пришел Ваня Сербов сменить на посту друга. Увидев, что случилось, выхватил пистолет, но жандармы его опередили - упал и другой наш Иван Иванович, сраженный на смерть сразу из двух карабинов.

Как и следовало ожидать, сразу же примчался сам немецкий комендант города с целой сворой жандармов. Был большой скандал. Но каким то образом начальник русской полиции успокоил немцев, иначе бы всех русских полицейских лишили бы службы, а скорее всего, всех бы расстреляли, или еще хуже - на голодную смерть за проволокой обрекли - ведь на немецких жандармов русские посмели руку поднять! Вот такая беда у нас в городе произошла, деда. Люди все перепуганы, голодны, истерзаны муками. Многие из тех, кто ждал немцев, теперь с нетерпением ждут прихода Красной армии. Говорят, что пускай теперь над ними Сталин расправу чинит - все равно одно смерть от Гитлера нас на каждом шагу и за каждым углом поджидает.

Лара подошла к деду ближе и зашептала:

- А "командующего" нашего еще на прошлой неделе отозвал полковник Коржов в Мериуполь, а оттуда направили его куда-то на Украину или в Белоруссию. Капитан Саркисьян назначен командиром русской танковой роты при немецком танковом батальоне. Это нам Наташа Колмыкова сообщила через явившегося к нам неизвестного нам человека с ее запиской.

- А что же другие - где они?

- Ваню Пирожкова неожиданно арестовало немецкое Гестапо. Что с ним мы не знаем. Если докопались, то скорее всего расстреляли - вот еще одна беда наша, деда. Наташу Петрову схватили советские патриоты и, возможно, они ее расстреляли. - Лара тяжело вздохнула.

- Кто же теперь командовать взялся?

- Ваня Кузнецов - Кацап принял командование над оставшимися "комсомольцами". Ждет он приказа на отход от начальника русской городской полиции, а тот, конечно, от немцев. Эрика сказала, что она остается охранять Киру до последнего момента, ибо "советские патриоты" начали опять и очень активно теперь действовать. Ясно, хотят выслужиться перед приходом своего начальства. Они по ночам снова взялись подстреливать немцев, а немцы по утрам рыщут повсюду, по всем куткам в домах и тянут на расстрел всех кто им попадает под руки: - "наказание" опять началось. Опять Сталин и Гитлер руками "красных" и "черных" убийц убивать взялись наш народ. Кира почти не вылезает из убежища своего, но оставлять ее одну, даже в этом "бомбоубежище" Эрика побаивается - ждет момента.

- Понятно, Ларушка, понятно. Да оно веть и красное то начальство момента этова самава ждут, чтобы невзначай отрезать отход из города и помать всех "изменников родины". Так что опасность туточки нависла преогромная, - дед Алексей повел нервно усом, поразмыслив, спросил:

- А он этот Кацап Иванович то - комадующий новый ваш, кубыть, тоже из военных будет?

- Да, лейтенант он. Ты видел его еще до войны у пушек Петра Великого.

- А - этот курносый! Он то найдется, не

растеряется - обрадованно проговорил атаман.

- А иде же мать то твоя?

- Там, на задней подводе с семьей Желтковых.

Лара припала к самому уху деда Алексея и еще тише, как-бы опасаясь кого-то зашептала:

- Я, деда, папе и Марку письма написала и Горшковым дала. Ульянова запрятала письма и сказала, что письма вручит и расскажет все о нас папе или Марку - кто из них первый вернется домой.

- Вот как!

- Да!

- Молодец, внучка. А просьбу Исааковны?

- Тоже исполнила: записку на столе Жоржу и Стелле оставила да и просила всех соседей рассказать сыну о просьбе его матери. Ключ от квартиры их тоже у Горшковых, как и наш.

- Молодец, казачка! Езжай скажи матери, что бы к подводе Марии пристраивались - там она. - Атаман указал плетью на длинную вереницу подвод, подъезжавших и остановившихся общей колонне и сев на коня, съехав с дороги броским наметом, взрыхляя снежное покрывало донского шляха, помчался к далеко ушедшим вперед головным подводам со Станичным Правлением. Прижимая коней, молодые казаки-ординарцы поспешили за атаманом. Следом за лихими наездниками, клубясь гналась гонимая ветром снежная пыль...

Х

Х

Х

Уже в феврале 1943 года немецкие войска начали отход, оставляя низовья Дона. Новочеркасск вновь был занят войсками Красной армии, развивающей широкое наступление на Донском фронте.

В числе немецких заслонов в районе Матвеева Кургана оборонялся 1-й Донской полк. Советское командование незамедлило бросить против казачьего полка превосходящие силы и танковые части.

В этом бою 1-й Донской казачий полк был почти полностью уничтожен. Немецкие войска Юго-Западного фронта опять временно задержались на старом рубеже - у станицы Бесергеновской. Отступающие разрозненные, разбросанные между немецких частей казачьи отряды, отступали не только с Дона, но и с Кубани, Терека и Северного Кавказа, совместно с отрядами добровольцев из народов Кавказа.

Уходили от наступающих войск Красной армии не только добровольческие отряды, но и поголовно их семьи и родственники и вообще все, кто в состоянии был как-то двигаться. Страх перед шедшими следом советскими чекистами, страх попасться вновь в руки Сталину, заставлял людей покидать родной дом, уходить в неизвестность, ища защиты у презирающего их внешнего врага России - гитлеровской Германии и ее войск.

Миллионы беженцев, тащились по степям, запорошенной снегом Кубани. Транспорта никакого не было - немцы отобрали у населения всех лошадей. По дорогам, заметанным снегом, двигались только немецкие войска.

Беженцы тащили на салазках своих детей, немощных стариков, больных. Голодные и холод-

ные, напрягая последние силы, несчастные старались уйти подальше на запад, хотя бы на один метр дальше от того, что их ожидало, если они попадут снова в руки советской власти.

Катившийся фронт к Таганрогу, заставлял несчастных беглецов спешить проскользнуть еще до того, как войска Красной армии закроют все пути отступления через Дон на Украину и дальше на Запад.

Шли пешком многие и многие по сугробам снега, по бездорожью с катомками на плечах, детьми малыми на руках. Те, которые сделали последний шаг, окончательно потеряв всякую силу двигаться, падали на снег и прижимая, к изболевшимся сердцам своих малых детей, тоскливыми, наполненными ужасом глазами, провожали уходивших на запад, туда, где они надеялись иметь еще право жить.

Орудийные залпы советских орудий за их спинами холодили сердца, приостанавливали дыхание, железными острыми клещами сжимали и больно насквозь прокалывали их души... Да... Да... Они знали - там за гремевшими советскими орудиями, идут полчища кровожадных сталинских палачей...

Х Х Х

XXVII

Через оконные занавески Эрика наблюдала за шныряющими по улице немецкими жандармами. Гудели моторы автомашин, мотоциклов. Жандармы выгоняли из некоторых домов людей, угрожающе кричали, гнали их к общей колонне,

постреливая в воздух, угоняли куда-то дальше схваченные жертвы.

У самого города на материке разгорался и приближался с каждой минутой сильный бой с подошедшими вплотную к городу передовыми частями Красной армии. Жуть повисла над городом. Люди трепетали от страха. Перед их глазами черные чекисты уходящего их внешнего врага с остервенелой злобой спешили напиться людской кровью.

Кира из под чуть приоткрытой крышки своего убежища смотрела на подругу, готовая каждую секунду, по ее знаку, скрыться. Подруги ждали прибытия Ваньки-Кацапа с его командой полицейских. Опаздывал Кацап на целых полчаса от условленного времени. Однако опоздание было кстати, ибо немецкая "шпрингкоманда" (взрывательная часть, в задачу которой входило разрушение и уничтожение всего, чем только мог бы воспользоваться противник) все еще творила в городе свои дела, а жандармерия свои.

- Спрячяся, Кира! - вздрогнув всем телом, прошептала Эрика. И тут же облегченно вздохнула - из первой, подъехавших несколько машин, вышел Кацап и бегом направился к двери. Он и все полицейские были с карабинами.

- Быстро, Эрика, обрываемся!

- Я готова, Ваня. Жду, когда последние жандармы смоятся - боюсь Киру одну оставить. Они рыщут по всем куткам!

- Знаю, Кира! - Кацап открыл крышку убежища: - Ты слышишь меня? - Кацап вглядывался в темноту убежища.

- Слышу, Ваня. Не говори так громко, я вся дрожу... нервы отказывают, понимаешь?

- Понимаю. Слушай сюда.

- Слушаю, Ваня.

- Мы уходим, а когда немцы смоятся, а наши войска войдут в город, ты все равно сиди в своем убежище минимум две недели. Ни в коем случае не вздумай выйти на улицу. Жди когда установится в городе власть и какой-то порядок, а то тебя потащут на допрос не черные, но красные жардармы. С боевыми войсками совместно идет СМЕРШ - смерть шпионам. Это красное ГЕСТАПО, люди, жаждущие крови. Они сразу же начнут хлопать людей без всякого суда, по простой указке кого либо, как только ворвутся в город. Поняла?

- Конечно. У меня есть тут, что кушать и вода. Не беспокойтесь тепер, за меня, спасайтесь теперь сами, друзья мои! Эрика дорогая, беги моя дорогая подружка!... бегите... уходите от смерти и мук, друзья мои! Бегите! Бегите же!...

У Кирь яркими огнями горели воспаленные глаза. Она выбравшись из убежища, обнимала и целовала каждого, дрожала всем телом, обливалась слезами.

- Марш за мной!

Кацап первый двинулся к двери. Но сильный стук в дверь заставил его остановиться и всех вздрогнуть. Кира быстро скользнула в свое убежище.

- Приготовьтесь к действию, - коротко приказал своим "ребяткам" Кацап и холодно зло поблескивая глазами, открыл дверь. Целая группа жандармов стояла у двери.

- А...а...а! Полицай! Полицай! Вы тоже выполняете приказ. Очень хорошо, очень хорошо. - заговорил жандармский унтерофицер, кривя лицо в неестественно любезной улыбке.

- Да...да... Мы проверяем каждый дом и...и... понимаете, камараден?

- Да! Да! Конечно, желаю успеха!

Жандармы двинулись дальше.

- Счастье ваше, гады! - процедил Борис Шапашников пряча под шинель трофейный советский автомат.

- У вас что и автоматы есть? - удивилась Эрика, облегченно вздыхая после испуга.

- Есть и автоматы и авто наши завалены гранатами. Слушай сюда, Эрика:

- Слушаю, Ваня.

- Мы не смеем больше задерживаться ни одной секунды. Я имею точные сведения: Ванька-Шиша и несколько наших ребят схваченные Гестапо, все еще живы. Их пытаются, страшно истязают вот уже долгое время. Но сейчас их вне всякого сомнения всех перестреляют. Я с ребятами решили сделать налет! Рискованно посреди белого дня, но у нас нет другого выхода. Слушай дальше: У нас у каждого в машинах есть советская форма. Как только мы подкатим к зданию Гестапо, моментально натянем на себя форму и красные звезды замаячат перед немцами. Расчет на успех - внезапность и быстрота! Ясно? Ты иди и садись со мной в передовую машину. Есть у нас и для тебя автомат. Вот и все. Пошли!

- Я одену пальто, Ваня.

Эрика кинулась к гардеробу и в этот же момент опять раздался сильный стук в дверь. Прислушиваясь, что происходит наверху, Кира обливаясь холодным потом, силилась остановить дрожь в теле, слышала, как страшно колотится ее измученное страхом сердце.

Кацап, окинув "ребятков" строгим взглядом, открыл дверь. Увидев опять перед собой немецких жандармов (подошла другая группа жандармов) лейтенант Кузнецов - Ванька-Кацап вспыхнув, зло поглядывая на немцев, ко-

ротко отрезал:

- Вам здесь нечего делать, камераден!

Обиженные словами русского полица - "унтерменша", немцы запротестовали, намериваясь зайти в дом и сделать обыск. Но в этот момент, моментально найдясь, Эрика, сбросив пальто, улыбаясь и рисуясь пошла в "контрнаступление" на немецкого жандармского унтерофицера.

- Здесь, в этом доме живет немецкая семья, господин унтерофицер. Это мой дом и вот мои документы. - Эрика с вызывающей насмешкой, поглядывая на немца, добавила:

- Я сейчас вот этих ваших русских полицаев-унтерменшей выброшу вон из моего немецкого дома. А вам, не советую особенно за меня беспокоиться - за мной сейчас заедет мой кавалер из немецкого Гестапо. Так что можете быть свободными. Благодарю за заботу, всего хорошего!

Удрученный немецкий жандармский унтер-офицер поспешил извиниться и удалился со своими жандармами.

- И эти счастливицы, - глухо проговорил Борис, вновь пряча автомат под полы шинели.

- Мотаем, Эрика!

Кацап решительно шагнул к машине.

- Куда? Смотри - вот они другие!

Приближалась новая группа жандармов.

Гнали арестованных людей, зло покрикивали на свои жертвы.

- Нет больше времени. Садись в машину со мной - мотаем!

Кацап сел в машину и включил мотор.

- Нет, Ваня. Я остаюсь.

- Что? Ты с ума сошла!

- Не могу ее я одну бросить - надеюсь согласен с этим? - спокойно ответила Эрика, перешагивая порог своей квартиры.

- Я прицеплюсь на последнюю немецкую машину и выскочу - можешь быть уверен. С моими документами ни один немец не посмеет мне отказать в помощи, согласен? А бросить Киру в этот страшный момент я тоже не смею, согласен, господин лейтенант?

Казалось Эрика говорила совершенно спокойно, лишь вздрагивающие ресницы ее глаз выдавали внутреннее сильное волнение.

- Да, ты права. Но смотри, не прозевай последнюю немецкую машину, друг наш дорогой, поняла? А я не имею права ни одной секунды больше тратить. Опоздание - смерть друзьям нашим!

Кацап сильно нажал на газ. Рванувшие с места автомашины с пятнадцатью русскими полицейскими с бешеной скоростью помчались по улицам города...

Эрика, проводив скорбным, тоскующим взглядом друзей, скрылась за дверь. Вытерла дрожащей рукой выступившие на лбу капельки холодного пота...

Х Х Х

У здания немецкого городского Гестапо взрывы сотен ручных гранат и треск сплошных несмолкающих автоматных очередей... Падают, скошенные на смерть немецкие гестаповцы... Горит здание... Ветер полощет кроваво-красное пламя огня..

- Всего двадцать минут, - поглядывая на Бориса, нажимая на газ, довольно блестя глазами, проговорил Кацап.

- Точно, - глянув на часы отозвался Борис.

Он держал на руках все еще не пришедше-

шего в себя Ваню Пирожкова. Щупал пульс, следил за едва заметным дыханием друга. Простреленная нога была наспех стянута немецкими бинтами помощи (бинты в немецкой армии были запакованы в каждом немецком мундире). Но кровь просачивалась.

- Дышет? - Кацап бросил взгляд на Пирожкова и успев затормозить, пропустил мчавшуюся наперез так-же с бешеной скоростью немецкую машину.

- Дышет, да кровь просачивается.

- Это ничего, Ванек крепкий - выживет! Проскочить бы только! - опять нажимая на газ, успокоительно проговорил Кацап.

И когда авто выехала на открытую широкую дорогу, ведущую к Мариуполю, Кацап облегченно вздохнув, поглядывая на мчавшихся за ними автомашины с его "ребятами", громко, с нотой победного торжества, сказал:

- Ну и добре мы дали по носу камрату Гитлеру, - и помолчав добавил, - А все же плоховатые у Гитлера чекисты - зевак ловят посреди белого дня. Правда, Борька?

- Точно! Вряд ли нам удалась-бы такая операция у сталинских чекистов! - Соглашаясь закивав головой, отозвался Борис.

На последней машине, высовывая постоянно голову, моргая часто близорукими глазами, всматривался в начинающую темнеть даль, Ванька - Слеп. Под ногами у него, бросаемый во все стороны, шморгал, колотился об стенки авто, жалобно скрипя и стуча патефон-буржуй.

В Мариуполе передали Пирожкова в немецкий полевой лазарет. А на другой день Кацап, получив приказ от полковника Коржова, двинул дальше свою команду, снабженную официальным немецким военно-маршевым приказом в

распоряжение командира русской танковой роты при немецком танковом батальоне, капитана Ивана Саркисян.

Х Х Х

Прошло пять минут, после того, как за углом скрылась последняя машина "команды" Кацапа, как сильный стук в дверь к Эрике подобно электрическому току, пронизал и потряс сидящих на кровати у крышки в убежище, шопотом разговаривающих подруг. Кира бесшумно скользнула в убежище, Эрика, крайне обозленная визитами немецких жандармов, со злостью распахнула дверь, намериваясь опять напугать "визитеров" своим "кавалером" из немецкого Гестапо.

В одно мгновение, захлопнув за собой дверь, в комнату, одетые в полицейскую форму с наведенными на Эрику автоматами, стояло пять человек из отряда советских патриотов-подпольщиков.

- Ну, что же, фройлен Шварценберг, довелось встретиться нам с вами, узнаете?

Эрика в испуге и удивления узнала стоящего перед ней с ехидной надменной усмешкой "полицейского". Это был известный всему городу парень с кличкой "мастер мокрых дел". Говорили о нем, что будучи еще десятилетним мальчуганом, он уже не раз пырнул финский нож под бок не одному из гулявших вечерами по Ленинской толпе. В одиннадцать лет он попал в исправдом, но бежав оттуда, примкнул к уркам, затем угодил в заключение, где вскоре, презираемый воровским миром стал по своей особой натуре "сукой" и "наседкой" (сексотом). После отбытия срока в заключе-

нии стал "дружинником" (добровольные помощники милиции), а затем исчез из города. Урки помышляли убить его, но власть имущие берегли рожденного, нужного им садиста для обучения его в "инкубаторе инквизиторов" (училище откуда выходят профессиональные чекисты). Война помешала и Кузьма Семушкин, неожиданно вновь появился с приходом немцев в городе, примкнул к отряду советских патриотов-подпольщиков.

Да, Эрика узнала его. Но страх, вначале охвативший ее, вдруг исчез и она спокойно ответила:

- Да, я узнала вас и чем могу помочь вам?

- Эге..ге..ге! Ишь ты какая мудрая немкиня. Да не на того напала. А ну-ка говори, курва, где ты прячешь жидовку глазастую?

Семушкин прислонил дуло пистолета к груди Эрики.

- Я никого не прячу и не знаю о ком вы спрашиваете, - спокойно ответила Эрика, сама удивляясь своему спокойствию.

- Слушай, шалава ты немецкая, не хитри. Мы ведь все знаем - каждый шаг вашей организации. Наши люди есть среди вас и мы знаем все ваши затеи. Отвечай на мои вопросы и исполняй, что буду тебе приказывать. Иначе мы тебя не только пристрелим, но и пропустим через строй. Нас пятеро, а сейчас еще придут пятнадцать наших ребят-ухачей. У тебя аппетитные сиськи и ребятки наши с удовольствием позабавятся. А потом мы тебе начнем отсекать руки и ноги, так что ты все равно у нас заговоришь и скажешь все, что нам нужно знать. Говори, сука, говорю тебе!

- Я не могу говорить того, что не знаю.

Эрика изобразила холодное удивление на лице.

- Не можешь? - У Семушкина появились в глазах звериные огоньки.

- Нет, конечно.

- А ну-ка ребята, разденьте ее до гола!

Едва преступники бросились на Эрику, как у стоящей у стены кровати поднялась крышка и испуганные неожиданностью, красные звери, застыли на месте. Кира, выбравшись из своего убежища, спокойно, холодно глядя на предводителя банды, сказала:

- Я жидовка, которую вы ищите. Что вам от меня нужно?

- Ага..га..га! - повеселел зверь, - сама нашлась, здорово! Что нужно, спрашиваешь? Ответишь ты на вопросы некоторые следователю СМЕРША! А наше задание тебя вместе с твоей сообщницей в борьбе против советской власти, доставить в соответствующее место. Ясно?

- Да, ясно! - Кира бросила на зверя презрительный взгляд и подошла, обняла, заливающуюся слезами подругу.

- И эта красючка! Нам бы их обоих через строй. А? - цинично, оглядывая Киру, проговорил один из зверей. Но главарь банды коротко обрезал:

- Наша обязанность точно исполнить задание - доставить этих предательниц следователю СМЕРША, ясно? Сдирайте с себя поскорей немецкие шкуры и потопаем. Вот уже наши танки катят по городу.

Главарь первый сбросил с себя немецкую форму (под ней была советская). Вынув пилотку с красной звездой из кармана, добавил:

- Чтобы не случилось ненужное приключение, свяжите им руки и марш!

Х Х Х

Кира стояла перед допрашивающим ее капитаном СМЕРША. У нее сильно горела на руках кожа. Снятые обрывки веревок оставили красные рубцеватые следы.

- Имя?

Следователь долго рассматривал кипу каких-то бумаг, наконец отодвинул их в сторону, поднял голову. Мутными бесцветными глазами стал рассматривать стоящую перед ним очередную жертву.

- Кира Гольцман - твое имя?

- Да, мое.

Следователь потер одутловатое с бурокрасными толстыми щеками лицо, встал из-за стола и пройдясь по комнате, остановился перед пленницей.

- А скажи-ка, девка, с какой это ты целью фашистов поджидала? А?

Красный зверь вдруг сразу побагровел лицом и голос его сразу же стал похожим на рычание злого зверя. Покачиваясь всем тучным своим телом, он со злорадной улыбкой поглядывал на опустившую глаза Киру.

- Не имеешь что сказать в оправдание ты, девка. Я это знаю.

Зверь рассыпчато рассмеялся и опять прошелся по комнате.

- Я осталась по той же причине, что и почти все жители нашего города, включая более двух тысяч евреев. Их всех расстреляли. Я одна из них уцелевшая от поголовного расстрела евреев фашистами.

- Правильно сделали фашисты! Эти жидаы вместе с тобой поджидали немцев. Предатели вы все советской власти! - рычал зверь.

- Правильно мы все враги и предатели советской власти, все двести миллионов. Можете в этом нисколько не сомневаться!

Кира подняла свои яркие красивые глаза на зверя и глядя в упор в его звериные страшные глаза с насмешкой добавила:

- Как видите, товарищ следователь, яшла, что ответить на ваш вопрос, довольны? Ведь ответ совершенно точен. А?

Зверь, ошарашенный никак не ожидаемым ответом своей жертвы, стоял в оцепенении. Но вот его мутные глаза налились кровью и он размахнувшись сильно на отмахь ударил пленницу по лицу. Однако, Кира сильно пошатнувшись, чуть не упав, удержалась на ногах. Слегка подавшись вперед, согнувшись, она приготовилась отстранить следующий удар зверя.

- Ах ты, шалава! Права со мной качать вздумала? А? - наступая рычал зверь. - Подстилка ты немецкая, проститутка, курва грязная! Да я тебя...

Зверь не успел дальше прорычать свои ругательства, как Кира, как молодая сильная и ловкая тигрица, сделав отчаянный прыжок, вцепилась ногтями в его толстые, буро-красные щеки. У нее на лице яркими огнями горели ее красивые черносливы больших выразительных глаз.

От неожиданности зверь зажмурил свои мутные глаза и всего через две-три секунды, выхватив из кобуры пистолет, поразил свою жартву прямо в сердце. Схватив за грудь рывком отбросил от себя мертвое тело, разорвав из светло-кремового крепдешина кофточку и белый сатиновый бюстгалтер. Кира лежала на полу с заброшенной головой далеко назад. Белыми упругими лишь летним ветром целованными островидными бугорками с розовыми сосками, высились девичьи груди невинной девушки. Из обнаженной груди фонтаном билась молодая горячая кровь...

Зверь, перешагнув через труп очередной сраженной жертвы, топтался у зеркала, страшно сквернословя, прижигал одеколоном царапины на его и без того некрасивом лице.

- Унесите курву! - приказал он вошедшим двум солдатам СМЕРША.

- А что с другой, товарищ капитан? Ввести ее на допрос?

- Нет не нужно. Шлепните ее во дворе. Нет у меня времени для всяких шалав. - коротко бросил зверь и опять страшно сквернословя подошел к зеркалу, стараясь загладить царапины на лице.

Один из солдат СМЕРША выносивших тело Киры в коридор, зажимая рот, трясся от душившего его смеха.

- Ты чего хохочешь? - удивился другой.

- У начальника нашего есть шалава в этом городе, я знаю. Он к ней на свидание сегодня собирался. А тут вот "вывеску" ему испортила девка эта!

Второй солдат хихикнув тоже зажал рот, прислушиваясь к изрыгаемым ругательствам их старшего красного зверя.

Х Х Х

Эрика с отвращением и в то же время с сожалением смотрела на двух молодых русских парней, выведших ее на расстрел.

- Ну что, допрыгалась, дойтше фройлен Эрика Шварценберг? А? Трудно упрыгнуть от нашей организации - правда?

- Да правда.

- Хвалю за ответ - молодец девка! А все же нам приказ тебя в расход пустить. Жаль, красючка ты, да приказ есть приказ, сама

знаешь, - как-бы в оправдание проговорил молодой парень смершевец.

- Да знаю, - опять спокойно ответила Эрика.

- Вижу, что знаешь. Работа у нас такая, а работу выполнять надобно.

Парень смершевец помолчал, поразмыслил и добавил:

- Мы зараз наших врагов фашистов, да тех, кто с ними постреливаем, а мне думается придет время, когда мы зачем постреливать и наших сегодняшних союзничков, это значит, акул капиталистических, кстати сказать, с дури взявшихся нам изо всех сил помогать.

Опять помолчав, он, поглядывая на своего партнера, с хитрецей в глазах спросил:

- А как ты, паря, думаешь, кто больше враг советской власти: социалисты-фашисты или буржуи-капиталисты?

- Последние, конечно, - это точно! - поспешно отозвался постарше годами смершевец.

- Молодец. Хвалю за правильное определение врагов социалистического государства! Они зараз ушами хлопают - болваны, что ни есть тупоумные. Вот мы их, по их же делам, как придет время и зачем хлопать - что заслужили - то и получайте; в кутузи, говорят, по заслуги!

- Стреляйте скорее - мне холодно! - оборвала рассуждения молодого смершевца Эрика и, истово перекрестившись, стала к стенке дома.

Когда разом раздалась два выстрела, она замертво упала навзнич. Лежала лицом вверх. С разбросанными вокруг ее красивого лица белокурыми пушистыми локонами, она и мертвая

выглядила величаво-красивой...

Вечером этого же дня, как-бы желая скрыть пролитую человеческую кровь, повалил крупными хлопьями снег. И даже неожиданно сорвавшийся злой Норд-Ост, придя на помощь снегу, стыдясь за людей натворивших столь много страшного зла, принялся старательно заметать лужи крови - следы ужасных приступлений.

Х Х Х

XXVIII

В июне 1942 года в результате губительных для Германии действий против Советского Союза гитлеровцев, в ОКХ (Главное командование сухопутных сил) среди наименьших немецких военачальников возникла и не могла не возникнуть оппозиция Гитлеру и его приспешников. Оппозиционеры Гитлера на основе собранного ими в ходе войны опыта, чувствуя на себе ответственность перед своим народом, поставив на карту свои личные жизни, приступили к своим первым попыткам заставить Гитлера изменить политические действия в войне на Востоке, а позднее, когда они убедились в том, что им никакими способами не убедить Гитлера, они объединившись в "клуб", самоотверженно бросились в борьбу против Сталина и Гитлера одновременно. В числе заговорщиков ("клуб") оппозиционеров Гитлера были такие люди как генерал-квартимейстер сухопутных сил генерал Вагнер, начальник Отдела ген-штаба Иноземных войск Востока генерал Рейнхард Гелен, начальник военного управления Отдела полковник Шмид фон Альтенштат, начальник организационного Отдела полков-

ник Клаус граф фон Штауфенберг, офицеры Генерального штаба: генерал Штиф, полковник барон фон Ренне, полковник Герре, подполковник Кламорт, подполковник Шрадер. Позднее к ним присоединились очень многие другие, но, по мнению Штрикфельдта, инициатива исходила от Гелена, Ренне и Штауфенберга. Гелен, Ренне и другие члены "клуба", принимая во внимание опыт и знание русского народа Штрикфельдтом, как высокообразованного и честного человека полностью ему доверяя, внимательно прислушивались и действовали соответственно его советам и предложениям в их сложной борьбе.

"Ренне полностью признавал "политические цели войны", которые я в своем мемуарандуме ставил на первое место. Но он видел, что путь к этой цели ведет лишь через признание политического метода ведения войны "фюрером или кем бы то ни было". Поэтому он предостерегал нас от какого-либо необдуманного шага" Мы можем достиг нашей цели только осторожным использованием всех сил, готовых помогать, независимо от их политических взглядов: политический способ ведения войны неизбежно должен когда-то привести к новой политической концепции..."

В. Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, "Посев", Франкф. 1975, стр. 96-97

Опозиционеры Гитлера сразу же, понимая огромную опасность какую из себя представляла, растущая как снежный ком, партизанская борьба народов России, возникшая в результате террора гитлеровцев на оккупированной территории России, со всей энергией приступили к разрешению этого весьма существенного во-

проса, но который неизбежно требовал коренного изменения всей политики гитлеровцев в войне против Советского Союза.

"Этот офицерский кружок в ОКХ решил отныне с новой энергией заняться вопросом о "хиви" и об обеспечении безопасности фронта (партизанский вопрос), что требовало общего изменения оккупационной политики и безусловного отказа от "политики Гитлера". В этих обстоятельствах необходимы были разумные и осторожные действия, приспособление к обстановке и гибкость, даже маскировка. Тогда у меня еще не создалось впечатления, что офицеры, которым я подчинялся, уже объединились для заговора против Гитлера. Целью было - "изменить руководство", не "выключить" его; для офицеров, создавших свою высокую ответственность перед немецким народом, это казалось тогда, ввиду наличия врага, стремившего к уничтожению Германии, невозможным".

В.Штрикфельдт, стр.96-97

Начавшееся формирование добровольческих частей на немецкой стороне, по инициативе и на свой личный риск немецких военачальников, еще с самых первых дней войны в 1941 году, в июне 1942 года становилось уже как явление не только неувидительное (для немцев), но и совершенно необходимое, ибо потери немцев в людской силе становились огромными. В немецких дивизиях, полках и батальонах, место немецких убитых или вышедших из строя солдат и даже офицеров, стали занимать добровольцы из всех национальностей, и народностей России.

Немецкий адмирал Канарис, обладая боль-

шим умом и ясным пониманием ситуации планово формировал добровольческие национальные отряды и части. Когда же осенью 1941 года Гитлер дал свое согласие на создание не русского, (ничего русского он не терпел) а тюрского легиона, и то, наверника, по совету "спеца Восточной политики" министра Рейха Розенберга, сразу же последовало формирование частей из кавказких народов, но в строго ограниченном количестве, и, уже конечно, под внимательным наблюдением и контролем Розенберга, непрестанно обещающего шагавшим по Берлину "министрам", после освобождения от "русского ига" полноту власти (министрам) в их "освобожденных государствах". Однако немецкие военанальники - "клуб" прекрасно понимая авантюру Розенберга, ясно видя чреватые последствия этой авантюры, продолжали действовать по-своему.

"При штабе группы армий "Центр" полковник, а позже генерал фон Треско, с разрешения фельдмаршала фон Браухича, начал, в виде опыта, формировать русские части. На участке группы армии "Юг" возникли казачьи сотни. Так как Гитлер дал согласие на формирование так называемых тюрских и кавказких легионов, можно было думать, что под давлением военной необходимости он решится на дальнейшие шаги в этом направлении. Во всяком случае, мы так думали".

Там же стр.98

В сложившейся обстановке теперь перед главным немецким командованием сухопутных сил ОКХ стояла задача разрешить вопрос легализации многочисленных добровольческих частей влившихся в состав немецкой армии.

(Этот вопрос возник и перед командованием морского и воздушного флота ибо и среди этих родов немецких войск в это же время уже находилось много добровольцев). Разрешить этот вопрос будучи в полном подчинении Гитлера, немецким военачальникам было не так легко если не совсем невозможно. Однако их смелые, решительные действия, способность действовать даже в безнадежных условиях, привели к тому, что добровольческие части были не только всеми "правдами" и "неправдами" закреплены в составе немецких армий, (правда, добровольцы должны были носить нарукавные знаки отличия для военнослужащих "восточных" народов), но и позднее был издан приказ награждать добровольцев за боевые заслуги особыми, специальными для них боевыми медалями. Однако, заговорческий против Гитлера "клуб" видел ясно, что достигнутый ими успех по сути являются неполитическим, что несравнимо важнее было улучшение обращения с военнопленными, категорическое устранение клейма "унтерменш" и уже, конечно, безоговорочное, честное и окончательное признание цели, за которую фактически боролись добровольцы - признание совершенно равным и союзным, пока что все еще стихийно, начатое Освободительное Движение Народов России.

"...но не важнее ли, чтобы улучшилось обращение с военнопленными, чтобы отвергнута была концепция "унтерменш", чтобы наладился правопорядок в оккупированных областях, чтобы борьба этих людей обрела подлинный смысл? Офицерский кружок в ОКХ отлично видел опасность создавшейся ситуации для армии и

для исхода войны. Необходимо было действовать и действовать не медля".

В.Штрикфельдт, стр.99

Заговорщики против политики Гитлера ясно понимали, что растимые ими добровольческие части из народов России, достигнув достаточного количества, и почувствовав свои силы, открыто и во весь голос скажут, пока что терпимо скрываемые ими их истинные причины пребывания в рядах немецкой армии, а также истинную цель их борьбы: - независимой ни в какой мере от немцев их борьбы за освобождение России от коммунизма, или как, в крайней мере, потребует честный и равноправный союз с германским народом в общей борьбе против коммунизма. Возникшая оппозиция Гитлеру прекрасно поняла трудность - шансов на успех очень мало, но она твердо решила бороться в любых условиях.

Х Х Х

XXIX

Еще в начале октября 1941 года в помещении отдела пропаганды Верховного Командования армии, расположенного в Берлине, явился на вакантную должность русский журналист, Александр Степанович Казанцев. Молодой журналист был заслан для работы в этот отдел организацией НТС.

Российский антикоммунизм за границей исчислялся в то время от двух и больше миллионов человек. Эта российская политическая эмиграция, крайне антисоветская, однако, дели-

лась на целый ряд различных сословий: от бывшего фабриканта до чернорабочего; от бывшего помещика до простого крестьянина; от профессора до безграмотного работяги; от генерала до рядового солдата. Эмиграция политическая, как таковая, пользуясь политической свободой демократического Запада, незамедлила сорганизоваться в различные политические и общественные организации со своими различными политическими платформами, идеями и целями. Как правило, многие из этих организаций, в силу своей оторванности от России, изоляции ее от свободного мира большевиками, не могли видеть происходящих процессов в поработенной большевиками России. Лишь некоторым людям из этих организаций, самым смелым и опытным, удавалось проникать за коммунистический барьер и наблюдать происходящий там процесс: всю ломку русской души, искоренение духовных, национальных и культурных ценностей России. НТС, засылая Казанцева в отдел немецкой пропаганды, конечно, преследовал свои цели.

"... целью моей работы должно быть создание клеточек будущей Третьей Силы, подбор людей, вовлечение их в круг наших идей и устремлений, если представится нужным и возможным, то вовлечение их в ряды организации".

А.Казанцев, Третья Сила, изд."Посев"
1974, 2-е издание, стр.80

К созданию Третьей Силы стремились не только организация НТС, не только вообще все российские антикоммунисты, но и, как уже выше было сказано, примкнувшие к ним немцы. Увидев, что Гитлер и его сатрапы бесповоротно ведут Германию к гибели, они примкнули к

русским организациям - к Третьей Силе. Правда, одни с искренним желанием спасти Россию и Германию и вообще все человечество от мирового зла, другие исключительно и только ради победы Германии. В пропагандный отдел Верховного командования армии стали прибывать все новые и новые люди, которых немцы стремились использовать для своих целей. Однако, попавшие сюда русские, как правило, в свою очередь, использовали уловки немцев для своих целей. Для виду что-то делая одной рукой для немцев, другой изо всех сил делали все возможное, чтобы хотя немного приблизиться к началу создания Организованного Освободительного Движения. Так, в лабораторию Отдела попали два крупных советских комиссара: Георгий Николаевич Жиленков и Мелетий Александрович Зыков, оба, впоследствии, ставшие организаторами и руководителями Освободительного Движения. Жиленков до войны занимал пост секретаря Ростокинского райкома партии Москвы. В его подчинении было около 18-ти тысяч партийцев. В сформированную 24-ю ударную советскую армию он был партийной верхушкой командирован как член Верховного Совета. Причем, с правом, если это требовалось, заменить командуемого армией. Жиленков принял командование армией, когда она уже попала в окружение. С остатками своей разбитой армии, Жиленков попал в плен к немцам. Позднее соответственно его должности - командуемого армией, немцы его записали генерал-лейтенантом. Личность Жиленкова, позднее занявшего пост начальника пропаганды Организованного Освободительного Движения, очень ярко и правдиво нарисована А.С.Казанцевым.

"Набор во вспомогательные части немецкой армии из советских военнопленных был в то время уже очень распространенным явлением. Как доброволец попал в такую часть и он. Восемь месяцев шофером грузовика он ездил в немецкой транспортной колонне. В октябре 1941 года, был под Москвой, на фронт возил боеприпасы и раненных с фронта. За все это время имел десятки раз возможность быстро и без всякого риска перейти обратно. Когда немцы разбитые и обмороженные в панике бежали от Москвы, он вместе со своей колонной делил общую участь. Кстати, забегу немного вперед. От Москвы немцы откатывались под ударами частей Красной армии, которыми командовал и генерал Власов, позднее возглавитель и организатор Освободительного Движения, давший ему и свое имя. Вскоре Жиленков был опознан. Его указал кто-то из солдат штаба его армии. Он был арестован и самолетом доставлен в Берлин.

Позднее, когда он был уже на свободе, я узнал его ближе. Для меня всегда были непонятными причины, побудившие его вести себя так, как он вел себя первые восемь месяцев с этой стороны фронта. Почему он не бежал обратно, столько раз имея возможность для этого, он позднее, в разговоре, объяснял мне так: "Вы, кажется, не плохо знаете советскую жизнь, но есть в ней что-то, что можно понять только пожив там...

Критика советского строя, - я сужу по здешним книгам, газетам и журналам, начинается, обыкновенно, с того, что говорят о тяжелом материальном положении, до которого советское правительство довело народ. Это все верно, но не это самое главное. Другие находят, что тяжелее материальной нужды - неуверенность в завтрашнем дне, психологический гнет. Это уже ближе к истине, но и это еще не то. Психологический гнет заключается не в постоянном страхе, не в невозможности самостоятельно жить даже в своем внутреннем мире, а совсем в другом. Если вы член партии и не просто член партии, а какой-нибудь руководитель, вы должны быть все время в состоянии энтузиазма, в состоянии восторга, в состоянии непоколебимой веры и в вождя, и в каждое его указание. Если вы только согласны со всем этим - этого мало, этого недостаточно. Вы должны гореть. Можете представить мое положение секретаря райкома. В неделю я обычно три, иногда четыре раза выступаю на митингах, собраниях и заседаниях. Это значит, что я должен три - четыре раза в неделю быть горящим факелом для других. Это трудно, если вы действительно верите, это невыносимо физически, если у вас веры ни на грош нет. Вы хотите спросить - так что же, все верят? - Нет не все. Верят немногие, почти никто. Но все умеют лгать. Вы знаете, лгать не только словами, не

только глазами и жестами, походкой, манерой разговаривать - все это должно быть искуснейшей ложью. Если она будет слишком грубой и заметной, вы враг... Она бывает иногда непереносимой, но уйти от нее нельзя... Член партии не может сам выйти из партии. Его могут выкинуть, но последствие - быть прокаженным на всю жизнь, ждать ареста в первую голову, при первой же новой чистке. На той ступени партийной лестницы, где стоял я, нет и этой возможности. С этой ступени только два пути - или вперед на следующую, или в могилу. Уж, если оттуда выкинут, из партии, то шанс остаться в живых очень незначителен... Вот здесь я слышал от вас, что нацизм называют сытым большевизмом... Это не верно, здесь вы можете стоять в стороне. Исполняйте то, что вам приказывают, держите язык за зубами и вас, в общем, никто не тронет. А там - нет. Там старое правило - "кто не с нами, тот против нас" остается до сих пор в силе. А быть с "ними" в моем положении это значит все время рваться вперед, все время пылать, или все время лгать. И днем и ночью, где бы вы ни были, вы должны следить за собой. Можно думать, можно разговаривать с другими, смеяться, но в подсознании у вас все время живет это чувство - нужно лгать. И это стоит такого нервного напряжения, что люди изнашиваются, стареют гораздо быстрее, чем где-нибудь. Вы

знаете, это звучит дико, но здесь в плену, в подневольном труде, в чуждом, враждебном мире, у врагов, я в первый раз в жизни почувствовал себя свободным человеком. Можете вы это представить? Я - один из руководителей партии, в недалеком будущем, может быть, кандидат, а потом член Центрального Комитета, высшего управительного органа страны! Что же чувствовали простые солдаты и офицеры, попавшие в плен со мной? Мне не нужно гадать и расспрашивать об этом очевидцев, я видел все своими глазами. Видел и не мог не сделать выводов... По прошествии первых дней мне прошлое стало казаться каким-то кошмаром, тяжелым наркозом, под которым я был несколько лет. Если бы даже можно было, я просто не мог бы вернуться в состояние того угара, в котором прошли годы жизни". О том, что перед ним была открыта дорога к большой партийной карьере, я раньше, чем от него, слышал и от других москвичей - партийцев, знавших его издавека, но слышавших о нем очень много. Для крупной партийной карьеры у него было и особое качество, за которое дорого заплатили бы многие советские вельможи - Жиленков был человеком, без всяких компрометирующих родственных связей, часто являющихся балластом для продвижения вверх по партийной лестнице - он вышел из безпризорных. Но это было не все. Глядя на его совершенно исключительную

работоспособность, наблюдая недюжинный ум, можно было понять и представить - на каких людях держится административно-советский строй, какие люди не дают потонуть ему в мире противоречивых и иногда, казалось бы, несовместимых друг с другом, хозяйственных и организационных вопросов. Происхождения он был, вероятно, не очень "простого", то есть, едва ли, из рабочей или крестьянской семьи. И черты лица, и руки, и манера держать себя и что-то еще, трудно уловимое, - все говорило о многих поколениях предков, не в поте лица добывавших свой хлеб...

- Георгий Николаевич, и это единственная причина, помешавшая вам вернуться обратно? - спрашиваю я

- Нет. Была еще одна.

- Какая же?

- Скитание по лесу, с простыми солдатами, крестьянами и рабочими открыли мне глаза на отношение их, а значит и всего народа, к советскому строю. Вам, вероятно, трудно будет представить, что в бытность там, в Москве, я никогда и предположить не мог, что партия, одним из руководителей которой долгие годы был и я, так глубоко погрязла в преступлениях и что она так ненавистна народу. В Москве - знаешь только о Москве, да и то не обо всей, а только о той, которая вокруг вас.

- И это все? - донимаю его я.

- И еще не все. Была еще одна причи-

на, менее принципиального порядка. Возвращаться нельзя было, то есть можно было, но не хотелось до конца своей жизни догнывать где-нибудь на Колыме с клеймом предателя и врага народа, а для этого достаточно побывать на этой стороне только два часа! Я не чувствовал за собой никакой вины, которую нужно было искупить. Наоборот, мною было сделано все, чтобы избежать этой катастрофы. Но все это уже не так важно.

- Что же важнее этого?

- Важнее всего - все свои силы отдать действительно своему народу, а не партии, которую я столько лет отождествовал с народом..."

А.Казанцев, "Третья Сила" изд. Посев 1974, 2-е изд., стр141-143

Заменивший фельдмаршала фон Бока, выброшенного Гитлером, командующий группой армии "Центр" фельдмаршал фон Клюге вдруг решил, на свой риск, организовать из добровольцев - военнопленных крупные воинские соединения. В придуманной уловке Клюге ошибся, и ошибся крепко, что выяснилось после. Жиленков, по предложению Клюге, летом 1942 года в Смоленске начал формировать бригаду. Командиром сформированной бригады был назначен один из лучших командиров Красной армии, попавший в плен к немцам, полковник Боярский, (позднее произведенный Власовым в генерал-майоры). Весть о создании самими немцами столь крупной боевой единицы, в то время, когда Гитлером было запрещено формирование добровольческих частей выше батальона, сразу же раз-

летелась, радуя истерзанные души русских борцов. Этот акт был понят как началом отхода гитлеровцев от приступной политики, и началом настоящей борьбы с коммунизмом. Однако, вскоре радость сменило очередное горькое разочарование - командующий фронтом, к великому удивлению Жиленкова, Боярского и всего состава бригады, отдал приказ бригаде занять участок на линии немецкого фронта, что означало приступить бригаде к боевым действиям. Обман Ключе вызвал, и не мог не вызвать, взрыв негодования, а также принятия самых решительных мер со стороны русских:

"... В штаб фронта был послан ответ с изложением точки зрения командования и всего состава бригады.

- "Бригада является частью будущей русской армии и действовать будет только в ее составе. Состав бригады считает, что она создана для осуществления русских целей освобождения России от большевизма и свои отношения к немецкой армии рассматривает, как союзные"...

А.Казанцев, "Третья Сила" изд. Посев
1974, 2-е изд., стр.144

Заявление русских в штабе фронта у гитлеровского толка немецких генералов, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Прибывший в русскую бригаду, немецкий посланник заявил, что если немедленно русское командование бригады не исполнит приказ немецкого командующего фронта, то русская бригада будет немедленно разоружена, а ее командный состав предан военно-полевому суду.

Полковник Боярский, к великому удивлению и возмущению немцев, прибывшему посланцу из штаба фронта, с большим достоинством и уверенностью в своих действиях, начертав план расположения немецких частей в районе расположения его бригады, указал стрелками, где он будет обороняться и где атаковать немецкие части, в том случае, если немцы нападут на его бригаду. Казалось, немцы действительно немедленно приступят к ликвидации русской бригады, но случилось другое - бригада была оставлена в покое, а Жиленков и Боярский, получив гарантии неприкосновенности, выехали в Главную Ставку для переговоров. Такое вынужденное мероприятие немцев диктовалось положением, в котором они оказались: русская, прекрасно укомплектованная и сильно вооруженная бригада, расположенная всего в 30 километрах от фронта, в случае попытки ликвидировать ее силой, могла, в завязавшемся с ней бою, нанести большие потери, и еще хуже, бой с ней, несомненно, мог бы отразиться на всем этом участке немецкого восточного фронта.

Положение у русских было еще хуже - куда податься? К "своим" - неминуемая гибель! Броситься на немцев, но к чему и какой будет результат! В таком ужасном положении оказались русские люди на немецкой стороне! Русская бригада в крайне нервном состоянии ожидала результата переговоров Жиленкова и Боярского с немцами.

"... удар был жестоким, разочарование беспредельным. Когда бригада была расформирована и батальоны разведены по разным местам, было приказано сменить русское командование

каждого из них на немецкое, заменить русскую форму формой вспомогательных частей и превратиться, по существу, в такие же батальоны вспомогательных войск, какие формировались немцами раньше. Офицеры и солдаты батальонов протестовали круто и решительно. Кончилось дело тем, что батальоны почти все, по очереди, перебив вновь назначенных командиров - немцев, ушли в лес. Часть их попала в руки большевиков, часть пополнила число партизан Третьей Силы..."

А.Казанцев, "Третья Сила" изд."Посев"
1974, 2-е изд., стр.145

Только уже летом 1943 года немцами, на этот раз не Вермахтом, но СС была сделана опять попытка использовать крупную русскую часть в своих интересах. Это была бригада Гиля, намеренно засланного советами на немецкую сторону.

"... На этот раз результат был еще печальнее. Бригада ушла в лес лишь частично; большая часть ушла просто на ту сторону к большевикам во главе с командиром Гилем... Гиль, вернувшись в Москву, получил орден и благодарность "за выполнение особых заданий партии и правительства..."

Там же - стр.146

Вне всякого сомнения, Гиль был весьма опытным провокатором. Каждый солдат и командир знал, что возврат к "своим" - расстрел! Однако, Гиль сумел убедить последовавших

за ним. Провокация больно ощутилась борящемся с антикоммунизмом в положении между двух огней. Немцы прекратили организацию крупных боевых русских частей, что крепко затормозило накапливание вооруженных сил Третьей Силы. Фельдмаршал Клюге требовал расстрела Жиленкова и Боярского, но ни один ни другой не были расстреляны. Жиленков ходил по улицам Берлина без всякой охраны в полной форме русского генерала. Жители Берлина чудились такому явлению. По всей вероятности, они бы еще больше чудились если бы знали, что этот русский генерал - организатор русской бригады, находящейся в лесу на положении страшных для немцев "русише партизанен". Вскоре Жиленков оказался в лаборатории отдела пропаганды Верховного Командования на Виктория штрассе, где готовилась к изданию газета для военнопленных - "Заря".

Х Х Х

Летом того же года под Ростовым перешел на сторону немцев советский комиссар и заявил, что он враг Сталина. Вскоре он был доставлен на самолете в Берлин в лабораторию на Виктория штрассе. Прибывший комиссар назвался Милетием Александровичем Зыковым. Комиссары по приказу гитлеровской ставки подлежали немедленному расстрелу, но этого комиссара, как и немногих других, немцы не расстреляли, а решили использовать в своих интересах. Потом выяснилось, что этот комиссар является исключительным явлением в Организованном Освободительном Движении, по многим причинам и особенностям. Говоря, о, так сказать, хронических тяжело выздоравливаю-

щих марксистах-идеалистах, Казанцев очень подробно и, можно не сомневаться, очень правдиво рассказывает об этом человеке, принявшем участие в Освободительном Движении:

"Наиболее ярким представителем этой группы был первый редактор "Зари", Милетий Александрович Зыков, один из замечательных людей из советского мира, с которыми мне приходилось встречаться. Ленинская гвардия, вожди без ковычек, организаторы и руководители Октябрьского переворота и гражданской войны, часто были людьми большой культуры, эрудиции и знаний. Это был цвет русского марксизма, дань, взятая с русского народа коммунистическим интернационализмом. Они были расстреляны потом Сталиным почти поголовно. Среди этих подлинных вождей большевизма нужно особенно выделить Бухарина, Рыкова, Бубнова и целый ряд других. Зыков молодым комсомольцем, журналистом, попал в эту среду. На дочери Бубнова, наркома просвещения СССР он был потом женат. До ежовской чистки, он был одним из заместителей редактора правительственной газеты "Известия" и постоянным ее сотрудником. Потом карьера кончилась чисто по советски - арест, допросы, таскание по тюрьмам и ссылка. Как была его настоящая фамилия, узнать мне так и не удалось, да я и не пытался, несмотря на очень близкие отношения, какие у нас потом сложились. В те времена это было не принято. Советское правительство за сдачу в плен привлекало к ответственности и семью виновного. Вполне понятно, что

очень многие из них, попадая в плен и тем более выходя на волю, меняли имена и фамилии. Немцы не препятствовали этому и охотно шли навстречу. Мне иногда казалось, что и фамилия Зыков родилась в результате такой же перемены. Познакомились мы при обстоятельствах не совсем обычных. Как-то летом 1942 года, придя на службу, я увидел в коридоре странное зрелище - в цинковой ванне, в которой заключенные стирали белье, наполненной доверху водой, сидит незнакомый мне человек с намыленной головой и немилосердно трет себя щеткой. Одевшись в очень потрепанную и замазанную красно-армейскую форму со стоптанными и развалившимися сапогами, он представился Милетием Зыковым.

Появился он у нас при обстоятельствах несколько таинственных. Его привезли с передовой линии фронта откуда-то из-под Ростова, на самолете. Перешел он к немцам добровольно и назвал себя комиссаром батальона. Потом гораздо позднее, рассказывал мне, что был, на самом деле, комиссаром дивизии и чуть ли даже ни корпуса. Я не уверен, что и это было точно, но, во всяком случае, во всем знакомом мне подсоветском мире, оказавшимся с этой стороны, я не встречал человека такого масштаба, таких способностей, как был он. Общее убеждение было, не знаю насколько оно верно, что он был евреем. Может быть, что, в конце концов, это послужило причиной его гибели.

На следующий день после приезда он решил написать брошюру о советской экономике,

что и было сделано в течении нескольких дней. Написана она была так, как мог написать только очень крупный специалист по этим вопросам. Прогнозы его потом не оправдались (брошура называлась: "Неминуемый крах советской экономики"), только потому, что он не мог предвидеть размеров американской помощи Советскому Союзу. Я часто заходил к нему во время работы, он писал ее до последней буквы без единой строчки пособий, без справочника. От первого до последнего слова по памяти. Брошура была закончена в несколько дней. Написана она была блестяще. О сложной технологии производства цветных металлов, о возможностях десятков, неизвестных многим фабрик и заводов, Зыков писал, как крупный специалист. О распределении сырья, о способах его переработки писал, как геолог. О работе транспорта, об использовании каналов и железных дорог - как путеец. Специалисты по всем этим вопросам могли соглашаться или не соглашаться с его выводами, но что работа была написана с большим знанием дела - признавали все. Как журналист, он поразил меня еще больше. Ничего подобного я не видел в жизни. Отделение пропаганды для той стороны выпускало нерегулярно выходящую газету, носившую название "Боевой путь". Она была закамуфлирована под одну из советских фронтовых газет. Я однажды присутствовал при том, как Зыков продиктовал стенографистке весь номер с начала до конца, от первой до последней строчки. Там была передовая, какой-то очерк, фельетон, сообщение с фронта и телеграммы из-

за границы, отдел развелечений с какими-то головоломками для солдат, заканчивающимися чуть ли ни шахматной задачей. Все это он продиктовал, не поднимаясь из-за стола, как будто прочел по книге. Работа продолжалась около трех часов. Он обладал редким свойством подчинять себе людей и это происходило не благодаря его знаниям, большим чем у других, или талантом, а благодаря тому, трудно определенному свойству, которым располагают люди, привыкшие приказывать и руководить. Интересно, что распространялась эта его сила не только на русских, но и на немцев.

Перед тем, как выпустить первый номер "Зари", он заявил немецкому полковнику, начальнику отдела пропаганды, что без ежедневных сводок советского информбюро, он газету выпускать не может и не будет. Сначала это было встречено, как пожелание, о котором серьезно говорить не стоит - сводки эти хранились, как крупная государственная тайна и читало их, наверное, во всей Германии несколько десятков человек. Зыков, каким-то образом, доказал, что ему они совершенно необходимы. И вот, каждое утро, в специальном запечатанном сургучными печатями конверте, солдат приносит, принятые ночью по радио советские телеграммы со всех фронтов. На пакете нужно расписаться, указать время получения, а при возвращении время, когда он ушел обратно. Мы закрываемся в комнате редакции, подходим к висевшей на стене карте и долго ищем десятки названий городов и сел, отбитых у немцев в

течении дня. Само собой понятно, никакого отношения к выходящей "Зари" это не имело и иметь не могло. Для меня, в качестве побочного продукта, от настойчивости Зыкова была большая польза: руководство организации было в курсе дела на фронте задолго до того, как знали об этом немецкие министры. Для них эти сводки нужно было переводить, а я их читал в оригинале..."

А.Казанцев, "Третья Сила" изд. Посев
1974. 2-е изд., стр.173-76

Зыков неделю спустя после написанной брошюры, составил блестяще продуманный с мельчайшими деталями план - "Организационный план мобилизации русского народа против сталинской власти". Оппозицией Гитлера, в частности, генералом Геленом, полковником Штауфенбергом и Гроте, этот план был одобрен. В плане Зыкова подчеркивалась совершенная необходимость немедленного создания российского правительства, во главе которого, должен стать один из популярнейших генералов Красной армии. За короткое время Гелен, Штауфенберг, Ренне, Гроте и другие, успешно привлекли из советских военнопленных самых способных людей. При исключительно энергичных действиях Штрикфельдта на Виктория штрассе, появился бывший начальник штаба Сибирского Военного округа генерал-майор Василий Федорович Малышкин. Малышкин до войны, после окончания Военной Академии, оставался при ней в качестве профессора, а к началу войны, он был назначен начальником штаба 19-й армии. Под Вязьмой армия была разбита. Малышкин с остатками армии попал в плен к немцам. К Малышкину при-

соединяется генерал-майор Федор Иванович Трухин. Долгие годы Трухин был сотрудником маршала Шапошникова, начальника генерального штаба Красной армии, и позднее лектором Академии генерального штаба Красной армии. Будучи на должности начальника штаба армий, разбитых летом 1941 года в Прибалтике, Трухин попал в плен к немцам. Затем присоединились и многие другие бывшие военачальники Красной армии. Но среди них еще не было человека, которого можно было бы выдвинуть на пост вождя, начавшегося зарождаться Организованного Освободительного Движения Народов России.

Человек этот был, наконец, найден и впервые появился в лаборатории на Виктория штрассе. Это был генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов.

Х Х Х

XXX

Ведя жестокие наступательные и оборонительные бои, уже не раз отличившийся качествами талантливого полководца, Власов неожиданно получил на несколько дней отпуск, чтобы повидаться с женой и ребенком, но тут же, 6-го марта, был срочно вызван в ставку к Сталину. На северо-восточном фронте немцам удалось окружить крупные соединения Красной армии и Сталин решил использовать способности молодого генерала.

"... В присутствии Молотова, Берия, Ворошилова, Маленкова и командующего воздуш-

ными силами, генерала Новикова, назначил его (Власова) заместителем верховного главнокомандующего северо-восточным фронтом, что бы он, как выразился Сталин, "навел там порядок". Главнокомандующий Мерецков оказался неспособным..."

С.Штеенберг, Власов, Изд. на русск.яз.
Русского Дома в Мельбурне 1974, стр.28

На этом же заседании, к великому удивлению Власова, Сталин признал факты, которые немыслимо было раньше услышать из уст диктатора - он открыто сказал, что уже с первых часов войны знал народ и особенно армия:

"... Сталин заявил, что политическая неблагонадежность населения и некоторых армейских частей создали критическое положение в первые месяцы войны, но, к счастью, "сами фашисты быстро их вывели". Власов был ошеломлен. Так открыто эти факты еще не обсуждались. Замечание Сталина было намеком на то, что он хорошо сознавал опасность возможной мобилизации немцами, в занятых ими областях, населения, враждебно настроенного против коммунистической партии и правительства..."

Там же стр.28

В начале января 1942 года Сталин приказал северо-восточному фронту начать массированное наступление в Ленинградском направлении. Наступление было тактически невыгодным и приказ Сталина с военной точки зрения

- безграмотным. Мерецков, исполняя приказ, должен был завести армии в болотистую, бездорожную местность, в которой армия лишалась возможности снабжения боеприпасами и питанием. Этот приказ Сталина еще раз охарактеризовал его отношение к людям.

Немецкая армия, хорошо укрепленная на исключительно выгодных позициях, наносила громадные потери наступающим войскам Красной армии.

После долгих боев, удалось, наконец, прорвать немецкий фронт у Волхова. Остатки истощенной армии вклинились в немецкую линию на 90 километров, что сразу же дало возможность немцам немедленно окружить их.

Генерал Мерецков прекрасно видел безуспешность такого наступления, но он также мог себя чувствовать совсем невиновным в постигшем армию несчастье, ибо обязан был исполнить приказ бывшего грабителя тифлисского банка, Иосифа Джугашвили, иронией судьбы ставшего "вождем мирового пролетариата" и его военачальником.

"... Мерецков в "Военно-историческом журнале" №1, стр.54-70, 1965 г., описывает ход сражения и заявляет, что во всем виновато только советское высшее командование, то есть Сталин, на котором лежит ответственность за гибель 2-й ударной армии..."

S.Steenberg, Wlassow, Verlag Wissenschaft und Politik, Köln, 1968 s.30

Когда, 9 марта 1942 года, Власов вместе с Ворошиловым, Маленковым и Новиковым прибыли к Мерецкову, они на месте убедились на-

сколько бездарен красный "генералиссимус". Власову тоже стало ясно - он должен теперь пытаться исправить неисправимое. Была лишь малая надежда вырваться из окружения, проскользнув через, еще оставшееся "горлышко бутылки". Сталин, сидя за тысячу километров в Кремле, назвал это катастрофическое положение - "навести порядок".

Мерецков был подавлен и удручен. Тщательно обдумав положение, Власов предложил Сталину немедленно выходить из мешка. Сталин, к великому удивлению Власова и Мерецкова, дал приказ продолжать наступление.

"... Когда Власов прибыл на Волховский фронт, он увидел голодающую Красную армию. Солдаты получали по 50 граммов хлеба в день. Его сомнения в мудрости Сталина, как военачальника, подтвердилось и здесь и он окончательно убедился в том, что русские люди не хотят умирать за Сталина и большевизм. Впервые в своей истории русские люди сдавались в плен дезертировали и, пользуясь всеми возможными случаями, оставались в районах, оккупированных немецкой армией..."

J.Enstein, "Operation Keelhaul"
стр.57

Через десять дней, 19-го марта, случилось то, что хотел предостеречь Власов - все советские войска, куда входила и 2-я танковая армия, окончательно оказались в тылу у врага - "горлышко" отрезали. Власов принимает отчаянное решение - 21-го марта он лично вылетает в "мешок" и принимает командование окруженными советскими

войсками.

После напряженного трехдневного боя, ему удалось 27-го марта прорвать немецкое кольцо и опять восстановить "горлышко" в три километра шириной. Власов потребовал разрешение на немедленное отступление, с тем, чтобы вывести обессиленные боями и голодом войска на восточный берег Волхова. К еще большему удивлению и раздражению Власова, Сталин приказал продолжать наступление. Власов опять подчинился приказу Сталина.

Окончательно измученные, обессиленные и голодные бойцы и командиры по невольному приказу Власова, опять пошли:

"...Через болотистые леса, по бездорожью, часто по пояс в снегу или по колени в ледяной воде..."

Битва за Ленинград, 1964 г., Москва, стр.146, цитировано у С.Штеенберг, Власов, Изд. на русском яз. Русского Дома в Мелбурне, стр.31

Когда иссякли последние силы, стало совершенно явным, что гнать на убой обессиленных солдат означало сознательно участвовать в преступлении, которое творил Сталин. Власов отдал приказ перейти к обороне.

В эти трагические дни к Власову неожиданно прибыла его домработница Мария Воронова. Жена Власова послала ее с письмом.

"... на обороте конверта был контур ручки его сына, как привет и талисман. И еще одна весточка заключалась в письме: "Гости были". Другими словами, тайная полиция произвела обыск в его квар-

тире. Несмотря на его заслуги, несмотря на награждение Сталиным! Это было горьким сознанием, одним из тех переживаний, которые в результате привели его к решению, принятому им впоследствии".

С.Штеенберг, Власов, Изд. на русск. яз. Русского Дома в Мельбурне, 1974, стр.31

В эти же дни немцы усилили свои атаки, а снабжение армии совершенно прекратилось. Бойцы погибали в неравном бою. Голодные, истощенные, больные, лишенные даже боеприпасов, они не могли долго сопротивляться - армия таяла каждый час.

Наконец, Сталин дал разрешение на отступление. И вот, молодой русский генерал, в полном смысле этого слова, сумел вдохновить своих обессиленных солдат и поднять их на чудовищный подвиг - семь дивизий вырвались из немецкого кольца.

Командующий группой армий, немецкий генерал-полковник Линдиман, немедленно бросил усиленные свежие боевые единицы с флангов и 20-го мая опять замкнул кольцо.

"... 9 дивизий и 7 бригад были обречены на гибель. Только на участке Ботоцкая-Чудово погибло 14.000 человек. Трупы утонувших и умерших с голоду солдат, тысячами валялись в болотах и лесах".

Там же стр.33

Погубив десятки тысяч солдат и множество строевых командиров, Сталин решил освободить из мешка Власова - ему еще нужен был хороший генерал. Сталин дважды высылал за Власовым самолет, но, увы, хороший генерал

оказался с хорошей совестью - он отказался бросить своих солдат.

"... Только 32.000 человек пережили это побоище и были взяты в плен. Штабквартира Власова была выведена из строя артиллерийским обстрелом. Большинство офицеров погибло или было ранено. Армия фактически перестала существовать. Помощи не было. Десятки тысяч людей были напрасно принесены в жертву. Сталин обрек армию на гибель. Правда, он приказал вывезти Власова и его штаб..."

Там же

Оставшись с остатками своей разбитой армии, Власов и не думал сдаваться в плен. Он дал приказ разбиться на небольшие группы и, через леса и болота, просачиваться к своим. Он сам, его начальник штаба с денщиком и Мария Воронова, совсем обессиленные голодом двигались на восток, прячась, где только возможно было укрыться, не только от немцев, но и своего населения, изнывая от жажды и жары, задыхаясь от смрада разлагавшихся трупов. Голод стал диктовать - зайти ли в населенный хуторок или деревушку и попросить пищи, или умереть с голоду - другого выбора не было.

Все эти мучительные дни Власов, страдая от жажды и голода, однако, имея, наконец, время продумать пройденный путь, оглянуться назад и, как никогда раньше, увидеть преступность всех действий, как Ленина и Сталина, так и их вольных и невольных приспешников. И самое главное, ясно увидеть, что

так просто выражается простыми подсоветскими людьми: "Коммунизм - это липа"! С горечью пришлось осознать Власову, что он служил столько лет и с таким рвением - джи, принимая эту службу, за службу своему народу. Но, что делать дальше? Идти служить опять мучителям своего народа? Да ведь, за сдачу в плен в любых условиях по сталинскому закону - расстрел! Застрелиться самому - но он бывший семинарист и знает: самоубийство непростительный грех!

С такими мрачными мыслями, Власов 11-го июня вошел в деревушку Туховичи. С ним была только Мария Воронова. Виноградов с денщиком направились в соседнюю деревушку Ям-Тесово. Виноградов все время страдал от приступов, бывшей его, малярии. Власов отдал ему свою генеральскую шинель. Староста деревушки Туховичи накормил их, укрыл в сарае местной пожарной команды и немедленно доложил немцам, ибо ему самому, в противном случае, грозила смерть.

О том, как попал генерал Власов в немецкий плен, пишет подробно очевидец и участник пленения переводчик 38-го корпуса, зондерфюрер Клаус Пельхау:

"...На рассвете 12-го июля меня разбудил офицер службы связи корпуса, капитан фон Шверднер, сообщивший, что накануне вечером у Ям-Тесово был убит Власов и его труп надо опознать. Мы отнеслись к этому скептически - неделями мы уже искали Власова и нас уже не раз тревожили понапрасну, но несмотря на это, мы сразу отправились в Ям-Тесово. Когда мы проезжали через деревушку

Туховичи, русский бургомистр попросил нас захватить двух партизан, которых он задержал накануне, когда они просили помощи и пищи.

Поскольку нам надо было сперва выполнить наше поручение, мы обещали ему сделать это на обратном пути. В Ям-Тесово, куда привезли труп, местный комендант сообщил нам, что денщик убитого, легко ранен, взят в плен. Мы допросили этого человека, который утверждал, что он денщик Власова. Втроем, вместе с кухаркой Власова, сказал он, они блуждали неделями в надежде пробиться к своим. Голод все время вынуждал их заходить в деревни, где, по их предположениям, не было немцев. Так же было и на этот раз. При этом их обстреляли и Власов был убит. Что стало с кухаркой, ему не известно. На убитом была шинель генерал лейтенанта, был золотой зуб, упоминавшийся в описании Власова. У нас не было никаких сомнений, что убитый это Власов. Мы составили протокол и разрешили предать труп земле, уведомив по радио штаб. На обратном пути мы уже проехали Туховичи, когда вспомнили о партизанах. Мы вернулись и бургомистр провел нас к дому, который, хотя и был заперт снаружи, но никем не охранялся.

Мы поставили пред дверью двух солдат с автоматами и, когда бургомистр ее открыл, я крикнул по русски в темноту сарая, чтобы партизаны выходили. В ответ послышался глубокий бас на ломанном немецком языке: "Не стрелять, генерал Власов"! и

из сарая вышел человек, чрезвычайно похожий на того, кого мы только что разрешили похоронить. На нем была офицерская форма без знаков отличия. Он передал мне свидетельство, лично подписанное Сталиным, гласившее, что он - заместитель главнокомандующего северо-восточным фронтом и командующий 2-й ударной армией. Затем он вынул из кармана бельгийский пистолет и передал его капитану фон Швердтнеру. На мой вопрос - кто эта женщина, он ответил, что это его кухарка. Я сказал ему, что мы только что опознали труп Власова, одетый в шинель генерала-лейтенанта. На это Власов сказал, что убитый - начальник его штаба, полковник Виноградов. Мы еще не были убеждены в том, что это Власов и на обратном пути капитан фон Швердтнер задавал ему различные вопросы, на которые, однако, мы получили такие ответы, что у нас, наконец, не оставалось больше сомнений.

По дороге он спросил, должен ли, по мнению немцев, генерал в его положении застрелиться, на что Швердтнер ответил, что для генерала, сражавшегося до последней минуты со своими войсками, плен не является позором. В штабе корпуса сперва не были склонны признать нашего пленника подлинным Власовым, поскольку, наше первое сообщение было уже передано в ставку Гитлера. Но, когда "денщик Власова" сознался, что он хотел выгородить Власова, а в действительности был денщиком Виноградова, все стало ясно. На следующий день, мы под сильной ох-

раной отправились в штаб 18-й армии в Сиверскую.

Генерал-полковник Линдемман, командующий армией и противник Власова, во время сражений на Волхове, отнесся к Власову чрезвычайно корректно и вежливо.

Оба генерала подробно обсудили ход боя.

(Письмо зондерфюрера Клауса Пельхау помещено в книге С.Штеенберга "Власов - предатель или патриот"? стр.31-33, немецкий текст, стр.34-36, русский текст.)

Разговор Линдеммана с Власовым был не простым опросом или допросом. Прекрасный немецкий солдат, генерал-полковник Линдемман был глубоко тронут повествованием русского пленного генерала. На вопрос - на самом ли деле Власов отказался от присланного Сталиным самолета, Власов сказал:

"Да, я остался! Дважды я получил приказ бросить людей и покинуть этот "мешок", но я остался. Однажды за мной прислали самолет, но я уже больше не колебался. Смел ли я бросить тех, кого я сам завел в такое положение? Смел ли я снять с себя всю ответственность за это?"

"Сделав это на глазах у своих солдат, - как бы продолжая рассказ Власова, понимая его сердцем солдата, сказал Линдемман.

"Да, на глазах у моих солдат. Ведь эти глаза смотрели на меня! Я предпочитал, чтобы они смотрели мне в лицо, а не в уходящую спину. Если бы я их покинул, я бы чувствовал все эти взгляды на себе

всю свою жизнь..."

Очерки к истории Освободительного движения народов России, стр.24
Цитировано у о.Александра Киселева, стр.78

Линдеман отправил Власова в Летцен, но через несколько дней, немцы переправили его в Винницу, куда уже в то время оппозицией гитлеровского режима, без ведома "Фюрера"

"... был переведен особый лагерь Главного штаба. Этот лагерь, без ведома высшего командования, был создан начальником 11-го организационного отдела Генерального штаба, графом Штауфенбергом и находился в ведении капитана Петерсона".

С.Штеенберг, Власов,Изд.Русского Дома в Мельбурне,русск.яз.,1974,стр.37

Из Винницы, оппозиции Гитлера во главе с генералом Геленом, удалось перевести Власова в Берлин, где он впервые познакомился с работниками пропагандного отдела немецкого Вермахта на Викторияштрассе №10.

Личность генерала Андрея Андреевича Власова, как человека обладающего качествами не только полководца, но и подлинного вождя, описана весьма кратко, но удачно С.Штеенбергом в книге - "Власов предатель или патриот?"; а позднее, с необыкновенной способностью чуткого писателя, добавлена военным священником Русской Освободительной армии, Протопресвитером отцом Александром Киселевым в его книге - "Облик генерала Власова".

Обширное описание личности генерала Власова Штрикфельдтом в его книге - "Против Ста-

лина и Гитлера", добавляется также многими иностранными писателями, как то: профессор Александр Даллин - "Немецкое управление в России", профессор Джулиус Эпштейн - "Операция килевания", Ерган Торвальд - "Кого они хотят уничтожить", Александр Казанцев - "Третья Сила" и другими авторами.

Мы, в описании личности генерала Власова, ограничимся кратким перечнем его главных заслуг, приведших крестьянского сына до генерала, лишь по мере надобности прибегая к особо важным цитатам. Его действия, как возглавителя Освободительного Движения народов России, полностью рисуют его подлинный облик русского полководца и вождя, имя которого войдет в историю не только, как национального русского героя, но и героя человечества вообще.

Х Х Х

XXXI

Осенью 1942 года Первая Повстанческая сотня, пройдя территорию Кубанского Войска, достигнув Кавказский хребет, вступила в борьбу с советскими партизанами в районе Красной Поляны, а затем под Туапсе. Вначале зимы этого года, сотня была пополнена добровольцами из кубанских и терских казаков.

Свою особенную боеспособность сотня показала в бою за бывший кавказский аул Сахрай. Немецкое командование в боях против советских партизан на захваченной территории Северного Кавказа, использовала с большим успехом не только добровольческие части

из народов Кавказа, но и множество организованных самими кубанскими и терскими казаками добровольческих частей, а также части казачьей полиции. Однако, отброшенный немецкий фронт от Царицина вновь к Таганрогу, принудил немецкие войска поспешно покидать всю захваченную ими ранее территорию Юго-Восточного фронта.

С тяжелыми боями, вместе с немецкими войсками, отступала Первая Повстанческая сотня. Отступление немецкими войсками на Ростов было отрезано. Немцы устремились к Тамани, намериваясь через Керченский пролив переправиться в Крым. Из станицы Славинской немецкие транспортные самолеты типа "Юнкерс 88" перебрасывали в Крым немецкие, а также частично добровольческие части. Совсем неожиданно, по приказу немецкого командования, у Первой Повстанческой сотни был отнят один взвод и по воздуху переброшен в Крым для несения службы при немецких частях зенитной артиллерии.

Лейтенант Владимир Еремин, урядник Костя Греков и урядник Евгений Попандополос, оказавшись в Крыму, вскоре, к своему удивлению, сделав тайнственный огромный "скачек", прибыли в немецкий танковый батальон в Белоруссию...

Х Х Х

Борис, открыв люк, высунул голову из танка, рассматривал в бинокль сползающую небольшую колонну немецких танков. - Пополнение взамен потерянных, - подумал он.

- Привет, Борис Иванович!

Оглянувшись, Борис, ошеломленный неожиданным явлением, смотрел на улыбающихся, выросших, как из под земли, перед ним друзей. От радости он не мог произнести ни слова, лишь, без надобности, после очень долгого перерыва, стал подтягивать вовсе, благодаря немецким подтяжкам, не сползающие с его живота черные, покроя немецкого танкиста, брюки. К удивлению прибывших друзей, на плечах у Бориса поблескивали подофицерские погоны. Он сначала беззвучно открывал рот, но, наконец, у него вырвалось:

- Тю! - и при этом он усиленно заблмыкал глазами.

- А вот это правильно, действительно тю! Только ты, Борька, мотай и доложи об этом "тю" командиру роты.

- Да, доложу, конечно. Но, все же, каким это вы способом приплыли?

- А мы на этом самом таинственном корабле Жуль Верна "Наутилусе" приплыли. Сам капитан Немо изволил нас сопровождать. Только, конечно, не по воде и не под водой. Двадцать тысяч лье - это уж слишком долгое путешествие и при наличии "Блиц-Криг" никак не подходящее. По воздуху мы прилетели, по воздуху. Так, что ты особенно не удивляйся, господин унтер-офицер танковых войск, а мотай докладывай. Вес то свой, когда сбавишь? - Еремин похлопал Бориса по его тучному животу.

- Приветствую, ребятки!

Все оглянулись. С распростертыми руками к прибывшим друзьям шел Саркисьян.

- Ах, вот он и комроты!

Еремин принял положение "смирно", с таинственным выражением на лице, доложил:

- Три курсанта прибыли в вверенную вам роту, господин капитан!

- Приветствую! Приветствую! Заходите-ка ребята, вот в эту хибару. Это штаб наш "Особого назначения". А ты, Борька, мотай, позови Кацапа с его командой. Дуй!

До поздней ночи просидели вновь собравшаяся организация "комсомольцев в отставке и подпольи". Прибывшие познакомились с новыми друзьями. Все было пересказано, все по деловому обсуждено. Погрустили о своих потерях. В итоге "командующий", подав знак прекратить разговор, обратился с вопросами и прежде всего к хитрому греку.

- Что скажешь, Женя?

Как обычно, Носик почесал свой нос и приступил к ответам на поставленные "командующим" вопросы.

- Считаю "налет" на немецкие танки совершенно необходимым. Таким актом мы не только приобретем танки для нашего, пока что "спешенного" танкового резерва, но и, так сказать, обезвреживаем немецких танкистов - это первое. Распространение этой идеи среди всех добровольческих частей, считаю также совершенно необходимым актом, к тому же, актом не лишенным актуальной возможности. Хотя, конечно, в некоторых случаях, могут быть и неудачи - это второе. Выделить двух человек для отправки в Германию для встречи с полковником Буняченко и его офицерами и считаю эту встречу для нас необходимой. Вот все. - Носик опять почесал нос и обежав всех скорым взглядом, скромно склонив голову, тихо произнес: - Благодарю вас, друзья.

Длиннонос встал, прошелся, что-то раздуывая, по комнате и опять занял свое место.

- Что ты скажешь Ваня?

Глаза Саркисьяна остановились на сидевшем, с задумчиво опущенной головой Ваньке-Кацапе.

- Присоединяю свой голос к Носику, но спешу добавить: распространение нашей идеи следует направлять по проточенным уже каналам. Наше Воззвание к бойцам, командирам и политработникам Красной армии - вопрос исключительной важности и оно должно достиг цели в самый короткий срок.

- Молодец, Ваня, правильно, - быстро отозвался Носик.

- Это будет сделано очень даже скоро и в большом количестве - будьте уверочки - это точно! - довольно улыбнулся Длиннонос.

Все другие присутствующие одобрили принятое решение. После чего, "командующий" откупорив бутылку немецкого шнапса, пригласил всех выпить за успех намеченных дел, а также за здоровье прибывших "во свояси" боевых друзей.

Стук в дверь застал ребяток с поднятыми стаканами со шнапсом. На пороге с улыбкой во весь рот стоял Ванька-Калуга.

- Тю! - вырвалось из уст на этот раз не у Бориса Шапошникова, но у самого прехитрого грека - Женечки-Носика.

- Вот те и тю! - отозвался Калуга, направляясь к Носику, бросившемуся к нему с распростертыми руками. Костя Грек, Володя Еремин тоже бросились обнимать потерянного и вот, нежданно негадано, вновь найденного друга. Увидев таинственную улыбку на лице Длинноноса, Носик, усаживая друга, коротко повелел:

- Давай, рассказывай, Калуга, как было

дело.

- Да вот как, друзья, коротко, конечно, а то мне тут два дня не умолкая нужно будет говорить.

- Давай коротко, - согласился Носик.

- Когда это вы оборвались со Славянской, помните, конечно. Мы, то есть наша сотня, сунулась было на Восток, да дудки - Азов отбили наши у немцев, а по другую сторону Дона докатились вновь до Таганрога. Немцы ринулись на полных парах отступить к Томани, к Тюмреку, да только и тут путь был отрезан. Хутора Свистельниковы заняты были войсками Красной армии. Немцы, а вместе с ними и мы, с большим трудом, прорвались к Тюмреку. Благодаря таланту своих полководцев, немецкий "ефрейтор" успел соорудить, так называемое, "Предмостное Кубанское укрепление". Сражения были жуткие и почти каждый день. Наши наседали, а немцы оборонялись. Нашу сотню, конечно, принялись беспрестанно "спрягать" и "склонять", равно, как и другие части добровольцев - ясно почему. Дальше, как потом выяснилось, оппозиция "ефрейтора" добила разрешения на формирование 1-й Казачьей дивизии и наша сотня была снята с фронта и отправлена в место формирования. Перед самым уходом из Тюмрека, ко мне явился какой-то человек и вручил мне записку вот такого содержания"

"Дорогой, Ваня! Иди за этим человеком, я тебя жду.

Наташа.

У меня, братцы, голова ходором заходила. Поручаю я коня своему коноводу, а сказать то и не знаю что ему. Вся сотня была уже выстроена и готовилась двигаться.

- Куда это вы, господин лейтенант, - спрашивает коновод. - Вещи, говорю, и очень ценные забыл вот у людей. Сейчас я бегом, держи, говорю, коня! Мотнулся я с этим дядей, да так мотнулся, что, вот видишь, в Белоруссии объявился.

Ванька-Калуга, поглядывая на Длинноноса, таинственно блестит глазами, подмаргивает "командующему".

- И на самом деле ты Наташку Разведчицу нашел, куда тебя этот дядя повел? - спросил Грек.

- А как ты думаешь?

- Должно быть, да!

- То-то же. А сейчас, как видишь, я в форме немецкого танкиста, а в лесу, неподалеку отсюда в форме советского политрука, да еще политрука целого отряда советских партизан. Сказка, правда? - смеется Калуга.

- А где же Разведчица твоя?

- Моя жена Наталия Волошина служит медсестрой в одной из частей дивизии Красной армии - это сегодня, а завтра она может оказаться с этой стороны фронта и даже очень близко, да, пожалуй, у самой главной квартиры самого немецкого "фюрера"- это еще больше похоже на сказку, но это так - будьте уверочки! Это точно!, - заверил Калуга, глядя на изумленных Носика, Грека и Еремина.

Ребята покатываются со смеха. Но хитрый грек Носик, быстро сообразив, почесав нос, прогундосил:

- Прodelки наташкиной партии НТС. Да, пускай уж. Их работа нам сейчас на пользу. А доктрину их им все же, в конечном итоге, придется сменить.

Думается мне, Грек прав - России без

царя, самодержца, единой и неделимой, а тем более, свободной от политического рабства не быть.

Ты прав, Грек, я тебе говорю, - Носик одобрительно закивал головой Кости Грекову.

- Без царя самодержца в России может быть только, мягко выражаясь, политический ка-вар-дак! - молвил лейтенант Кузнецов.

- Не кавардак, а настоящий бардак! - усиленно заблывав глазами, выпалил Борис Шапошников, - Наташка-Разведчица уверяет, что солидаристы люди набожные и будут просто пайньками. Хорошо, пускай будет так, но при демократии появятся многие другие партии со своими идеологиями и доктринами. Что тогда? К ногтю их что ли? Нельзя - демократия - свобода всем партиям! А на верха в партиях пролезут, как правило, честолюбцы, проныры, хитроплеты и, за частую, безбожники. Вот и попробуй, научи их правде Христовой! Научите? И не думайте! Завяжут они грызню между собой, ушатами грязи начнут обливать друг друга, а обещания подчиненным им народам останутся только обещаниями. Натешившись политической игрой, потратив на нее уйму народных денег, партийные вожди уйдут в отставку, а их сменят такие же, если не хуже... Нет, ненужна нам в России западная демократия. Царь нам нужен такой, каким был Петр Великий. Такой царь быстренько всех этих партийных брехунов ж.... на колья посадит и наведет в стране нужный порядок. Вот вам все!

Борис обвел друзей возбужденным взглядом и хотел уже было по старой привычке подтянуть брюки, но, вспомнив о немецких подтяжках почесав затылок, сел.

- Пожалуй так. Это толково сказано, - в раздумии поглядывая на "ребяток" проговорил новый член организации "комсомольцы в отставке и в подпольи", лейтенант танкист Николай Балашев.

- Я, братец мой, много раз выслушивал рассказы старого русского моряка объехавшего все страны демократов, деда Алексея, и подолгу размышлял над его доводами и пришел к заключительному выводу - дед прав! - отозвался Греков.

- А в чем это, ну, так сказать, в чем, конкретно, он, этот дед, прав?

Лейтенант танкист, рассматривая нового друга, с заметным интересом, ждал ответа.

- А в том, что если в России допустить систему демократических стран, таких, например, как США или Англия, или других каких западных держав, то эти самые демократы западные немедленно приступят к выращиванию множества различных политических партий в России, и уже, конечно, всеми силами и всеми способами, создадут и будут растить сепаратистов из всех народов России. Дадут этим предателям и средства, и все, что им нужно будет. Как результат таких проделок, начнется междуусобная война, это между народами России. В придачу к такому способу уничтожения мощи России, демократы, пользуясь установленной по их образцу свободой для различных религий, пришлют в Россию сотни различных сектанских проповедников, а это, надо сказать, очень сильный инструмент. Так что, могущественная Великая Россия, а главное, Православная, которую западные демократы боятся, как черт ладана, превратится в уничтожающие сами себя маленькие, не-

мощные государства, да, к тому же, еще и полностью зависимые от демократических капиталистов, которые очень скоро понастроят там свои собственные фабрики, заводы и все другое, что им нужно и будут беспощадно доить обманутые народы России. Вот таким...

- Так это же политика гитлеровского министра Розенберга! - невыдержав длинного повествования Грекова, перебил его лейтенант Балашев.

- А я и не говорю, что нет. Но, почему ты, извини меня, друг, не помню имя твое, рассматривая Балашева, спросил Греков.

- Николай, - протягивая руку Грекову и присаживаясь рядом, отозвался танкист.

- А меня Константин, а если угодно - Грек, это "приставка".

- Слышал о "приставках", - улыбнулся Балашев, - я слушаю.

- Почему ты, Николай, думаешь, что демократы любят Великую Россию больше чем гитлеровцы?

- Я не говорю, что любят, да, я над этим никогда не задумывался, м-да... - в раздумии, растягивая слова, проговорил танкист и вдруг, весело улыбувшись, восхищенно глядя на Грекова, воскликнул: - Да ты, братец, вижу я, в точку попал!

- Не я, а старый русский моряк, дед Алексей. Он очевидец, он и попал в точку, - улыбнулся Греков.

- Слушай, корешок, заткнись ты со своей монархией, - запротестовал лейтенант Масютин, - лучше солидаризма ничего не придумаешь, да это понять нужно, вот оно что.

- А ты, корешок, заткнись со своим солидаризмом. При наличии темных сил лукавого

солидаризм непригоден! - парировал Греков.

- А я тебе говорю, если будешь пропаганду монархическую расклеивать, то очень даже будешь товарищу Сталину помогать, вот что, браток, - огрызнулся Масютин.

- Не забывайте, ребята, что нам, быть может, еще кое-что придется оставлять от марксизма. А?

Молодой паренек, танкист вопросительно поглядывал на "ребятток"

- Катись ты, болван, с этим чертом! Глядите, ребята, на дуралея! Да ты знаешь!

Боринька Шапошников сжатыми кулаками, всей своей богатырской тучной фигурой ринулся к пареньку танкисту. Но "командующий" поднял руку, требуя немедленного прекращения вспыхнувшего спора.

- После "игры" будем решать все эти вопросы, а сейчас не будем лить воду на мельницу товарища Сталина и Гитлера. Ясно?

Саркисьян объявил строгим взглядом своих подчиненных, и все сразу умолкли. После продолжительного общего молчания, Греков, продолжая, до начатого спора разговор, спросил Калугу:

- Где же вы женились?

- В Краснодаре, вернее в хуторке вблизи города, название которого не знал и не знаю по сей день. Мы там были всего два дня.

- И что же это зарегистрировались? - Лейтенант Еремин вопросительно глянул на Калугу.

- Нет, мы венчались. А венчал нас священник, конечно. Помню, что звали его отец Петр. Люди сказывали, что сей почетный старец священник, неожиданно повсюду появляется и неожиданно исчезает. Люди, говорят, его

скрывают, да и уж Сам Бог бережет его, - доложил Калуга.

- М-да, история больше чем интересная. В таком случае, давайте-ка, ребятки, мы чекалдыкнем за здоровье четы Волошиных! - предложил Носик.

Уже стало рассветать, утро заглядывало в окна, когда ребятки стали расходиться.

- Слышь, Кацап, Эрику и Киру, говоришь, советы "таво", а? - спросил Носик

- Да это, к сожалению, так. Наташу Петрову схватили и убили холуи Сталина. Шишу удалось спасти мне, а девушек наших не удалось - отрезали проход в город войска Красной армии.

- А где же Шиша?

- Да, недалеко от нас он, да с одной ногой теперь Шиша. Мы как сделали "наскок" на Гестапо, его крепко поранило. Невозможно было во время оказать помощь - уходили мы от погони на полных парах. Потом гангрена и, конечно, пришлось оттяпать Шише ногу. Да, он не горюет. Женился на белокурой белорусской вдовушке с двумя детками малыши. Ковыляет себе по двору, топориком постукивает, хозяйством, вестимо, занимается.

- А гитара?

- Раздобыл! Подправил, подкрасил и режет во всю попрежнему, особенно, когда под газом. Жена его не налюбуется им - ведь красавец парень! А нога, да что нога, он сам важнее своей ноги. Протез мы ему раздобудем скоро.

Кацап замолчал, а потом, указывая на Ваньку-Слепа, не без сожаления, сказал:

- Вот Слеп маху дал - патефон-буржуй у него немцы утащили. Попробуй, выпиши теперь такой из Манчестера, а?

- Ничего, найду я патефон свой, а фрицев фашистов - социалистов за расхищение капиталистического имущества, строгому наказанию подвержим - к Сталину в колхоз, гадов, сошлем! - прогнусавил сердито, моргая учащенно близорукими глазами, бывший обладатель патефона-буржуя.

- А ручке патефона не фрицы, а наши ребята опять голову скрутили, - добавил Слеп, устало зевая, - ну и ком-паш-ка!

Х Х Х

Через месяц прибывшие трое друзей, пройдя нужный курс учения, стали экипажем трофейной боевой машины Т-34.

Лейтенант Еремин принял командование танком, Костя Греков - механик-водитель, Женечка-Носик - командир орудия.

Борька Шапошников, к очередному удивлению ребяток, оказался не только отчаянным разведчиком, но и лихим артиллеристом, за что, став командиром орудия и был произведен, в чин подофицера.

Прибывшая Русская рота добровольцев, расположившись у немецкого танкового батальона, терпеливо выжидала сигнала для "налета"...

Х Х Х

XXXII

Достигнув Украины, казачий штаб атамана Павлова временно обосновался в Кривом Роге. В Каховке обсновал свой штаб, отбившийся во время отступления с Дона, войсковой стар-

шина Духопельников.

Уже в это время возникшая немецкая оппозиция гитлеровской политики на Востоке дерзала делать невозможное возможным. И Павлову и Духопельникову было разрешено формировать вооруженные казачьи части.

Казачий штаб в Запорожской области в городе Орехово приступил к формированию казачьих частей для запланированного оппозицией гитлеровской политики формирования 1-й Казачьей дивизии. Сформированные же казачьи части Павловым и Духопельниковым сразу же попадали в состав немецких войск. Это была "политика малых шагов", предпринятая особо разумными немецкими военачальниками. Цель этой новой политики было, незаметно для Гитлера, накопить как можно больше вооруженных сил из народов России для будущих более решительных действий, вопреки желанию Гитлера.

Наряду с казачьими штабами формирования казачьих частей, инициаторы этих действий организовали немецкий штаб формирования казачьих частей. Еще в 1942 году один из таких штабов был организован во главе с немецким генералом, прекрасно владеющим русским языком на Украине в городе Шепетовка. Формированием непосредственно руководил бывший офицер Ген. штаба Красной армии полковник Саркисьян (позднее генерал-майор).

В Шепетовке немецким штабом было сформировано 12 казачьих полков. Первый полк получил имя знаменитого Донского атамана графа Платова; 9-й казачий полк получил имя легендарного Донского генерала Я.П.Бокланова.

Все эти полки также отправлялись в разные места для охраны немецкого тыла и для

борьбы с советскими партизанами.

Позднее, после приказа Гитлера №2/15, некоторые эти полки не были расформированы, но переименованы в казацки батальоны для успокоения взволнованного "фюрера" действиями его генералов.

Х Х Х

XXXIII

Только в конце 1943 года, Павлову удалось получить разрешение от немецкого фронтового командования собрать разсеянных и отставших при отступлении казацких беженцев в один пункт. Работающих казаков в колхозах на Украине, в Белоруссии и других местах, с их семьями немцы начали отправлять в районы Каменец-Подольска, где начали собираться казаки беженцы и стал образовываться Казачий Стан.

Прибывающих казаков распределяли по войсковой принадлежности: донцов направляли в Донские станицы, кубанцев - в Кубанские станицы, терцев - в Терские станицы и т.д.

Станицы избирали свое руководство - станичных атаманов и все станичное Правление. Избранная власть подчинялась Павлову, к тому времени занявшего пост Походного атамана Казачьего Стана. Должность начальника штаба Походного атамана Павлова занял есаул Владимир Корнилович Стаханов, позднее произведенный в чин войскового старшины, а затем, и в полковники.

Штаб Павлова обосновался в Дунаевске, охраняемый всего одной вооруженной сотней

казаков под командованием сотника Тимофея Ивановича Доманова. Население Казачьего Стана разместилось в ближайших от штаба селах, однако, продолжавшееся продвижение советских войск на Запад, принуждало Казачий Стан уходить дальше на Запад. Прикрывая отход населения Стана через реку Днестр, конвойная сотня Доманова попала в окружение и, потеряв половину своего состава, едва прорвалась из кольца окруживших ее частей Красной армии. Уходя на Запад, Казачий Стан держал направление к реке Висле и в районе Сандамир вынужден был остановиться, чтобы собрать свое население. Много было отставших и затерявшихся в хаосе поспешного отступления с Каменец-Подольской области.

В начале лета 1944 года, фронтовое немецкое командование решило перебросить Казачий Стан в Белоруссию, где скопилось большое количество советских партизан. В этих районах уже активно действовали в боях против советских партизан, казачьи отряды, сформированные еще во время пребывания штаба Павлова в Кривом Рогу, в Каховке и в других местах. В новом месте обоснования Казачьего Стана, против советских партизан вели борьбу другие казачьи отряды, а также и не казачьи, сформированные немцами, или же подобными Павлову другими русскими организаторами антисоветской борьбы, стихийного освободительного движения народов России. Особенно активно действовал казачий дивизион, (батальон), сотника Холодного и белорусский отряд Рагули, многочисленная бригада Каминского и другие отряды добровольцев.

Наконец, после долгих попыток, немецким оппозиционерам гитлеровской политики удалось

добиться большего успеха в городе Новогрудок. С их разрешения, атаман Павлов учредил штаб формирования казачьих полков из числа казаков Казачьего Стана годных для несения военной службы. В самый короткий срок штаб сформировал пять казачьих полков. Вначале, не имея никакого воинского обмундирования, вновь сформированные полки зато имели очень большое количество советского трофейного оружия. Каждая сотня имела на вооружении по пяти станковых и по 15-ти ручных пулеметов и огромное количество патронов.

С этого времени сформированные казачьи полки вошли на все виды довольствия немецкой армии и вступили в борьбу против советских партизан в этих районах. Штаб Походного атамана в Новогрудке охраняла конвойная сотня Доманова. По настоянию немецкого фронтового командования еще 10 ноября 1943 года Верховное командование немецкой армии - Оберкомандо дер Вермахт, а также министерство Востока Рейха сделали официальное заявление о признании ими всех прав казачества, как такового. Но, гораздо позднее - четыре месяца спустя, Командующий Восточными добровольческими войсками, находившимися в составе немецкой армии, немецкий генерал от кавалерии Эрнст Кестринг своим приказом от 31-го марта 1944 года учредил Главное Управление Казачьих Войск, задачей которого была защита вышеупомянутых казачьих прав.

В немецкой печати, а позднее в русской, появился приказ:

"От генерала Добровольческих войск.
Учреждаю Главное Управление Казачьих
Войск. Главное Управление Казачьих
Войск является представительством перед

Германским командованием для защиты казачьих прав и состоит из следующих лиц: генерал Краснов - начальник генерал Науменко, полковник Павлов, полковник Кулаков.

Кестринг
генерал от кавалерии
31 марта 1944 г.

Начальником штаба Главного Управления Казачьих Войск и своим заместителем генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов назначил своего племянника генерала-майора Семена Николаевича Краснова. Позднее выяснилось и стало прискорбным фактом для участников Освободительного Движения, включая казаков, - Главное Управление Казачьих Войск - "липа" - затея гитлеровцев, в частности, Министра Востока Алфреда Розенберга. Подлинным хозяином этой организации и его управляющий был с начала и до конца представитель Розенберга др. Гимпель.

В штабе Походного атамана Павлова вскоре стало известно, что Казачий Стан вошел в полное подчинение Главного Управления Казачьих Войск, а также, что этой немецкой организацией полк. С.В. Павлов утвержден Походным атаманом Казачьего Стана и его вооруженных сил.

Охраняя население Казачьего Стана, пять казачьих полков одновременно участвовали в боевых операциях против все больше и больше количественно возрастающих партизанских отрядов, которых уже в это время нельзя было полностью назвать советскими - нет! Это уже были партизаны российские, но с советскими командирами и комиссарами. Однако, казакам, в силу сложившейся борьбы между двух врагов

России, приходилось драться с братьями, которые уйдя в лес, в партизаны, стремились к одной и той же цели к какой стремились и казаки и все добровольческие части из народов России, оказавшиеся на стороне немцев. Все - одни и другие стремились обрести свободу для своей Родины, для своего Отечества, для России...

В одном из боев, конвойная сотня Павлова была неожиданно обстреляна неизвестным отрядом. Павлов, как всегда во время боев, сам руководил боем. Наблюдая в бинокль за открывшим огонь противником, он лежал под обстрелом. Укрыться было абсолютно негде, а атаман должен был продолжать следить за движением противника. В завязавшемся бою Походный атаман Казачьего Стана полковник Сергей Васильевич Павлов был убит на повал - пуля попала под глаз. В этот мрачный день Казачий Стан потерял навсегда своего вдохновителя, организатора и возглавителя. Атаман Павлов посмертно был произведен в чин генерал - майора. Главное Управление Казачьих войск назначило на пост Походного атамана Казачьего Стана Тимофея Ивановича Доманова, произведенного в чин войскового старшины, позднее в чин полковника, а затем и в чин генерал - майора.

Летом 1944 года, войска Красной армии развили широкое наступление на Минск. Немецкие войска, отступая под нажимом советских войск, одновременно отбивались отседающих с флангов и с тыла хорошо вооруженных и подготовленных партизанских отрядов, взметающих не только немецкие коммуникации и склады с оружием и питанием, но и нанося большие поражения немецким войскам. Это было повторе-

нием разгрома Великой армии императора французов Наполеона, только в несравнимо большем размахе, обладающим несравнимо большей людской и огневой силой.

Однако, эти партизанские отряды не в состоянии были одержать, хотя бы одну, боевую победу, остановить или, хотя бы на время, задержать пять казачьих полков, бережно охранявших отход населения Казачьего Стана. Дороги на западный берег реки Немана охранялись казаками-воинами, по сути, природными воинами - исключением среди всех народов, среди воинов всех государств. Благодаря казакам, охранявшим путь отступления, удалось уйти без потерь за Неман и воинам немецкой избитой, искалеченной военной машины. Казачий Стан, перейдя Неман, двинулся к Варшаве, а затем вблизи столицы Польши, переправился через реку Вислу, после чего был направлен в район военных лагерей, находящихся на границе между Польшей и Германией.

Вскоре эшелоны с населением Казачьего Стана и с его вооруженными силами потянулись на Юго-Запад - в Северную Италию. В этой стране немецким войскам противостояли партизанские отряды итальянцев, наносившие большой ущерб немецким тыловым учреждениям и нарушая свободное продвижение немецких войск. С целью ограждения себя от итальянских партизан, немцы и направили в эту страну Казачий Стан с его вооруженными силами.

В самое короткое время в Казачьем Стане была хорошо налажена бытовая жизнь. Началась регулярная служба в церквах; открылись и заработали школы для детей всех возрастов; больницы для больных и больницы для хроников; налажено достаточно хорошее питание и особое

пособие нуждающимся. Большое количество духовенства было вполне способно духовно окормлять все население Стана и его воинов. Штаб походного атамана генерала Доманова обосновался в городе Толмецо, а население Стана разместилось вокруг, в приближенных селах. В недалеке от Толмецо, в местечке Вила-Сантина было организовано казачье юнкерское училище, выпускающее строевых офицеров, а также штабных, офицеров связи и инженерных войск.

Позднее был организован отряд диверсантов, предназначенный для заброски в глубокий тыл Красной армии.

Главное Управление Казачьих Войск из Берлина весной 1945 года, во главе с генералом П.Н.Красновым переехало в Казачий Стан, поместясь в местечке Вила-Сантина.

Х Х Х

XXXIV

Сражение летом 1943 года за Курск в ходе контрнаступлений войск Красной армии являются в истории 2-й Мировой войны одной сплошной грандиознейшей битвой, нанесшей, на этот раз, уже не кровоточащую третью рану немецким войскам, но смертельную.

Немецкие войска, после сражения на Курской Дуге, оказались больше не в состоянии вновь вырвать из рук русских полководцев стратегическую инициативу до самого конца войны.

Войсками Красной армии в боях за Москву, за Царицын, за Киев, за десятки сотен дру-

гих городов и сел и, наконец, в боях за Берлин, в подавляющем большинстве, командовали по истине русские полководцы, рожденные бурей великих сражений и всецело принадлежащие к русской национальности в лице маршалов - А.М.Василевского, Л.А.Говорова, А.И.Еременко, И.С.Конева, Р.Я.Малиновского, К.С.Москаленко, А.П.Покровского, Р.Я.Покрышкина, В.Д.Соколовского, Ф.И.Толбухина, В.И.Чуйкова;

адмиралов - С.Г.Горшкова и другие,

генералов - П.А.Белова, В.М.Богданова, Н.Ф.Ватутина, А.А.Власова, Н.М.Воронова, Ф.И.Голикова, А.В.Горбатова, С.К.Горюнова, М.М.Громова, М.В.Захарова, М.Е.Катукова, Ф.К.Корженевича, С.А.Красовского, В.Д.Крючкина, В.И.Кузнецова, Д.Д.Лелюшенко, К.А.Мерецкова, В.А.Мишулина, К.С.Маскаленко, Н.Ф.Науменко, Е.С.Попова, Ф.Т.Ремизова, П.С.Рыбалко, А.И.Семенова, И.З.Сусайкова, С.Г.Трофименко, И.И.Федюнского, Я.Т.Червиченко и

М.М.Сандалова - бывшего начальника штаба 20-й армии генерала А.А.Власова и множество других русских маршалов, генералов и адмиралов. (Некоторые из перечисленных выше генералов были произведены в маршалы).

В Ставке Верховного советского командования находились также русские маршалы С.М.Буденный, К.Е.Ворошилов, Г.К.Жуков, С.К.Тимошенко и Б.М.Шапошников. Маршалу К.Е.Ворошилову было поручено руководить партизанскими отрядами, оперирующими в тылу врага.

Однако, способности и таланты подлинных русских полководцев тифлисский вор Иосиф Джугашвили, с соответствующей вообще всем ворами большого пошиба хитростью и ловкостью, воровал и присваивал себе заслуги подлинных русских полководцев - героев, используя, сфабрикованный ему культ личности и поддержку со стороны войск НКВД, наводящих страх на всех рабов советской тюрьмы народов.

Национальные меньшинства России тоже дали своих героев: армянин маршал Баграмян, осетин генерал Плиев, еврей генерал Драгунский также были подлинными полководцами - героями. Конечно, национальные меньшинства России, среди которых были народы, достигающие всего 2-3 миллиона человек, не могли дать того, что дал многомиллионный народ - Богатырь - РОССЫ: (великороссы, малороссы, белоруссы).

Победа над гитлеровской военной машиной и Японией без россов - была невысказана для всего человечества, включая великие державы, как США и Британия - это истина!

В книгах советского издания, повествующих историю 2-й Мировой войны, как правило, в перемежку с боевыми полководцами, чуть ли не в каждой строке, упоминаются имена советских комиссаров и прочих политработников, которым приписывается роль огромной и даже первенствующей важности во 2-й Отечественной войне, тогда как, на самом деле, эти люди, вертясь под ногами строевых боевых командиров Красной армии, чинили страшный вред, приносящий пользу Гитлеру - они своими речами, призывающими "послужить партии и правительству" - напоминали, громившим гитлеровскую армию, воинам России именно то, что

отнимало у них желание бороться, вызывая колебания в вопросе: кто враг №1 - Гитлер или Сталин?

Напоминало, что они воины России, побеждая Гитлера, у себя за спиной, спасают их лютого врага Сталина. Спасают власть сплошного интернационального бандитизма, на их глазах умертвившего голодом, муками, расстрелами миллионы и миллионы детей России - это истина!

Х Х Х

XXXV

Уводя свой "кош" на Запад, дед Алексей порой отставал, порой нагонял и перегонял тянувшиеся длинные, многочисленные колонны беженцев не только с Дона, с Кубани и Терекка, но и со всех областей России.

В Дунаевцах неожиданно в дверях полуразрушенного дома, где он остановился со всей своей семьей, появился Колосов.

- Здорово живешь, атаман! - загремел с порога желанный, дорогой всей семье деда Алексея, гость.

За его спиной стеснительно улыбался молодой офицер-адъютант.

- Твоими молитвами, Тимофеич, твоими молитвами, родной наш! - обрадованно проговорил дед Алексей, протягивая гостю руки.

- Атаман станицы Синявской, знакомся, Анатолий, - отрекомендовал Колосов деда Алексея своему адъютанту.

- Очень приятно, подьесаул Соколов, Анатолий Петрович, - приветливо заулыбался мо-

лодой офицер, протягивая руку атаману.

- Ишь ты, какой пышный! - невольно воскликнул дед Алексей, пожимая протянутую руку и рассматривая исключительно элегантного, обладающего полнотой лоска, вышколенного офицера, адъютанта Колосова.

- Ты же какой станицы будешь, подьесаул? Чай ты Войска Донского?

- Так точно. Всевеликого, станицы Каргинской родом, атаман.

- Вот оно что! - довольно улыбаясь, протянул дед Алексей.

- Стало быть, станишником самово Петра Николаевича являешься - так веть?

- Так точно. Мой дедушка Иван Петрович были с генералом Петром Николаевичем Красновым с самого детства друзьями. Да, Первая Мировая разлучила их - убит был дед мой на германском фронте.

- А отец то жив?

- Нет, тридцать третий скошил.

- А мать, чай, есть у тебя?

- Мама жива. Она в Москве со мной вместе проживала. С Дону мы сбежали - скрыться нужно было, происхождение у нас не пролетарское - "припачканное". - Подьесаул с хитрецей улыбнулся, а потом с серьезным лицом добавил: - Я учился, скрывая свое происхождение, а мама преподавала в институте - педагог моя мать.

- Вот как! - похвально воскликнул дед Алексей, все еще пристально с интересом рассматривая гостя.

- Ты, кубыть, с кадровых, подьесаул?

- Нет, в начале войны я был призван в Красную армию.

- Да ну? А на мой взгляд, ты вылитый

кадровик, стало быть, с знанием воинским командир, - удивился атаман, - а какая же у тебя тогда профессия, коль ты на кадровика вышколенного смахуешь?

- Геолог я, атаман.

- Геолог... Геолог... м-да, - задумчиво сводя брови, протянул дед Алексей. - Ну, ладно, давай-ка присажувайся за стол, геолог, со своим начальником, туточки вот видишь, начальство на начальство наскочило!

Дед Алексей с задором подморгнул подъесаулу и учтивым жестом пригласил гостей к столу.

- Кума твоя, Тимофеич, с Ларкой, да и Мария тоже, пошли на базар пошляться. Материалов себе, говорят, на платьях поразыщем. А я вот, значить, сам на хозяйстве остался. Да вот они и заявились! - услышав женские голоса за окном и распахивая дверь, радостно заговорил хозяин.

- Кумчик! Родненький наш!

Вера Григорьевна бросилась к Колосову, но Лара одним прыжком опередила мать и повисла у желанного гостя на шее первой. Тетка Маруся, бросив с покупками корзину на пол, поспешила следом, бросала блеском антрацита калмыцких глаз.

- Постойте, постойте, девчата! Да вы меня так и с ног свалите, - смеялся Колосов, целуя Лару и "девчат".

- Дядя Андрияш! Ды мы вот тут чудеснейшего материалу наку...

Лара, бросившись к корзинке, запнувшись не договорила, остановила взгляд полный удивления и в тоже время явного восхищения на молча стоявшем и стеснительно улыбающимся,

поглядывающим на нее подьесауле. И вдруг, подрожа черными ресницами, вопреки своему нраву, неожиданно для самой себя, тоже стеснительно улыбнулась.

- А ты вот, стало быть, познакомься, внучка, с подьесаулом, он тоже учитель ... или даже... м-да...

Дед Алексей забыл слово, значение которого не знал.

- Вы учитель? - нерешительно задала вопрос Лара гостю еще больше смущаясь.

- Нет, я не учитель, - тоже еще больше смущаясь тихо проговорил гость.

Но в этот момент властная натура Лары взяла верх над охватившим ее смущением.

- Я Лариса Рудакова. Вы?

Серые глаза заискрились, вызывающе смело смотрели на незнакомца. Она подошла к нему, протянула руку.

- Я Анатолий Соколов.

Он весьма умело, тактично наклонился и взял ее протянутую к нему руку. Одинаково высокие, они теперь молча стояли с интересом, испытывающе рассматривали друг друга.

- Ларушка, давай-ка гостя за стол. А ты, Маня, принеси рыбки сушеной, - распорядилась Вера Григорьевна, успевшая уже накрыть стол свежевystиранной скатертью.

- Ну, что же присядем? - засияв чарующей гостя улыбкой, предложила Лара.

- Да, конечно, приглашают!

Он шутливо мило улыбнулся, учтиво склонил голову и не выпуская ее руку, шагнул к столу. Они и сели за стол держась за руки, и опять также испытывающе смотрели друг на друга, перебрасываясь короткими фразами.

В завязавшимся веселым, живом разговоре

за столом никто ничего не замечал. Даже всегда наблюдательный дед Алексей, не заметил, что произошло с его властной и недоступной никаким ухажорам, внучкой и случайно встретившимся с ней молодым казачьим офицером.

- А вестовых то своих вы забыли, Тимофеич! Чай и они не прочь закусить, - спохватился дед Алексей.

- Пожалуй, - согласился Колосов, - да, кони у нас дуже не спокойные, оставлять их без надзору не гоже.

- Смену вестовым! - решил сразу атаман, - а ну-ка, Лариска, давай-ка ты с подьесаулом приглядить коней, пока казаки подзакусят.

- Точно! - определила Лара решение атамана одним словом.

- Кройте, Анатолий, за мной! - властно блеснув галазами, определила Лара и, вскочив со стула, решительно зашагала к двери.

Стеснительно улыбаясь, он покорно пошел за ней, находу ища ее руку.

- А вот видите, Анатолий, каким хозяйством мы уже успели обзавестись на очередном нашем поселении, - подавая ему руку, проговорила Лара, указывая на хлев и курятник. - У нас своя корова, кони, пара свинок, а квочка высидела нам две дюжины ципляток. Как видите, прямо таки у нас кулацкое хозяйство!

- Точно! За такое самовольное налаживания хозяйства, на север вас, к белым медведям, это за кулацкую ухватку, разумеется, - деланно строго сводя брови, быстро отозвался он.

- А вот, по сей то причине мы и двигаемся на Запад, ибо у нас хроническая привычка самовольно хозяйством обзаводиться, без раз-

решения на то "партии и правительства", - быстро парировала она его шутку.

Они подошли к редкому плетню, служившему коновязью. Дежурившие у коновязи двое вестовых казака, вытянулись в струнку.

- Ступайте, молодцы, вон там сам станичный атаман подзаправиться горючим приглашает. А нас он, как видите, подменить вас выслал. Ясно?

Соколов, дружески улыбаясь, потрепал чубы у молодых вестовых казаков.

- Благодарим, господин подьесаул!

Молодой, с мальчишеским лицом казак, смущенно улыбнулся и украдкой бросил удивленно-восхищенный взгляд на Лару.

- Круйте! - перехватив взгляд казака, довольно улыбнулся Соколов.

- Ой, какой же конек-то! Это ваш?

Лара переводила удивленный взгляд с коня на хозяина.

- Да, это мой конь.

Он прислонился к дугообразной шелком отливающей шее коня, ласково похлопывая рукой валуны грудных мышц коня.

- Трофейный конь. Сам маршал Тимошенко на нем возможно гарцевал под Харьковом, казакам нашим в руки попался, - объяснил Соколов.

- А вы знаете что?

- Нет, не знаю.

- А у меня кобылица вот почти такой же масти, как ваш конь, немного светлее, но рез-ва-я, будьте уверочки! Кстати, в том же месте под Харьковом в "плен" попалась.

- Да, знаю. Немецкая авиация в то время превосходила нашу, это одна, хотя и не из главных, конечно, причин принесшая немцам

победу.

Подъесаул помолчал, а потом со скорбью, поглядывая на Лару, добавил:

- Полегло наших ребят в этом неравном побоище много и много.

- Да, это так.

Лара склонила голову и тяжело вздохнула. Они зашли в конюшню.

- Хороша кобылица, - похвалил Соколов.

- А чей это конь?

Соколов тарачил глаза, восхищенно оглядывая карого строевика деда Алексея.

- Это дедушки моего - атаманский конь, - улыбнулась Лара.

- Да вы близко к нему не подходите - он кусучий. Так и наровит грызнуть, особенно незнакомцев. Мне уж не раз досталось. У-у-у злюка!

Лара сняв плеть, висящую у седла, погрозила коню.

- Ну, ну меня он не обидит.

Соколов подошел к коню, очень ловко предупредил злую ухватку коня и прощупывая валуны грудных мышц, восхищенно сказал:

- Этот конек, пожалуй, серьезный соперник даже моему резвачу.

К удивлению Лары, Соколов поднял одну за другой заднюю ногу коня, проверил подковы и "кусучий" его не грызнул.

- Чудо! - дрожа ресницами улыбнулась Лара.

- Что это?

- Вас не кусает кусучий.

- А зачем ему меня кусать то? Славный такой коняшка. Вот бы проехаться на нем, на атамановском коне! - Соколов вопросительно посмотрел на Лару.

- А почему нет?
- А разрешит атаман?
- Конечно! А знаете что? - Лара заблестела задорно глазами.
- Что?
- Давайте устроим состязания.
- Чудно! Согласен! Только вы все же попросите разрешения у атамана.
- Да, конечно, К тому же я переоденусь. Подождите, пожалуйста, я мигом. Вы на своем резваче, а я на дедушкином. Хорошо?
- Чудно, кройте за разрешением.

Лара бегом направилась в дом. Соколов загадочно улыбаясь, поглядывая вслед прелестной сопернице, потуже подтянул подпруги у своего коня, порывшись в кармане, достал квадратик пиленного сахара, протянул коню.
- Грызи, Сокол, да гляди, не подведи! Он погрозил шутливо коню пальцем, с заметным волнением остановил взгляд на "Станичной избе"...

В один миг разнеслась весть о предстоящем состязании и из стоящих вблизи домов, валом повалило население "коша" деда Алексея и местных жителей.

- Паря, видать, лихач, да и конь у него справный, обгонит он Ларку, - проговорил дед Черкас.

- Это почему же? - удивился кто-то из толпы.

- Неспособно ей на коне атаманском - повадок девка не знает коня. А конь то с усякими капризами, вот оно что! - объяснил дед Черкас.

- Не - е, э-эт не перегонит он Ларку. Наездница то какая, видывали мы, как она мотаетца на коне - ветер не угоница!

- Кто, этот антиллигентный офицеришко? Куда ему! - послышались протестующие голоса.

Толпа зрителей стала, примолкла и насторожилась у намеченной гашенной известью линии. Сам атаман взялся руководить состязанием.

- Вот от тех сосен с километра полтора будет. Вот от туда и стартуйте. Я вот вам сигнал подам, - указывая на красующийся зеленый сосновый лесок на пригорке, распорядился атаман, снимая с головы тетки Маруси платок.

Он тут же прикрепил платок к обломленной с дерева ветке. Казаки-ординарцы, по повелению атамана, двинулись следом за соперниками в качестве наблюдателей у старта, и когда всадники, выровнявшись, изготовились к броску вперед, атаман махнул платком.

Как бы на плахе, вытянув шеи двумя распластавшимися, выпрямленными, натянутыми до отказа струнами, стелились наметом по степи кони. Головы коней с широко раздутыми ноздрями, с плотно прижатыми ушами, двигались по одной ровной-прирванной черте. Как не присматривайся, а сказать никак нельзя - хоть на миллиметр одна из конских голов впереди другой - нет! Лара припадая к луке седла искоса следила за также припавшем к луке седла соперником.

Она сразу заметила, что он придерживает своего коня - держит его на уровне с ее конем - экономит силы коня и сразу же прибегла к той же уловке. Но вот осталось около двухсот метров и уж тут нужно действовать открыто. Лара сильно резанула коня плетью. Издавая храп, конь надал ходу и опередил соперника на целый корпус. Но опытный

седок, соперник Лары в последний момент тоже сильно резанул своего коня и у самой черты его конь обошел карого атаманского строевика на целый корпус. Мочалистый хвост игреневой масти коня уже мелькнул за начертанной линией в тот момент, когда раздутый розовый храп карого строевика только достиг линии уже определившей победу первого.

- Во те на-а, - кто-то недовольно-удивленно протянул из толпы зрителей.

- А я что говорил! - отозвался дед Черкас.

Но никто ничего ему не ответил. Не издавая ни звука, недовольно поглядывая на "дуже антиллигентова" подъесаула, толпа молча стала расходиться.

К удивлению знающих характер лихой наездницы, а особенно к удивлению деда Алексея, Лара, спрыгнув с коня, вовсе не с угрюмым, но весело сияющим лицом, подошла к победителю и протянула ему руку.

- Извините, Лара, я...я, - замялся он, - Но мне думается, я поступил честно. Правда?

Лара, тряхнув локонами, запрокинула голову, громко рассмеялась.

- Вы хотите сказать, что могли бы придержать своего коня, чтобы сделать меня победительницей? Нет, в таком случае, это было бы действительно нечестно. А так, все в порядке, поздравляю вас, Анатолий!

Она крепко пожала ему руку и повернулась лицом к деду Алексею, явно восхищенно поглядывающего на подъесаула.

- Что ты скажешь, деда?

- А что и говорить, победа налицо. Поздравляю тебя, подъесаул. Молодец казак! А конь твой лихой, как и хозяин его.

Дед Алексей потряс руку победителя и, оглянув всех, громко провозгласил:

- А ну, теперича все за мной к столу, выпьем за здоровье казака наездника лихова и за нашу казачку наездницу!

Хозяева и гости шумной толпой двинулись к дому.

- Минутку, Анатолий, я расседлаю коня.

- Разрешите помочь вам? - наблюдая, как Лара умело быстро расседлывает коня, предложил он.

- Нет, нет, все готово.

Она бросила коню в ясли пучек сена.

- Идемте.

Она сама подала ему руку. Вестовой казак, сбросив седло с коня своего начальника, растирая коню пучком сена спину, ласково, одобрительно поглядывая на коня победителя, принялся старательно обходить его щеткой. Покончив с этой обязанностью, пошел, не оглядываясь на молодую пару, в дом. Не успел скрыться за дверью дома вестовой казак, как неожиданно целая гурьба ребятишек окружила Лару и гостя плотным кольцом.

- Лариса Ивановна, а ваша коняка то совсем не-ку-дыш-ная! - пропела с задорным личиком девчушка и, метнув косичками, быстро спряталась за спинами других малышей проказников.

- Я вот тебе дам, проказница, коняки!

Лара погрозила девчушке плетью.

- Чья это такая шустрая? - улыбнулся Соколов.

- Соседей наших. Да уж шустрая! Она атаманит всеми этими шалунами. Мне возможно скоро придется много над ними поработать. Атаман школу для детей затевает открыть.

- Вот как! Да, это следовало бы. Хотя бы даже школу, так сказать, на колесах, - с серьезным лицом проговорил Соколов.

- Вот именно, на колесах. Ведь дети растут, теряют время, так что атаман, конечно, прав, - согласилась Лара.

- Ах, какие пышные вишенки!

Соколов восхищенно рассматривал, плотно прилежавший к дому, небольшой вишневый садик.

- А вот и скамеечка и как раз под вишенькой, давайте присядем, Лара.

- Да, конечно, в доме душно.

Она забросила локоны за спину и, похлопывая плетью по голенищам своих изящных сапожек, сказала:

- А вы, Анатолий, все же не дали мне определенный ответ на мой вопрос.

- Простите, пожалуйста! Я рассеян. Я даже не помню на какой вопрос.

- Педагог ли вы, спросила я вас?

Она заиграла лучистыми глазами и, легонько хлопнув его плетью по коленям, села рядом.

- Да... да, вы правы. Ответ на вопрос не был исчерпывающим, - улыбнулся он, беря ее руку.

- А исчерпывающий?

- Очень прост - я геолог.

- Вот как! Я полагаю научный работник должен любить свое дело. Правда?

- О да! Но война прервала мою работу, все скомкала и разшвыряла нас - работников науки во все стороны.

Он стал с энтузиазмом рассказывать о многих достижениях геологов. О новых открытиях больших залежей различных руд и прочих ископаемых в России. Казалось, увлекаясь

своим рассказом, он забыл обо всем другом.

"Ой у лузи, та ще при берези,
Червона калына,
Спа-ро-ды-ла мо-ло-да дыв-чи-на
Хоро, хо-ро-шо-го сы-на..."

- Слышите, как казаки донские "хохлачат"?
- перебивая его рассказ, сказала Лара.

- Как же, слышу. Знаете ли низовые казаки тоже любят петь украинские песни. Вероятно, не забывают, что Гетман Украины Богдан Хмельницкий под Азов прислал донцам на помощь своих две тысячи запорожских казаков. Знаете об этом?

- Ой да! Дедушка мой мне сто раз пересказывал историю с Азовым. Да и папа мой частенько о том же нам с братом рассказывал.

- У вас есть папа и брат?

- Да, отец мой - капитан первого ранга. Он на Черном море громит не немецкие "блиц-дивизии", но немецкие "блиц-эскадры". А братец мой на Балтийском море этим же делом занят...

Они долго сидели, поведывая свои истории. Из его рассказа о его личной жизни, Лара узнала, что подьесаул доктор геолог Соколов происходит из казачьей дворянской семьи, род которых, глубоко уходит в толщу донского казачества.

Уже начало темнеть, когда вышедшие во двор хозяева, прервали их беседу.

- Собирайся, Анатолий. Двигаться нужно нам, а то дуже долго загуляли мы с тобой, казак, - Колосов ласково, по-отцовски похлопал по плечу своего адъютанта.

Вся семья деда Алексея провожала дорогих гостей до самой главной дороги, до широкого

открытого шляха. И когда, распрощавшись, конники тронулись, Лара, после того, как все уже потянули домой, все еще стояла и смотрела вслед красавцу подъясаулу, беспрестанно оглядывающемуся и машущему ей донской фуражкой. У нее искрились лучистые глаза, дрожали длинные, черные ресницы. Вся возбужденная она машинально правой рукой похлопывала плетью по голенищу сапога. В левой руке держала белый платочек, тянулась всем телом вверх так, чтобы он мог видеть ее белый, выющийся по ветру платочек.

Платочек неслышно шелестел на ветру в ее руке. Он видел платочек и чувствовал, как настойчиво и властно влечет его всего к ней. Когда всадники скрылись за углом, Лара огляделась и теперь все вокруг нее казалось ей даже в вечерних сумерках, все так ярко сияет, приятно блестит и радуется! Даже алые донские лампасы на синем полотне ее шаровар ярче, чем, когда либо раньше, алеют. Она тихо, легко и радостно рассмеялась. С загадочной улыбкой на лице, вся стройная, высокая, грациозная она пошла к дому...

С загадочной улыбкой, в глубоком размышлении, она долго пролежала эту ночь в кровати, стараясь уточнить причину своего необыкновенного настроения. И когда, через два дня, неожиданно, в дверях появился опять он, она, спохватившись, пошла к нему навстречу, протягивая ему обе руки, смотрела на него явно влюбленными глазами. Он это видел и, склонив голову, поцеловал ее разбросанные по плечам смолисто-черные локоны. Заглядывая ему в глаза, дрожа ресницами, она тихо сказала:

- Я так рада видеть вас, Анатолий.

После этого дня, были еще две встречи и Лара тщательно продумав сложившиеся между ними отношения и свои чувства к нему, признала себя влюбленной. Он сказал ей о любви уже при второй встрече и просил ее руки.

Вера Григорьевна была удручена неожиданностью - ее дочь, властная "недотрога", подвела к ней, как казалось матери, совсем мало знакомого ей человека и, став на колени, попросила у нее благословения.

Дед Алексей скрывал свою радость за внучку. Прозорливый атаман сразу же определил, что его любимая внучка, наконец, нашла себе достойного мужа. Ему только немного не нравилось, что уж слишком интеллигентен и "белоручкой" выглядит подъесаул. Когда же через неделю после шумной свадьбы, молодые затеяли построить во дворе маленький флигелек, дед Алексей, наблюдая, как "белоручка" подъесаул ловко, умело и быстро мастерит рамы, двери, кроет железом крышу и все это делает, как-будто бы он всю свою жизнь был строителем домов, окончательно убедился - выбор его внучка сделала правильный. Лара помогала мужу в строительстве, но в выстроенном их руками уютном особнячке им не пришлось долго жить - подводы с беженцами опять потянулись на Запад.

Тронул свой "кош" и дед Алексей.

Летом 1944 года перешли Неман, а затем и Вислу. Погруженный в эшелон с другим, отставшим населением Казачьего Стана, "кош" вскоре прибыл в Италию, где был определен в Общеказачью Донскую станицу.

Дед Алексей остался на посту атамана своей станицы.

Вскоре муж Лары, подъесаул Соколов, был

назначен начальником штаба конного Донского дивизиона и отправлен в действующие казачьи части против партизан в Северной Италии...

Х Х Х

XXXVI

В начале марта 1943 года, казачий батальон Кононова был снова брошен на фронт в районе города Смоленска. Батальон удерживал дорогу - главную магистраль Минск-Москва, занимая по фронту 300-350 метров, а в глубину до 3-х километров.

Все попытки советского командования прорвать фронт на участке казачьего батальона не увенчались успехом.

Кононов ведет антисоветскую пропаганду при помощи рупора, и как результат, в казачий батальон прибывают перебежчики.

Советское командование, то и дело, накрывает оборону казачьего батальона ураганным артиллерийским огнем. В середине марта, советская авиация, атаковав оборону батальона, особенно усиленно бомбила, но безрезультатно, батальон удержал свой участок обороны, вплоть до замены его немецкими частями в начале апреля 1943 года.

7-го июня этого года 600-й донской казачий батальон Кононова был отправлен в лагерь формирования Первой Казачей дивизии в Польшу, лагерь находился близ местечки Пражница.

Х Х Х

XXXVII

Созданию на немецкой стороне добровольческих частей из народов России, способствовали не только немецкие оппозиционеры гитлеровской политики, но, главным образом, уступки гитлеровцев в этих мероприятиях были прямым результатом-следствием поражений, наносимых все чаще и больше немецкой армии войсками Красной армии. "Белым" русским в наибольшей мере помогали "красные" русские - это факт.

Хитря и изворачиваясь, гитлеровцы вынужденно идут на риск. Летом 1943 года, немецкое главное командование, получив, конечно, соответствующие дерективы, отдает приказ на организацию впервые самой большой боевой единицы из народов России - Первой Казачьей дивизии. Однако, сразу же выявляются все предосторожности этого приказа - прибывающие в место формирования дивизии, казачьи батальоны немедленно подлежат реорганизации и замене казачьих офицеров и подофицеров немецкими.

В ходе формирования массовые протесты казаков заставили немцев пойти на некоторый компромисс - пятьдесят процентов казачьих офицеров и семьдесят процентов казачьих подофицеров было оставлено на командных должностях, но, опять-таки, командирами всех полков были назначены только немецкие офицеры и лишь на должностях командиров сотен и взводов были назначены казачьи офицеры и, опять таки, в перемешку с немецкими офицерами. К началу июня 1943 года, в лагере формирования уже находились шесть полностью укомплек-

тованных казачьих полков.

В этом же месяце прибыл 600-й Донской Казачий батальон Кононова. К общему удивлению, батальон не был реорганизован, а лишь вновь переименован в Донской Казачий полк, только не в 102-й, но в 5-й.

Столь немислему происшествию, надобно полагать, способствовал начальник тыла центрального немецкого Восточного фронта, генерал граф фон Шенкендорф, а также сам командующий немецкой группой армий "Центр" - генерал-фельдмаршал фон Клюге, которого конники Кононова, в качестве охраны, сопровождали в его поездках в прифронтной полосе Восточного фронта. Боевые качества батальона, равно, как и его командира, естественно были той причиной, которая вызвала благожелательное ходатайство главного немецкого командования центрального Восточного фронта "Центр".

В этом же месяце 1943 года, в лагерь формирования Первой Казачьей дивизии, прибыла из Кубанского Предместного укрепления Первая Повстанческая на Дону сотня казаков, которая была включена в состав 5-го Донского казачьего полка Кононова.

К 20-му июня 1943 года, Первая Казачья дивизия была окончательно полностью сформирована в составе 7-ми полков: 2 донских, 2 кубанских, 1 терский, 1 сибирский и 1 сводно-запасной полк. Дивизия делилась на две бригады, состоящих из 3-х полков каждая. (см. схему К.Черкасов, "Генерал Кононов" том 1-й).

Командир 1-й бригады - полковник Вольф.
Командиры полков бригады:
1-го Донского полка - полковник граф Донэр,

2-го Сибирского полка - полковник Нольке,
3-го Кубанского полка - подполковник Вольф
(родной брат ком. бригады).

Командир 2-й бригады - полковник Боссе.
Командиры полков бригады:

4-го Кубанского полка - подполковник
Юнг-Шульц,

6-го Терского полка - подполковник
фон Калбен,

Запасного полка - подполковник Штабино.

И лишь командиром 5-го Донского полка
был назначен казачий офицер - подполковник
И.Н.Кононов.

Командиром сформированной Первой Каза-
чьей дивизии назначается кавалер немецкого
рыцарского креста генерал-майор Гульмунд
фон Панвиц. (Рыцарским крестом ген.фон Пан-
виц был награжден во время командования им
немецким кавалерийским дивизионом, а затем
казачьим батальоном, будучи в то время в
чине майора).

В эти дни, войдя в состав 5-го Донского
полка, Первая Повстанческая сотня на Дону
впервые услышала речь Кононова.

Батько перед выстроеным полком произ-
нес следующую речь:

"Мои славные сыны! Вот уже третий год,
как мы в ужасно трудных условиях ведем
жестокую борьбу против поработителей на-
шей Родины. Все вы свидетели тому, с ка-
кими трудностями пришлось нам добиться
разрешения для организации борьбы против
Сталина. Несмотря на это, мои родные, и
с совершенной уверенностью могу заявить,
что вы не теряли свою боеспособность да-
же в те мрачные для нас дни, когда все
наши шансы на организацию освободитель-

ной борьбы против Сталина были у нас отобраны. Когда немцы не хотели и слышать о создании крупных казачьих вооруженных единиц и вообще о какой-либо другой реальной силе из народов России. В эти трагические дни на протяжении более двух лет, вы, мои славные воины — сыны вольнолюбивого казачьего народа, с неугасающей энергией и неограниченной жертвенностью, с верой в Бога и великой надеждой и верой в победу правды над неправдой, вели неустанную героическую борьбу.

Вашим боевым подвигам нет равных в мире! Желательно или нежелательно нашим врагам, но будущие беспристрастные и честные историки вынуждены будут отметить вашу исключительную боеспособность, ваше неизмерное упорство и храбрость в борьбе за победу добра над злом.

На пройденном пути мы оставили немало казачьих могилочек. Дорогой ценой мы платили за наши боевые победы. Дорогой ценой и впредь придется платить нам за нашу упорную волю обрести свободу для нашей великой Родины. На нашем тернистом пути нам придется встретить еще не мало преград, но я твердо верю, что не вы, ни я не свернем с намеченного пути и будем штурмовать любые преграды какие бы они не были и чего бы это нам не стоило. Сегодня, мои славные, с великой радостью, заявляю вам, что в нынешний день мы уже не горсточка вооруженных казаков, какой мы начали борьбу нашим доблестным 102-м Донским Казачьим полком в 1941 году. Сегодня мы находимся в лагере многотысяч-

ного вооруженного казачьего войска! Войска с высоким боевым качеством, а главное, с большой духовной силой. Крепко верю, что настанет время, когда наши вооруженные силы будут исчисляться не тысячами и не десятками тысяч, а миллионами. Вот тогда то мы и померимся силами с любым врагом, ставшем на нашем пути. Вот тогда то мы и освободим от всех врагов Россию, от всех тех, кто задумал превратить ее в арену экспериментов для достижения своих темных целей. Мои родные, я всегда говорил вам, скажу и сейчас и прошу это крепко запомнить - Красная армия - это наша армия, солдаты и командиры Красной армии - это наши солдаты и командиры, генералы Красной армии - это наши генералы. Мы должны им помочь вырваться из паутины, сплетенной тираном Сталиным, и предоставить им возможность нами командовать и вести нас к светлому будущему нашего великого Отечества. Красная армия должна вся полностью перейти к нам, в наши братские объятия. Мы должны вырвать ее из цепких когтей политических преступников, создавших своими темными действиями, из нашего Отечества сплошной концлагерь. Мы должны прорвать все преграды на нашем пути боевом и соединиться с нашим многострадальным народом и только тогда падут ниц все наши враги и только тогда наша Родина станет свободной. Вам - лучшим сынам народов России, вам - сынам донских степей, красавицы Кубани и буйного Терека, вам казакам - сынам свободы, доблести и чести, надлежит быть в первых рядах борцов

- авангардом в настоящих и будущих великих сражениях. И это не случайно.

Если мы взглянемся в историю нашего Отечества, то мы увидим, что именно казачество было всегда авангардом в борьбе против всех врагов России.

Сталин и его опричники задумали вытравить из нас казачий дух, выжечь каленым железом наши души, пытками, концлагерями, великими мучениями заставить нас отказаться любить свободу, отказаться от борьбы за нее.

Да не тут то было! Не таковы казаки, чтобы сдаться на милость презренному, лживому и трусливому врагу и быть его послушными рабами.

Нет, любовь к свободе нам дана от Бога и никто не в силах вытравить ее из казаков! Казачество - это авангард строителей Великой России и это - неугасающий авангард! Вот почему русский народ рассказывает о казаках такие прекрасные былины, песни и предания. Вот почему все народы России с великой любовью поют песни о казачестве, о его боевых подвигах, о его чести и славе. Мои родные сыны! Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что мы достойны своих славных казачьих предков! И я верю, что придет час, когда мы, казаки, готовы будем вместе со всем великим русским народом и другими народами России приступить к штурму и сокрушить всех врагов России. Я верю, мои славные сыны, что скоро придет час, когда мы на дедовских арчаках вихрем понесем нашу радость - освобождения Святой Руси от всех ее врагов!"

Казачи-повстанци были крайне восхищены речью Кононова, его видом и манерой держаться, увидели впервые за время борьбы на немецкой стороне подлинного казачьего вождя - Батько.

В этом же месяце в дивизию прибыл начальник Главного Управления Казачьих войск - генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов.

Старый донской атаман своей речью старался подбодрить, обнадежить поднявшихся на борьбу казаков между двух огней.

К началу сентября 1943 года, дивизия, получив соответствующую подготовку, прекрасно обмундированная и вооруженная лучшим немецким оружием, была готова для отправки в действующую немецкую армию.

24-го сентября 1943 года первые эшелоны с частями Первой Казачьей дивизии тронулись на Балканы для борьбы с хорошо организованным и многочисленным партизанским движением на Балканах.

Х Х Х

XXXVIII

Еще до нападения на Россию, гитлеровцы, чтобы обеспечить свой левый фланг в походе на Восток, предложили Греческому и Югославскому Королевствам пропустить войска Германии через территории этих стран с тем, чтобы блокировать и предупредить любой акт британских войск со стороны Балкан.

Греческий король Павлос и весь народ ответили одним словом, которое было расклеено, развешено на улицах и дорогах страны: "ОХИ!"

(нет), Югославия последовала примеру Греции и стальные танковые немецкие колонны, исполняя, носивший кодовое название, приказ Гитлера "МАРИТА", немедля ринувшись, протаранили обе страны, выйдя и укрепившись на Средиземном побережье Балканского полуострова. Однако, аккуратно и успешно выполненный приказ Гитлера немецкими войсками, как позднее выяснилось, привел к неожиданному и весьма серьезному проигрышу - греки и югославы, народы отважные и храбрые, охватив плотным кольцом, вонзенные в их страны стальные немецкие клинья, принялись настойчиво и весьма эффективно подтачивать и разъедать их мощь, начав борьбу партизанским способом.

Чтобы удержать захваченные базы в Греции, Германскому Верховному командованию пришлось все чаще и чаще перебрасывать для охраны своих коммуникаций большие контингенты своих войск и постоянно держать их там, а это исключало возможность использования этих сил на Востоке против России.

Гористая местность Балкан с ее бесконечными трещинами, поросшими густым лесом, исключала всякую эффективность новейшего оружия, которым обладала в то время немецкая армия. Требовалась исключительно - ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЖИВОЙ СИЛЫ.

Зная боеспособность казаков, Германское Верховное командование, с целью подавления, или хотя бы, ослабления сил югославских партизанских отрядов, выросших, при помощи англо-американцев и Советского Союза, в миллионную народную армию, возглавляемую весьма ловким политиком и талантливым полководцем маршалом Йосифом Броз Тито, и бросило на Балканы Первую Казачью дивизию.

Х Х Х

Осенью 1943 года на улицах столицы Югославии, среди белого дня к великому удивлению сербов, появились их русские, наиболее близкие из всех славянских племен, единоверные православные братья, обмундированные во вражескую немецкую форму и вооруженные немецким оружием.

- Черкезы су дошли... Русы... Какое то? За што? - с недоумением, округляя глаза, восклицали жители Белграда, глядя на проходившие колонны казачьей конницы и пехоты.

Не хотелось верить сербам, что сыны страны, которая была вечно защитницей сербского народа, страны, которую они, сербы, с покон веков называют "Россия-Майка", одеты в форму лютого врага не только сербов, но и вообще славян - в форму гитлеровской Германии с орлами и фашистскими знаками - паукообразной свастики.

- Ель ви сте русы? - слышен вопрос.

- Да, русские казаки! - слышен веселый дружелюбный ответ.

Утвердительные ответы приводят в еще большее удивление и недоумение. Лукавая, хитро-изворотливая коммунистическая пропаганда, захлеснувшая Югославию еще до прихода казаков, сделала свое дело и у сербов не укладывались мысли: как и с какой целью русские оказались на немецкой стороне, да еще пришли в их страну бороться против коммунизма, который стал для многих югославов идеалом "свободы, равенства и братства". Однако понимание столь небывалого чуда для югославов, стало постепенно им доступно. (А после захвата власти коммунистами в их стране, и полностью понятно.)

Х Х Х

Первая Казачья дивизия, пройдя через Белград, переправилась через реку Саву в районах области Воиводина, Врушка Гора и с ходу, развернувшись провела небывалую до сего времени операцию против многочисленных войск Тито, скопленных и сильно укрепившихся в этой гористой местности, страшных трущоб и непроходимых лесов, в глубину которых было не по плечу проникнуть немецким стальным танковым дивизиям.

Первая стычка с храбрыми югославскими партизанами 5-го Донского полка произошла у села Павловцы. Титовцы посреди белого дня, выскочив из лесу, неожиданно набросились на группу кононовских офицеров, выехавших на рекогностировку и убили командира 1-й сотни есаула Сушкова. Еще до этого титовцы подстерегли и схватили несколько казаков. Но в эти дни казаки только осматривались и не выпускали свои "когти", однако, случай под селом Павловцы привел к тому, что Батько, зло сверкнув соколиными глазами, сказал:

- Пора этих ребят, как следует проучить, сыпать им так, что бы они и духа казачьего боялись.

И тут же приказал атаковать титовцев, укрепившихся в селе Павловцы. Не прошло и часа, как не только село Павловцы, но и много других сел в этом районе горело. Навесный ураганный огонь из минометов сметал все с поверхности земли, зажигая все, что только могло гореть. Выбитые из своих насиженных мест, титовцы бросались во все стороны, ища выхода, пытаясь уйти глубже в горы. Но, увы - они были атакованы на этот раз не немцами, которые не желали и никогда не вторгались в партизанские убежища - лесные трущобы, нет! Казаки, подоб-

но муравьям, поползли через леса, пригорки и горки; трущебы и балки; канавы и всякие "трещины" и весь партизанский укрепленный район был плотно обхвачен казачьим кольцом - был сделан обход и обхват противника с флангов и с тыла.

Казачьи конники служили в операциях в горной лесной местности наилучшей ЖИВОЙ СИЛОЙ, способной быстрее пехоты быть перебросенной в любую нужную боевую точку. Такая же картина, как и в районе села Павловцы, происходила в местах, где оперировали другие пять полков Первой Казачьей дивизии. Отважным и храбрым югославским партизанам пришлось столкнуться с противником, который стоял по своим воинским качествам, выше их. Кроме того, что казаки Первой Казачьей дивизии были в прошлом профессиональные, как солдаты, а тем более офицеры, воины Красной армии, к тому же, еще они были выбранные из лагерей военнопленных, как лучшие из лучших. Они, кроме всего этого, были, в первую очередь, еще и казаки - ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОИНЫ ОТ РОЖДЕНИЯ.

Х Х Х

Батько, после боя в районе села Павловцы, на офицерском собрании сказал:

- Мы должны ни в одном бою не допустить того, чтобы противник удержал свои позиции. Мы должны заставить его верить в то, что мы сила, которой он не в состоянии сопротивляться. Противник должен быть в постоянном страхе, неуверенности и в растерянности. Тогда как каждый казак должен быть в полной уверенности, что всякое сопротивление противника будет сломлено.

Вечером этого же дня командиры сотен передовали своим сотням напутствие Батьки. И каждый казак знал, что любое сопротивление противника необходимо сломить во что бы то ни стало, в противном случае, оно усилится. Каждый казак знал, что "так Батько сказал, а Батько знает" - в этом все были больше, чем уверены...

Х Х Х

После ряда боевых операций Первой Казачьей дивизии, 5-й Донской полк проявляет себя боевой единицей дивизии с особой боевой лихостью.

В офицозе Первой Казачьей дивизии "КАЗАЧИЙ КЛИЧ" №39(43) появляется на немецком языке статья с иллюстрацией боевой жизни полка, корреспондента газеты лейтенанта Н.Н.Чухнова, под заголовком:

"ПОЛКОВНИК КОНОНОВ И ЕГО ДОНСКИЕ КАЗАКИ.

В один из пасмурных осенних дней, в малом и старинном городке Могилеве, бывший майор И.Н.Кононов производит осмотр оборванных и изголодавшихся военнопленных - бывших солдат Красной армии. Своими зоркими глазами находит он подходящих и повелевает им становиться в сторону. Заядлый антибольшевик и горячий патриот начинает борьбу против большевизма. Три года тому назад, 28 октября 1941 года, был подписан приказ о формировании антибольшевицкой части под командованием майора Кононова.

Благодаря энергичной поддержке ген. фон Шенкендорфа и офицера связи лейтенанта

графа Ритберга новосформированный 102-й Казачий полк скоро стал боеспособной единицей. Но и сам Кононов работает без устали. Он присутствует везде и замечает любой недостаток, который немедленно исправляется. Обучение вещь не легкая и выматывает из людей все силы. В борьбе с бандитами кононовский полк оказался блестящим. И вскоре кононовцы становятся страшилищем для всех банд. Где они покажутся, враг бежит.

Особенно надо отметить бои против банды Белова в районе Вязьмы, Ельни и Гатска. Тогда впервые казаки отдали свои жизни за свободу своего народа.

В мае 1942 г. влились в казачью часть Кононова первые русские эмигранты. Два различных мира стали под одно знамя, объединенные общей идеей: уничтожения жидо-большевизма и освобождение своей Отчизны от тирании. Белые и красные слились в одно новое Целое. Через два месяца кононовские казаки получают новое название - 600-й Казачий батальон, состоящий вначале из 4-х эскадронов и доведенный потом до силы 8-и эскадронов. Борьба в болотах Полесья и лесах Белоруссии, в которой многие казаки положили свои головы, сильно объединила казаков. Укрепилось чувство общности и товарищества. Наступившая тяжелая зима, принесла кононовцам новые победы под Витебском, Полоцком и Невелем. В признание достижений молодой части майор Кононов был произведен в подполковники. С момента, когда ген.фон Панвицу было поручено формирование Первой Казачьей дивизии, начинается для 600-го батальона но-

вый период. Он вошел в состав новой дивизии, как 5-й Донской Казачий полк. Наступает тяжелая работа. Фон Панвиц с первого взгляда оценил политическое и военное значение этой части и ее командира. Немецкий кавалерист и патриот подает руку русскому кавалеристу и патриоту. Благодаря совместной работе вскоре 5-й Донской Казачий полк получает окончательную шлифовку.

В октябре 1943 года Первая Казачья дивизия перебрасывается на Балканы. Белград с энтузиазмом принимает молодую дивизию. Вскоре 5-й полк приступает к выполнению боевых задач; передвигается в сторону Дьяково. 1 января 1944 г. начинается тяжелый марш в Боснию через Градишка, Дервента и Костайница в г. Петриня. День и ночь с непрерывными боями, под снегом и дождем, пробиваются казаки через горные ущелья и быстрые реки.

После пребывания в Петриню, командир дивизии награждает многих казаков боевыми отличиями. Командир полка является первым казаком получившим Железный крест 2-й степени.

Но после короткого отдыха, опять поход в Словонию, где полк вступает в новые победоносные бои и захватывает большое количество пленных и трофеев. Производство подполковника Кононова в полковники и награждение Железным крестом 1-й степени было сделано за героические бои 5-го Донского полка в Хорватии и за личное мужество и мудрое и бесстрашное командование его командира, 5-й Донской Казачий полк является сегодня крепкой, сплочен-

ной боевой единицей, которая имеет перед собой одну цель: - уничтожение большевизма и верная боевая дружба с немцами.

Н. Чухнов, лейтенант

(Перевод с немецкого)

ПРИМЕЧАНИЕ.

Читателю не следует принимать во внимание слова: "жидо-большевизма", так как эти слова, как правило, вставлялись в статьи без воли на то авторов статей, пропагандным отделом Первой Казачьей дивизии (позднее 15-го Каз.Кав.Корпуса), который находился под строгим надзором нацистов. "Корректор" лепил подобные слова по приказу гитлеровцев и нес ответственность за точное исполнение приказов своего вышестоящего начальства.

Х Х Х

Казачи, коноводцы, нанося сокрушительные поражения противнику под водительством своего храброго и талантливого полководца - Батько, делают совершенно невозможное в гитлеровской армии, возможным. 5-й Донской полк, не имея в своих рядах немецких офицеров, продолжает оставаться подлинной русской боевой единицей, служащей примером другим полкам дивизии, находящимся под командованием немецких офицеров - ЭТО ТОЖЕ ФАКТ.

Х Х Х

По инициативы Главного Управления Казачих Войск в Первую Казачью дивизию в середине февраля 1944 года приехали старые казацьи атаманы эмигранты: Войсковой атаман Донского Войска генерал-лейтенант Г.М.Татаркин, Войсковой атаман Кубанского Войска генерал-майор В.Г.Науменко, Войсковой атаман Астраханского Войска генерал-лейтенант Ляхов и легендарный "рубака" гражданской войны России 1918-20 гг. Кубанского Войска генерал-лейтенант А.Г.Шкуро. (Старые атаманы приехали в сопровождении представителя гитлеровской власти при Г.У.К.В. немецкого офицера д-ра Химпель, владеющим русским языком).

Старые казацьи старшины посетили все полки дивизии, казаки каждого полка с великой радостью, с чувством любви и преданности своим старым вождям, с особым почетом принимали их.

Приветственные речи с обеих сторон, торжественные трапезы, музыка, залихватские пляски молодых казаков, сопровождали эти встречи. Радостно было видеть старым казацьим вождям-эмигрантам, казаков из советской России полноценными казаками по духу казачьему, какими они остались, несмотря на то, что большинство из них родилось уже в советском рабстве; несмотря на то, что они с детства приучались лживой богоборческой властью ко всему тому, что противоречит правде Христовой. Однако, вместе с радостью, старых казачьих вождей одновременно огорчает, больно жжет их сердца казацьи, новое поколение, их плоть и кровь, их казаки находятся под командованием немецких офицеров, а главное, казаки в распоряжении врага России - гитлеровской Германии.

Но вот атмосфера облегчает боль в их сердцах, старые казачьи вожди посещают 5-й Донской полк, где казаками командуют подлинные казачьи офицеры, где полный хозяин полка сам казачий Батько. А он уж подготовил, напутствовал своих боевых сынов, как надобно по старым казачьим традициям встречать и чтить казачьих страшин.

Радость светится в глазах старых атаманов, вокруг них их казаки и только казаки! Они восхищены поведением молодых кононовских офицеров, их умение держаться и говорить со старшими по чину офицерами, а также умением повелевать, командовать подчиненным им казаками, они офицеры в полном смысле этого слова, они доказали это на деле в бесчисленных сражениях, которые выковали из них боевых командиров. А это все Батько. Это он. Эти боевые офицеры его офицеры, его питомцы, сыны. Знают это старые атаманы, и речи одна за другой льются из их уст, в которых слышится и чувствуется радость и любовь к своему новому поколению.

Говорит и Батько, он крепок на словцо. Не отстают от Батьки и сыны. Разумные речи льются из их уст. Единым духом спаяны их речи с мыслями и чаяниями старых атаманов. Поднимают бокалы, громко провозглашают тосты, пьют, закусывают весело беседуют. Но вот Батько подал знак, и с гиком, ураганным вихрем вылетают на середину просторной югославской горницы плясуны. Знаменитый баянист - виртуоз полка Костя Маркушинский рванул баян и пошла, и пошла, разгорелась с нарастающим темпом перед глазами старых казачьих атаманов такая бешенная пляска, какой они никогда не видели еще не в малых, не в больших столицах ни Европы, ни в Америке, нигде, где

они проживали в эмиграции.

Рудаков Марк в центре, вокруг его шестеро плясунов с шашками. Свистят, вьются серебрянными змеями лезвия шашек и по сторонам и под ногами и над головами у них. Но вот, Марк делает прыжок через головы за кольцо плясунов, и в этот же момент, скрещиваются шашки - отчаянная рубка три против трех. Сверкая летят искры, гик со свистом сопровождает рубку, но Марк делает обратный прыжок через головы плясунов в центр рубки и в этот же момент из-за спин зрителей, рассекая воздух, летит в центр, сверкая лезвием, казачья боевая донская шашка. Марк ловит шашку на лету зубами, и тут же, сильно сжимая челюсти, рывком бросает шашку вверх над собой... Шашка стремительно взлетает и стремительно падает вниз, но плясун ловит ее опять на лету зубами и вновь шашка блестит вверху у потолка горницы. В этот момент другая шашка из-за спин зрителей летит в центр рубки и плясун ловит одновременно обе шашки: одну зубами, другую рукой... Следует кошачье-мягкий прыжок и Кузьма Поляков, "взлетев", стоит на плечах у Марка. Он ловко ловит одной рукой, брошенную ему из-за спин плясунов одну шашку, другую берет из руки Марка. Шестеро плясунов, взяв их в "окружение" стремительно атакуют. Но Марк, идя в присядку, в бешеном темпе цепко держит одной рукой за ноги Кузьму, другой шашкой отражает удары. Поляков работает двумя шашками. Теперь три шашки против шести. Они едва успевают отражать, сыплящиеся со всех сторон, удары окружающего их "противника". Залихватский гик и свист сыпятся подобно из горящих фейерверков искры, дрожит и гнется пол под ногами у плясунов,

вздрагивает весь югославский дом, далеко по улице несется гул казачьего веселья.

Но вот Поляков опять мягко, подобно кошке, спрыгивает с плеч Марка на пол и в один миг все девять шашек в руках, упавших на колени плясунов, ровной шеренгой "выстроились" перед изумленными зрителями, чуть-чуть не касаясь своими острыми конечностями их ног.

Генерал Шкуро, всплеснув руками, изумленно смотрит на донского атамана, он, взволнованно-восторженно, ширит, ворочает глаза, хочет что-то сказать, но его глаза останавливаются, устремленный взгляд застыл на месте: на смену донским казакам с шашками, под любимые звуки мелодий сынов Кавказа, вышли на середину горницы шесть казаков лезгинеров. Первый в белой черкеске, в белой червоноверхой кубанке, алый башлык огненным пламенем охватывает его стройное, гибкое и тонкое тело. Он протягивает руки и со всех сторон, сверкая стальной синевой, летят к нему кинжалы. Лезгинер ловко, на лету ловит их и вкладывает в рот. Вот в зубах у него веером распущенным выстроились шесть кинжалов и еще два кинжала поблескивают в его руках. Плавно, едва касаясь носками ноговиц пола, он в такт мелодии плывет по кругу.

И опять летят со всех сторон следующие восемь кинжалов - второй лезгинер проделывает движения первого, затем поворачивается вправо и плывет вслед за первым... Вот все шесть лезгинеров перед зрителями. Не двигаясь, зрители, затаив дыхание следят за каждым малейшим движением плясунов. Баянист начинает ускорять темп мелодии и пошла... и пошла такая отчаянная залихватская пляска, что, казалось, молниеносно сменяющиеся движения тан-

ца, пестрота цветов башлыков, вершков кубанок, сверкающие лезвия кинжалов, блеск серебрянных наборов на поясах, золотящиеся гозыри на разноцветных черкесках - это один ярко разгоревшийся фейерверк! Свист, гик и беспрестанно сопровождающие пляску выкрики: асса! - асса! - дополняют лихость пляски.

Но вот, лезгинер в белой черкаске, вспрыгнув на густо установленный посудой с едой и бутылками с напитками стол, и держа в зубах шесть кинжалов, продолжает плясать. Казалось зрителям вот-вот он зацепит ногой тарелку или полетит на пол опрокинутая бутылка, но нет, все остается не тронутым на месте. Больше того, ему подадут стакан, наполненный до верха водкой, да это и не водка, это югославская сливовица - "перепеченица" (самогон, дважды перегнаный) - чиркни спичку и вспыхнет пламя - почти чистый спирт. Лезгинер продолжает танец, берет стакан далеко назад так, что лоб его находится в положении параллельно плоскости стола, забрасывает голову и ставит на лоб стакан. Зрители не спускают глаз... волнуется... они боятся, что стакан опрокинется, зальет глаза танцору и танец будет испорчен... Но нет, лезгинер дважды прошелся по столу в одну и другую сторону, взял со лба стакан, бросил один за другим кинжалы так, что каждый из них, звякнув, вонзился и застыл на полу у ног зрителей, а потом опять, забросив далеко назад голову, не спеша, вылил содержимое стакана в широко открытый рот и только тогда, прижимая руку к сердцу, сделал низкий поклон восхищенным зрителям.

Не успели зрители придти в себя, как лезгинер, сделав сильный прыжок со стола, стал

в ряд выстроившихся шеренгой плясунов-лезгинеров и в тот же миг "перелетев" через головы, с шашкой в зубах, опять приземлился в центре горницы Марк Рудаков. И с невероятной быстротой заплясала вокруг него "сама" шашка. Серебрянной змеей кружилась со свистом рассекая воздух шашка и под ногами и по сторонам и над головой у плясуна.

Пять раз взлетала шашка к потолку горницы, но вот, поймав зубами шашку, плясун делает два воздушных пируэта и, упав на колени, кладет аккуратно шашку у ног, стоявшего без движений, с широко-удивленно открытыми глазами генерала Шкуро, склоняет низко голову.

Когда зрители опомнившись, встрепенулись и раздался гром аплодисментов, генерал Шкуро нагнулся, поднял шашку и посматривая на стоявшего перед ним на коленях улыбающегося плясуна, широко разведя в недоумении руками и покачивая удивленно головой, только и сказал:

- Ну и орел! - а потом, покрутив шашку в руках добавил: - боевая шашка и из не плохой стали!

- Ваше превосходительство, господин генерал, нам думается Ваша шашка должна быть из хорошей стали, ведь не один год поработать ей пришлось в революцию в России? - озорно поглядывая на своих питомцев, сказал Батько.

А один из молодых офицеров, с хитрецей улыбаясь, протягивая пустой футляр генералу Шкуро, сказал:

- Вот ножны вашей шашки, господин генерал, извините, мы вашу шашку на время утянули... вернее, просто заняли на, так сказать, на короткий срок.

Поняв в чем дело, все громко аплодируя

глядя на еще больше удивленно округлившего глаза генерала Шкуро, покатывались со смеху.

- Вот это я понимаю - ловкость рук и никакого мошенства! - восхитился Шкуро, а потом поглядывая на Марка, сказал: - Из тебя, сынок, как я вижу, не плохой рубака бы вышел, коль так то с шашкой управляешься! А?

- А он и есть рубака, - усмехнулся один из вблизи стоящих плясунов молодой офицер.

А Батько озорно сверкая соколиными глазами, подойдя к генералу Шкуро, с хитрецей улыбнувшись, сказал:

- Ваше превосходительство, господин генерал, разрешите представить вам моего командира Отдельной Конной сотни - сотник Марк Рудаков. А вот эти плясуны, как раз и есть все рубаки, а командир их и обучил всю сотню шашками владеть не только в пляске, но и в боевом деле.

Батько с отцовской любовью посмотрел на своих питомцев.

- Ге-ге! - воскликнул радостно Шкуро, - да ты, казак, чай вижу, внук атамана Алексея Гавриловича Рудакова!

- Так точно, господин генерал, внук.

- Вижу, что внук, слышал о тебе многое от твоего крестного Андрея Тимофеевича Колосова. А ему не верить не можно - крепко и правдиво каждое слово у старого казака - знают это казаки. Он же и за дедуна твоего рассказал мне, познакомил с ним. Умница то какой, дедун твой. Генералы, часом за советом к нему обращаются - это как? А? Рад видать тебя, славный, и давай почоломкаемся, рубака! Как это сказал Тарас Бульба сыновьям своим, чай помнишь, читал?

- Так точно, читал и помню, господин ге-

нерал.

- То-то же!

Шкуро перецеловал всех плясунов "рубак" и каждому сам налил до верху стаканы "перепеченицы".

- А теперь, дети, подражая Тарасу Бульбе - герою великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, а подражать во всем ему, нам, казакам пока живем мы на этом свете, всегда нужно, скажу вам, славные, что предки наши во всех войнах России прежде всего отстаивали веру Православную. Так, Тарас перед боем, угощая своих казаков, провозглашая тосты, прежде всего сказал так: "И так, выпьем, товарищи, разом, выпьем поперед всего за Святую Православную веру" И, когда Тарас вспомнил Запорожскую Сечь и все выпили за Сечь, он еще раз напомнил казакам, что главнее всего для души человеческой, словами: "За всех христиан, какие есть на свете! - И опять все войско разом откликнулось - За всех христиан, какие есть на свете!" В речи Тараса Бульбы, дети, я думаю вы понимаете, что Гоголь совершенно определенно отмечает и подчеркивает, что именно важнее всего для каждого человека вообще и в частности для нашей Святой Руси. Ибо на вере Православной возникла и выросла в империю, в могучую христианскую страну, наша Россия. Вот поэтому враги России богоборцы и обрушили прежде всего все свои силы против Церкви Христовой. Вы, дети России, рожденные в советском рабстве, знаете лучше меня. Вы сами видели все, что сделали большевики со святыми Православными храмами, с духовенством христианским. А что они сделали с нашим русским царем-мучеником и его семьей? За это преступление, за убийство помазанника

Божьего и его невинных детей, мне думается, нужно повторить слова Самого Господа: "Мне отмщение и Я воздам".

И еще, дети, знаете вы доподлинно какими способами и с каким усилиями советская власть старалась и старается перековать ваши русские души, души истинно христианские, по своим особенностям национальным русским на нужный им лад. Задумали богоборцы выхолостить ваши русские души, да только дудки! Так это есть теперь - на сегодняшний день, ибо я своими глазами и своими ушами вижу и слышу вас - верные дети Святой Руси. Да, верные, ибо вы сами поднялись на борьбу с безбожной властью, на борьбу в страшных условиях, мало обещающих победу - в борьбе между двумя врагами России! Так будет и впредь - при любых условиях наш народ будет бороться и пройдет время, когда благославленный Христом Спасителем подымется русский народ-Богатырь и горе всем тем, кто попытается стать у него на пути! Тут уместно напомнить слова Бульбы, говорящего о тех русских людях, которые все продали, все ценности своего человеческого достоинства. А сказал Тарас так: "... у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы, руками схватит себя за голову, проклявши подлую жизнь свою, готовый муками испкупить позорное дело...".

Шкуро испытывающе посмотрел на притивших молодых казаков и офицеров, а потом продолжал:

- Слова сии Николая Васильевича Гоголя - слова пророческие, и пророчество сие уже те-

перь, мы видим, исполняется. Да! Видим воочию, как многие советские комиссары безбожники, спохватившись, осознав, что они наделали со своим народом, служа советской власти, бросают служить злу и с чистым сердцем становятся в наши ряды, готовы великими муками воинской страды, искупить свою вину, свое вольное или невольное служение злу и неправде.

Победим мы теперь в условиях борьбы нашей между двумя врагами России или нет - не знаю. Но верю, что рано или поздно, самые большие подлюги из русских людей, занимающие высокие посты в тюрьме народов России, в СССР, где-то в глубине душ своих тоже имеют крупицу русского чувства и спохватятся они в один прекрасный день и ухватятся за головы, и отрекутся от власти своей антинародной - преступной, ибо не может существовать богоборческая власть вечно - она еще до водворения ее, была уже обречена на гибель! Ибо Господь только на время попустил лукавому проделывать беззаконие. Мы только можем этим сегодняшним подлюгам, истязавшим свой народ пожелать хорошо подумать, покаяться и стать на сторону Христа Спасителя.

А коль скоро они это сделают, столь скоро Великая Россия - народ русский Православный незамедлит им подать руку, без тени зла за прошлое, ибо Христос Спаситель учит прощать грехи. А сейчас, казаки, мы с вами последуем примеру наших казачьих предков!

Генерал Шкуро поднял высоко свой стакан, обвел молодых казаков пристальным взглядом и громко произнес:

- Так за веру Православную, так за Русь Святую, так за всех христиан, какие есть на

свете, казаки!

И бывшие комсомольцы и партийцы громко так, что казалось будто гром небесный прогремел, просияв лицами, разом воскликнули:

- Так за веру Православную, так за Русь Святую, так за всех христиан, какие есть на свете!

У Батьки молнией сверкают соколиные глаза, распирает его всего от радости за своих сынов, с отцовской любовью оглядывает он их и переглядывается с заметно удивленными старыми атаманами.

- И креститься знаешь как? - спрашивает Шкуро самого молодого казака.

- А то нет!

Казак размахисто истово перекрестился по всем правилам, как полагается у православных христиан, а за ним и все другие, бывшие партийцы и комсомольцы перекрестились.

- Истинно христианские души у вас, дети мои! Иван Никитич, родной мой, да что же это за сыны у тебя славные! Во всем славные, во всем казаки!

Генерал Шкуро опять сам наполнил молодым казакам стаканы и опять звучат тосты. И не забывают казаки выпить за славу свою, за славу казачью, прогремевшую по всему свету.

Веселье кончается поздним вечером. На другой день, на квартире у Батько собрались на совещание старые атаманы. Из офицеров его полка присутствовали только: командир 2-го пластунского дивизиона престарелый есаул Иван Григорьевич Борисов, командир 1-го конного дивизиона есаул Бондаренко, начальник штаба полка есаул Сидоров и командир Отдельной конной сотни сотник Рудаков Марк. Первым говорит донской атаман генерал Татаркин Гри-

горий Михайлович. Затем астраханский атаман генерал Ляхов, затем генерал Шкуро. Последним выразил свое мнение Кононов. Из всего сказанного вытекало: - назревшее положение для Освободительного движения в марте 1944 года, коренным образом меняло оставшееся позади положение, в котором было стихийно начатое Освободительное движение в 1941 году, когда перед народами России стояла задача спешного создания своих вооруженных сил на немецкой стороне для борьбы с Гитлером, после того, как он одержит победу над Сталиным. В то время перевес сил и стратегическая инициатива была в руках у немецких фельдмаршалов. В марте 1944 года, перевес сил и стратегическая инициатива оказалась в руках русских военачальников Красной армии, и уже четко обрисовалась несомненная гибель гитлеровского Рейха.

Такое положение, сложившееся для Освободительного движения, теперь диктовало: - приступить к немедленному ускорению создания крупных вооруженных сил из народов России, с тем, что бы объединив их в одну Русскую Освободительную Армию, построив ее в боевой порядок, нанести сокрушительный массированный удар по войскам Красной армии, прорвать фронт еще до того момента, когда Германия окончательно будет повержена. А прорвав советский фронт, увлекая войска Красной армии за собой, слившись с ними в одну антисталинскую силу, оставить довершение победы над Гитлером западным союзникам. Основные силы Красной армии, естественно, должны быть сконцентрированы у Берлина, а следовательно, удар следует нанести на Юго-Западном советском фронте - менее сильном.

После прорыва фронта войсками Освободительного движения на Юге, немецкие войска, несомненно, воспрянут духом и скуют боями войска Красной армии у Берлина, что даст возможность войскам Освободительного движения легко и быстро продвинуться вперед, достигнув глубокого тыла Красной армии. И тогда генерал Власов, как он это намечает сделать, предложит возглавить Освободительное движение народов России маршалу Жукову, или же кому другому из популярнейших военачальников Красной армии.

"Я закончу войну по телефону" - так суммировал планируемую акцию сам генерал Власов.

- Вот здесь! - позолоченная рукоятка плети Донского атамана вперлась на карте у Берлина.

- В этом месте дилемма для Сталина - ни одной дивизии он от Берлина не смеет снять, что бы бросить против нас.

- А потом что, господин генерал? - кротко, с сомнением в глазах, спросил Сидоров.

- А потом войска Красной армии от Берлина сами последуют вслед за нами, а мы, конечно, по братски примем их в свои ряды, - последовал спокойный, уверенный ответ.

- А если немцы, в таком случае, окрепнув, двинутся опять в Россию? - опасливо, опять с сомнением в глазах, спросил Сидоров.

- Куда там им идти! У них сзади войска англо-американцев. Их песня уже ТЕПЕРЬ спета!

Донской атаман подчеркнул слово "теперь" и молодецки круто повернувшись на каблуках, поиграв нарядной плетью, сверкнув зло глазами, добавил:

- Кто бы не собрался проглотить Россию - обязательно подавится! Так то, казаки!

Донской атаман так же сказал, что командование армиями Освободительного движения подлежит принять на себя бывшим генералам Красной армии, в виду того, что с применением новой техники танков и авиации, генералам - эмигрантам нет никакой возможности справиться и, самое главное, политическое значение, которое бывших красных военачальников, ставших на путь борьбы против коммунизма, делает перед лицом воинов Красной армии "своими", а для Сталина эти красные военачальники являются просто пропастью, которую Сталину нет никакой возможности перепрыгнуть.

Донской атаман также сказал, что он лично сам обсуждал все вопросы с генералом Власовым, что Донской генерал Абрамов и Донской генерал Балабин и Донской генерал Полозов уже тоже в тесном контакте с генералом Власовым, что достигнуто во всех вопросах понимание и единство в намеченных действиях, что командование будущей казачьей армией, по всей вероятности, придется принять на себя тоже бывшему красному военачальнику - Ивану Никитичу Кононову.

Деловой разговор еще долго продолжался. Генерал Шкуро тронул за плечи Марка:

- Ты как, рубака, навещать родных скоро собираешься?

Марк улыбнулся и указал глазами на Батьку.

- Я покалякаю. - Шкуро подморгнул заговорчески глазом и прошептал на ухо Марку: - хочу радость доставить Алексею Гавриловичу. А мать то твоя как возрадуется! А?

- Благодарю вас, господин генерал, - заблестел васильковыми глазами Марк.

Слегка скрипнув дверью, Гаврик подавал знаки Батьке, недовольно хмурился, дескать,

довольно вам всем там совещаться - обед давно готов.

- Поди, славный сюда, - позвал Батько Гаврика и представил его почетным своим гостям и, в первую очередь, донскому атаману, сказав:

- Ваше превосходительство, господин атаман, вот сын Тихого Дона Гавриил Петрович, он мой вестовой казак, он же и коновод, он же и повар и он же "министр" внутренних и внешних всех дел на "той", а теперь и на "этой" стороне нашего полка.

- Ишь ты, какой важный! - улыбнулся донской атаман и пожимая руку Гаврику, спросил:

- Ты же какой станицы будешь, казак?

- С позволением сказать "чига" я, господин атаман, с самого верховья. Между матушкой Волгой и Ивановичем Доном соизволи привести на свет меня родители мои. Хуторок там есть такой, к Дону прилепился и дюже советскую власть не долюбливает. А по сей причине и на картах нигде не обозначается и наименование его вслух нигде не произносится, ибо жена моя разлюбезная там проживает.

Гаврик, со знакомой всему полку, хитрецей в глазах, поглядывал на донского атамана.

- Понятно, понятно, господин "министр", - довольно улыбаясь проговорил донской атаман.

А генерал Шкуро, пожимая крепко руку Гаврику, добавил:

- Вижу Батько ваш хорошим дипломатом обзавелся, - и переводя взгляд на Кононова, восхищенно воскликнул:

- Иван Никитич, вестовой то - орел у тебя!

- Так точно, ваше превосходительство -
"чига" - верхнедонской казак

орел! - радостно отозвался Батько, и тут же, обращаясь к Гаврику, распорядился:

- Давай на стол, орел, все что ни есть у нас наивкуснейшего, да и наикрепчайшего из спиртного! Да, мотнися сначала, позови графа нашего - друга нашего немецкого наивернейшего.

И мотнулся Гаврик и пришел граф Риттберг, и пошли опять за столом разговоры задушевные и стали вспоминать казачьи старшины дела свои ратные и заблестели у них глаза радостно оттого, что видят они воочию с каким вниманием и восхищением слушают их молодые казаки - смена их казаков старых народившаяся, во всем им подражающая, во всем им достойная.

А расходившийся Гаврик, после нескольких опрокинутых им чарок, приподнесенных ему казачьими старшинами, в весьма приподнятом настроении и, к тому же, привыкшего уже давным давно в таких случаях чувствовать себя чуть ли не на самом деле в положении "министра - дипломата", во всю запускаясь, начал развивать рассказы из жизни полка:

- А разреши, Батя, словцо сказать, как казаки наши (он подчеркнул слово "наши") фокус выкинули?

- Это какой?

- Да насчет кабана и тюрьмы.

- Валяй, только не перехлестывай дуже, - согласился Батя.

- А было это дело, значит, так, - с места в карьер, начал рассказ Гаврик: - посланы были наши казачки в деревню белорусскую, это было еще, когда полк наш в Могилеве стоял. Ну, а подобрались в поход этакие казули, что ни есть сверх сорви-голова! Сенца они быстренько раздобыли, да за одно кабана такого ог-

ромного жирного борова вроде нечаянно подстрелили и, взвалив на подводу с сеном, в путь обратный тронулись.

Когда глядят, а за ними немецкие жандармы с бляхами на груди, да на моторах в догон мчатся. Стеганули казули коней и ходу прибавили так, что колеса у брички завертелись, будто мельница при сильном ветре. А жандармы постреливать зачали, а казули, не долго думая, отстреливаться не замедлили. И пошла перестрелка - бой просто завязался. Подстрелили жандармы коней и схватили проказников. И чудо просто - не постреляли их враз, а в тюрьму местную отправили, с тем, что бы это дело разобрать курезное апосля. А тут, гляди, в этот же момент, самолеты советские налетели и давай месить тюрьму, по ошибке, надобно думать. Да только с тюрьмы той за полчаса ничего не осталось. А казули - проказники, каким-то чудом выскочили, когда бомбежка началась, и в лес махнули. А к вечеру уже опять в полк с повинной явились. Батько взволновался было их рассказам, а потом помиловал и велел, чтобы никто ни гу-гу. А сам графа спрашивает: что ты, граф, наш милейший, думаешь, что угрожает нам? А граф наш, доложу вам, господа, завсегда одни и те же словечки бросает: - гуд, гуд! - или - я, я! - и с концом на этом разговор. Так вот я и закончу рассказ этот - гуд, гуд! И зачну новый уже за вот эти самые словечки графа нашего: - гуд, гуд! - и я, я!

Не дожидаясь согласия его слушать, Гаврик самодовольно покрутил пышные свои усы, начал разворачивать следующий рассказ из жизни полка в Могилеве.

- Приходят, это значить, один раз бабы

к графу нашему с жалобой, что это у них в деревне казаки корову и теленка забрали на закуску. А граф то наш в это время, вопче ничего, просто, ни бум-бум по-русски. И отвечает бабам с улыбкой любезной: - Гуд, гуд!

Гаврик с хитрецей поглядывает на офицеров полка, знающих эту историю, покатывающихся со смеху, да покручивает усы. Граф Ритберг смущенно улыбается, грозит пальцем Гаврику, дескать срамишь меня перед генералами. А Гаврик в этот момент вспоминает другой курьезный случай в полку происшедший и сразу же начинает разворачивать новый рассказ:

- А один раз, доложу вам, господа, какой случай у нас с Батей, (он опять подчеркнул слово "у нас"), в полку произошел, что умолчать о нем теперича просто не можно. А случай такой: - Я, это значить, кручуся около коней во дворе, а меня Батина супруга Мария Ивановна на крыльцо вышедши, кличет: "Ступай сюда, Гаврил Петрович", - говорит, подсоби мне на кухне, а то гостей уйма прибудет скоро и аж сам генерал Шинкиндорф, это значить, с визитом собственной персоной пожаловать решил изволить".

Ну, я тут, как расходился со стряпней всякого сорта угощений и враз всякие блюда наивкуснейшие, приятнейший запах во всем, это значить, доме издавать зачали. Ждем мы, это значить, не дождемся генерала и прочих гостей, когда гляжу, граф наш первый заявился. "Гут моргин фрау Кононов", говорит, а я его враз и поправил, говорю - какой там моргин, день уже и время обеднее. А сам подмаргиваю, дескать, поди-ка сюда граф наш дорогой, не зевай. А граф наш уже заметил, что и с бутылкой с молочком из под бешенной ко-

ровки приветствую его и тут же забормотал по своему: - Гут, гут! Я,я!

А я ему стакан какой побольше наполнил через край, а он, как тяпнул, так глаза у него вмиг засоловели. Ну, а я ему вторую порцию - Гут, гут! Я, я! Давай заливай за воротник добро русское, коль угощают тебя. И еще мы с ним по стаканчику пропустили.

Пришел, это значить, вскорости Батя, а граф наш уже совсем веселенький, как именинник стал. А он то, граф наш, между прочим, тоже Иван по имени. Это просто неподоразумению немцы его Гансом зовут. Впрочем, Ганс - это Иван по-русски. Вот оно что, господа, это значить. Батя, это значить, враз приметил веселость у графа сильно повышенную на лице и на меня поглядывать зачал с укором, дескать, это ты, Гаврил Петрович напроказничать успел уже. А я, не долго думая, и Бате стакан в один миг приподнес, а Батя у меня, между прочим, пускай будет сказано, м-да, с позволением к тому же хочу сказать, тоже выпить никак не любит. Покрутил он, это значить, головой укорительно и даже с недовольством, а сам стакан враз опорожнил. Гляжу, в обеих Иванов, и у немецкого и у русского глаза соловеют, это значить, ярким светом отсвечивать зачали. А немецкий Иван совсем расхотелся и даже запускаться зачал от веселья, разыгравшись в нем. И говорит он Ивану русскому: - Я, говорит, - Иван Никитич, завсегда без промаху стрелял - снайпер, это значить, от рождения. Никогда промахов не давал в стрельбе из пистолетов. Вызываю, это значить, тебя на соцсоревнование по стрельбе из пистолетов.

Батя, конечно, принял вызов Ивана не-

мецкого, так как у нас в стране социализма отказыватца от соцсоревнования не положено, о нет! За отказ к белым медведям враз отправляют за этикие непокорности власти! Ну, это я между прочим запускаюсь, а вот ближе к делу - вышли, это значить, два Ивана наши на двор и зачали цель подбирать. - Давай, подбери-ка нам цель, Гаврил Петрович, - повелевает мне Батя. Стал было я цель подыскивать, а граф наш срывает с головы фуражку свою, ципляет ее на сук на яблони и говорит: - Вот она и цель, что вы там еще ищите! Я, говорит, зараз покажу свое искусство. - И враз прицеливаться стал. Хлопнул, это значить, немецкий Иван, да, промахнулся, фуражка не шелохнулась даже и аж фашисткая свастика зачала аж больше поблескивать, и аж вроде зло усмехается и на нас с усмешкой этакой надменной поглядывает. Гляжу, Батя вытегивает из кобуры свой ПТ и только зло сверкнул глазами на знак вражеский, да, как бахнет! Глядим мы все, и аж Мария Ивановна с испугу во двор выскочила и глазами от страха моргать зачала, а фуражка графа нашего жалобно покачивается на суку, на яблоньке русской, а вражеский знак больше уж не усмехается, а печально хмурится зачал, и на нас страшно гневно поглядывает - у-у-у, дескать вы унтерменшен русские! А дыра в нем в самом центре образовавшаяся, ухмеляется с симпатией к нам и весело нам уж вроде подмаргивает, дескать, приветствую русское искусство в стрельбе на соцсоревновании по мишени вражеской.

А граф наш, доложу вам, и в ус не дует - Гут, гут, - говорит. - Ты, говорит, Иван Никитич, стало быть, лучше меня в цель метишь! А Батько, конечно, из скромности в ответ гра-

фу говорит: - Нет, Ганс, вовсе я тут не при чем. Это изобретатели пистолетов с разными смекалками оказались. - Как так? - удивился граф. А Батько и завернул ему в ответ: - У тебя, граф, пистолет бельгийский умелец изобрел, а у меня умелец русский постарался. Имя ему Токарев, вот этому умельцу и заслуга в меткости стрельбы принадлежит! И все бы обошлось шито-крыто, никакова мошенства, да вспомнили оба Ивана, что генерал приедет, что полк уже построенный стоит, а время меньше часу осталось. Да не в этом, опять-таки, беда, а в том, что графу нашему фуражку с дыркой в свастике на голову нельзя надеть, а другой фуражки нету. Заходились мы туточки с Марией Ивановной графу папаху шить с молниеносной скоростью, это значить. Она кроит, а я шью и враз на голове у графа Ивана немецкого папаху донская закрасовалась, да еще с какардой русской офицерской. Подвел я коней начальству своему и с копыток, значить это, мы взяли. А я графу на ходу на ухо кричу: - не сомневайся, дескать, граф, - какарда русская даже очень красивая и аж красивее, кричу, твоего паука, что батька на твоей фуражке ухлопал. Ну, а граф, конечно, как всегда: - Гут, гут! А я ему в ответ: - Гут, гут! Будьте уверочки, граф, можете не сомневаться. А сам побаиваюсь, чтоб, это значить, генерал Шенкендорф не приметил исчезновение паука фашистского.

Какой там! Ничело генерал и не приметил, даже не глянул! Весь парад прошел чин-чином. Завалились к нам гости толпой целой. Зачали пить и есть. Когда, гляжу, генерал на папаху новоиспеченную Ганса нашего приглядывается, а папаху, как на грех, на самом видном месте

- на шкафе красуется, а какарда русская довольно улыбаться генералу зачала, дескать, вот я какая красавица! Ну, думаю, будь что будет, расскажу лучше сам, как Батя паука прикончил, пока генерал сам следствия не зачал. А он то, генерал, тоже чином графским своим не ниже нашего графа, а то хватай и выше. А все одно, зачал я докладывать ему со всей, конечно, тонкой дипломатией. Докладываю, а сам дрейфлю, думаю, вот-вот генерал стукнет кулаком по столу. А оно, наоборот, гляжу, ухватился граф генерал за живот свой и хохочет, довольно на меня взоры бросает, дескать молодец ты, Гаврил Петрович, во всех таких делах курьезных с пауками фашистскими!

- А это ты уже запускаешься, Гаврик. Палку перегибать стал!

Батько и гости покатываются со смеху, а генерал Шкуро стакан до верху наполнил и преподнес Гаврику.

- Выпьем, орел! Сноровка у тебя, вижу я, заложена от предков наших казачьих!

- А то нет! На то мы и казаки! - подхватил похвалу себе Гаврик и, самодовольно покрутив пшеничный ус, осушил залпом стакан.

- Ты славный вижу я, давно служишь у Батько своего? А? - донской атаман вопросительно посмотрел на Гаврика.

- Хе, хе! И как давно! С самой финской войны нам с Батей много пришлось делов провратить!

Гаврик просиял довольной улыбкой, подчеркнув особо слово "нам", посыпал словами:

- Оно, видите, господин атаман, работу приходилось проворачивать таково сорта, что каждую секунду ожидать нужно было пулю в затылок со стороны Особого отдела при полке на-

шем. Бывало, щупаю я бойцов в разговорах - выявляю какого настроения они по отношению к товарищу Сталину и прочим вождям - строителям коммунизма, а сам, конечно, не без страха в себе нахожусь. А щупать то надо! Со временем наловчился, так сказать, практикой обзавелся и в два счета стал опознавать, кто чем дышет.

Ну, выявив и докладываю Бате: - Вот этот, говорю, боец советскую власть, как собака палку любит и аж даже больше. А Батько в ответ: - Занеси его в список неписанный!

А сам бойца этого или командира какого по моему представлению, значить это, повышает и в чинах и к себе по службе поближе приближает. От Финской войны до двадцать второго июня много воды утекло, но и много вокруг Батьке людей собралось, какие, как я уже сказал, советскую власть страсть как любят, только смерти ее ждут, не дождутся. Вот и результат нашей с Батей работы - весь полк по одному его слову на немецкую сторону перешел. (Гаврик приписал себе дела, которые другие делали, но Батько промолчал). А когда Батя приказ отдал: - А ну, становись, это значить, кто со мной - на право! А кто советскую власть любит - на лево!

Ну, туточки и растерялись наши любители советской власти: у комиссаришки полка волосы дыбом от страху поднялись, а начальник Особого отдела, надобно полагать, вовсе в штаны навалял! Заикаца зачал, да спрашивать: - А что мне, это значить, товарищ командир полка, прикажите делать? А ведь трус он был, несчастный! Стоило бы ему

только или комиссару, али политруку какому выстрелить и убить Батьку – и все было бы кончено, полк увесь на той стороне остался бы! Оно, конечно, половину людей бы враз перестреляли, а других в штрафные батальоны порастыкали бы. Да, камиссары и особые советские начальники всякие, они все герои только када им ничего не угрожает, а в других случаях сопли распускают, доложу вам доподлинно, господин атаман! Хе-хе! Пришлось нам с Батей на той стороне зачать борьбу с советской властью дже уже не равную, да, казачья сметка, конечно, не без смелости и удали казачьей помогла нам. Так-то, господин атаман! (Гаврик опять подчеркнул слова "нам с Батей", однако Батько опять промолчал).

– А что же вы с начальником Особого отдела сделали? – полюбопытствовал генерал Шкуро.

– Беда получилась, доложу вам, господин генерал! Заметил я, что исчез наш Особый. Спрашиваю у бойцов – где девался Особый? А они глаза прячут и молчат. – Ухлопали? – спрашиваю. – Ухлопали, – отвечают. Дуже много он наших людей пострелял и до смерти позамучил многих. – Руки, – говорят – не удержались, хлопнули мы его! Грех, говорят, на нас лежит.

Гаврик помолчал, а потом с ноткой сожаления добавил:

– Ано, конечно, стрелять его не нужно было – грех обезоруженного человека стрелять то. – и опять помолчав, добавил: – А с комиссаром полка вовсе хуже дело стряслось – сам застрелился.

– Это почему же? – вырвался вопрос у

генерала Шкуро.

- Да, потому что, соратник Сталина по убийству людей, товарищ Гитлер приказал всех комиссаров стрелять. И Сталину сказал - не нужны мне твои комиссары, дорогой мой товарищ Сталин, своих у меня полным полно, куда еще твоих девать стану?

Сталин, конечно, от радости уж запрыгал. Думает: - Вот молодец то какой мой бывший друг оказался! Помощь мне какую и теперь оказывает - чудо просто, невероятное!

Да, господин генерал, стряслось несчастье такое с нашим комиссаром полка страх сказать! А он и человек, можно сказать, не плохой был и сам со страху али добровольно с полком перешел, хотя Батько ему оставаться на той стороне предлагал. Так-то, доложу вам, господин генерал.

Гаврик сокрушенно покрутил головой, помолчал и вдруг, вскинув голову, щуря глаза гневно выпалил:

- Все помогать взялись Сталину! Гитлер палкой русский народ воевать заставляет, а Черчиль и Рузвельт вооружать и кормить Красную армию взялись - все за Сталина и все против нас!

- Да, это ты истинную правду гутаришь, славный, - отозвался донской атаман.

А генерал Шкуро, зло усмехнувшись, добавил:

- Боком им всем их дела рано или поздно выйдут! Воскресение национальной России они все боятся, как черт ладана, вот и взялись изо-всех сил Сталину помогать! Конец этих затей их - страшен! Спасенный ими коммунизм, их же и пожрет! Наша задача спасти их и все человечества от коммунизма. Толь-

ко мы и никто другой в состоянии это сделать, если, конечно, во время успеем изловчиться в нашем положении борьбы против Сталина и всех его союзников, и собрав свои силы в один кулак, нанести удар. Прорвем фронт и протянем руку нашему народу. Так мне лично и многим другим уже сколько раз повторил эти слова генерал Власов - дали бы только руку подать нашему народу, Андрей Григорьевич! Дали бы только руку подать, дорогой мой! - Шкуро сокрушенно pokrutil головой, - Да, вижу я, не дают гитлеровцы нам возможности руку подать нашему народу. Хитрят только, изворачиваются, и ходу делу не дают. Да, что будем делать? Не нас обвинит история, ибо мы делали и делаем все, что можем, возможное и даже невозможное, так то, казаки!

Поздно вечером, прощаясь, генерал Шкуро поманил пальцем Марка.

- Твой крестный, есаул Колосов, произведен был в чин войскового страшины, а недавно в полковники.

- Вот как! - обрадовался Марк

- Да, да, сам Петр Николаевич произвел его - дед казачий наш!

- Поздравление от меня передайте, пожалуйста, господин генерал, крестному моему и весточку обо мне матери моей и дедушке моему.

- Передам, как буду в Казачьем Стане. Друзьяки мы с ним с давних пор - лихой казак крестный твой. А у деда твоего Алексея Гавриловича - ума палата - генералам, как я уже тебе сказал, с ним советоваться приходится - понятно? Вот тебе и малограмотный казак!

На другой день после обхода выстроеного в конном строю Первого Конного дивизиона 5-го Донского полка, опять старые казаки генералы сидят за столами в дружеской беседе со своим новым поколением. Двадцать четыре молодых казачьих офицеров присутствуют на обеде, устроенным в честь посещения дивизиона его командиром и старшими офицерами дивизиона. Опять речи зажигательные и веселый шум слышен в здании штаба дивизиона в хорватском селе Комарево. Гости, уезжая, прощаясь с молодыми кононовскими офицерами, долго сжимают в объятьях друг друга по старому казачьему обычаю, по христиански крест на крест, три раза целуются, крепко пожимают руки.

Генерал Шкуро с задорной улыбкой спросил совсем молодого двадцатидвухлетнего хорунжего:

- Ты, никак, славный, комсомолец бываший?

- А то нет! - охотно сознался хорунжий.

- А в Бога веруешь, комсомолец?

- А как же!

Хорунжий вскинул головой и с заметным удивлением посмотрел на Шкуро, дескать, - что за вопрос?

- Ишь ты, какой орел! - удивился Шкуро и тут же, испытываяще поглядывая на хорунжего, сказал: - А ну перекрестись, коль так!

Хорунжий, не спеша, по всем правилам, истого перекрестится.

- Вижу, советская власть попусту потратила время на тебя, казак! - восхищенно проговорил Шкуро, поглядывая на молодого хорунжего.

- Да оно, господин генерал, не только на меня, а почти на всех нас. Дело в том, что в "липу" не легко людей заставить верить, а ведь Советская власть сама по себе "липа" чистейшая! - хорунжий тут же весело рассмеялся.

- Иван Никитич! Родной мой! - опять восхищается генерал Шкуро, - что же это за сыны у тебя? Один другого храбрее, один другого умнее!

- Казаки они у меня, вот в этом и весь секрет! - сверкая соколиными глазами с задором говорит казачий Батько, а сам незаметно подмигивает своим сынам.

Поняв знак, молодые офицеры подхватили на руки генерала Шкуро, а за ним и донского атамана генерала Татаркина и астраханского атамана генерала Ляхова и на руках понесли к ожидавшей их генеральской машине.

Толпясь у здания, где произошла встреча, Батько и его офицеры долго стояли, смотря в след уезжавшим казачьим старшинам, они срывают с голов папахи, машут ими изо всех сил, посылая прощальные приветы дорогим гостям, удостоивших их своим визитом...

Вскоре после визита донского и астраханского атаманов и генерала Шкуро, 5-й Донской полк удостоил визитом своим и Войсковой атаман Кубанского Войска генерального штаба генерал-майор Вячеслав Григорьевич Науменко. Прибыв в полк, кубанский атаман пожелал посетить каждую сотню полка в отдельности. В сопровождении своего адъютанта есаула Заболотного, атаман, проходя выстроенные сотни в местах их расположения, подолгу говорил с казаками, спрашивал об их жизни, вел дружелюбные беседы. В 3-й

сотне конного дивизиона встретился со своим станичником молодым казаком Таманского отдела станицы Петровской. Атаман с особой радостью пожимал руку молодому казаку - станичнику, с отцовской любовью смотрел на него, расспрашивал о жизни в родной станице.

Командир конного дивизиона также кубанский казак пригласил атамана на обед. И опять потекли родные задушевные речи молодых казаков с родным и близким их сердцам атаманом славного Кубанского Войска.

Несмотря на пожилые годы и скитания на чужбине, кубанский атаман все еще обладал исключительной бодростью. Высокий, стройный, подтянутый с кавказким обликом лица, с манерой с достоинством держаться и говорить, он вызывал у всех казаков большое уважение и солдатскую любовь. Уезжая, атаман сказал, что казакам надлежит влиться в движение, которое начало принимать свои первые контуры поистине организованного Освободительного движения народов России во главе с генералом А.А.Власовым. Эти слова кубанского атамана горячо приветствовали казаки 1-й Казачьей дивизии, начавшей развертываться в Казачий корпус, позднее получивший официальное наименование: 15-й Казачий Кавалерийский Корпус.

Х   Х   Х

В этом же месяце, в марте 1944 года Конный дивизион 5-го Донского полка был переброшен из села Комарово в село Дубица, а штаб полка из Петрини переместился в местечко Ликеники.

В эти дни 1-ю Казачью дивизию удостоил

своим визитом и командующий Добровольческими войсками немецкий генерал от кавалерии Эрнст Кестринг. Фактически "командующий" никакими добровольческими частями не командовал. Командовали частями добровольцев немецкие и частично русские или другие из народов России офицеры. Все они были подчинены местному немецкому командованию, к которым эти части принадлежали, а последние по немецкой "лестнице" гитлеровской военной машины, подчинялись НЕПОСРЕДСТВЕННО И ТОЛЬКО "ФЮРЕРУ" - ГИТЛЕРУ.

Генерала Кестринга гитлеровцы использовали, как своего пропагандиста, который на не плохом русском языке с пафосом произносил громыхающие, обещающие победу Германии над большевиками, речи, конечно, свободу и независимость России от Германии Кестринг не смел обещать. По сути, такие речи приносили пользу Сталину, но никак не Гитлеру, так как добровольцы из народов России никак не могли желать умерать за победу "Великой Германии", зная, что ожидает "унтерменшей" после победы гитлеровцев.

Пропаганда гитлеровцев на пользу Сталина продолжала цвести пышным цветом.

Отобедавав в гостях в 5-й Донском полку, оставшись очень довольным подарками - донской папахой и донской шашкой, "командующий" Добровольческими войсками, генерал от кавалерии Эрнст Кестринг отбыл дальше со своей миссией: невольного, не гитлеровского, но сталинского пропагандиста.

(Только после капитуляции Германии, оказавшись в плену у американцев, генерал Кестринг осознал и сказал допрашивающему его

американскому полковнику, насколько была губительна для Германии и преступна по отношению к народам России политика гитлеровцев. К своей великой скорби, старый немецкий генерал тут же в разговоре с американским полковником понял, что правители Америки ни сколько не уступают своим поведением по отношению к Освободительному движению народов России, "Великому гению и политику" Адольфу Гитлеру...).

Но вот, 2-го апреля на торжестве по случаю дня рождения Батьки, среди казаков вновь появляется лихой казачий генерал Андрей Григорьевич Шкуро. Среди многочисленных гостей он самый почетный гость у Батьки. Он и командует весельем, он задает тон веселью. Опять песни и пляски молодых казаков. Но вот генерал Шкуро требует тишины, он хочет сказать крепкое слово казакам. Присутствующие немецкие офицеры не понимают, что говорит по-русски казачий генерал и продолжают громко говорить. Бросив гневный взгляд на немцев, строго сдвинув брови, обращаясь к ним генерал Шкуро сказал:

- А вы можете помолчать, когда я говорю?

Кто-то перевел немцам слова генерала и они, почтительно заулыбавшись, замолкли.

- Господа офицеры и казаки! - начал Шкуро, - сегодня мы празднуем день рождения одного из лучших сынов казачества! Одного из храбрейших, доблестейших казачьих офицеров - нашего дорогого Ивана Никитича.

Двадцать пять лет, находясь за границей вдалеке от Родины, я никогда не сомневался и всегда верил, что несмотря на то, что большевикам удалось уничтожить большую часть казачества, на казачьей земле, вопреки всему

и вся, народится новое казачье поколение, которое народит и своих героев достойных нас и наших доблестных казачьих предков.

И я не ошибся. Пришлось убедиться воочию и многим тем, кто в этом сомневался. Мечта большевиков, их цель заглушить и уничтожить национальный дух русского народа — не увенчались успехом — это факт!

Большевистский террор и насилие тем более оказались бессильными уничтожить казачий дух. Оставшееся семя на обильно политой казачьей кровью казачьей земле, вновь как и прежде породило такое же самое отважное и свободолюбивое казачье племя. Вы, казаки из Советской России, испили найгорчайшую чашу трагедии народов России.

Но, истекая кровью, вы не склонили свои головы перед презренным врагом и не утратили казачьего духа. Вы, как и прежде ваши славные предки, при первой же возможности поднялись на борьбу за свою исконную казачью свободу.

Быть может, вам придется погибнуть в неравной борьбе, но слава о вас никогда не умрет. А это самое главное для казака. Это дороже самой жизни. Была бы жива казачья слава!

Славой казачьей, не говоря уже о святой Православной вере, ибо вера превыше всего, больше всего дорожили наши славные предки и они эту славу казачью донесли и до наших дней. Ваша задача, мои герои, нести эту славу, казачью славу, дальше по свету и передать ее вашим детям.

Во имя славы казачьей сегодня лучшему из вас, вашему командиру и отцу — вашему

Батьке, я дарю свой дедовский именной подарок. Иван Никитич, подойди-ка сюда, пожалуйста, - позвал генерал Шкуро Кононова.

Тот подошел и стал "смирно".

- Цией плетью мий батько меня хорошо стяжав, - сказал Шкуро, показывая всем казачью плетть дорогой кавказкой работы, с красивым черенком. - А теперь я ее дарю, как родному сыну, Ивану Никитичу Кононову. Бери плетть, казак! У тебя моя закваска. Ты достоин этого подарка!

Один из адъютантов Шкуро подал ему круглый картон и он, вынув из него донскую фуражку, (вероятно сделанную специально для подарка на заказ), одел ее на Кононова.

Командир 2-го дивизиона, есаул Борисов, мигнул глазом, толпившимся казакам и офицерам и те, поняв знак, подбежали и подхватили генерала Шкуро и Кононова на руки и начали "качать".

- Що вы робите, диты? - упираясь и смеясь, "хохлачил", подбрасываемый высоко в воздух, генерал Шкуро.

Грянувшая музыка - "Скину кужель", словно толкнула плясунов, и началась залихватская бешенная пляска, та, которая и по сей день часто демонстрируется казаками на больших и малых сценах во всех столицах и городах земного шара, та, которая на Руси называется "казачком", та, которая ярко выражает характер, нрав и быт вольнолюбивого казачества...

Генерал Шкуро приехал к Кононову не только для того, чтобы участвовать в торжествах последнего, отнюдь нет.

Он прежде всего приехал поделиться радостными вестями, с которыми он "летел", а

не ехал. Вечером на квартире у Кононова, наедине с ним, он с восторгом и радостью рассказывал о встрече с Власовым, у которого он смог побывать, и с которым много и долго говорил.

Шкуро сказал, что Власов пребывает в полной уверенности, что политика Гитлера бесповоротно ведет Германию к неизбежной катастрофе, и что немцы в поисках своего спасения вынуждены будут дать возможность развернуть Освободительное движение народов России, и в большом размахе. Нужно только быть готовым к этому моменту; нужно только сколотить вооруженные силы, достаточные хотя бы только для первого массивного удара.

Рассказывал он и об окружении Власова: о генералах Трухине, Малышкине, Жиленкове и других, с которыми познакомился, как о твердых волей и весьма умных талантливых людях.

Говорил Шкуро и о том, что делу уже дан ход и уже существует школа власовских пропагандистов, что уже куются офицерские кадры Русской Освободительной Армии, что Власов передает пламенный привет Кононову и просит его не падать духом и быть на чеку.

Генерал Шкуро, как всегда, с характерной ему темпераментностью и резкостью, рассказывал Кононову о впечатлении произведенном на него Власовым:

- Это великан, русский богатырь, против которого не устоит никакой противник!

Он сказал также, что в Германии ходят печальные слухи - будто бы генерал Краснов недоброжелательно относится к Власову и не склонен быть в подчинении у "большевистского генерала", но он этому не верит и будет стараться встретиться с генералом Крас-

новым и выяснить точку зрения последнего.

Шкуро сказал еще, что Донской атаман генерал Татаркин тоже взволнован этими слухами, но и он, если эти слухи соответствуют действительности, приложит все усилия, что бы направить "деда" на правильный путь.

- Немцев нужно изжить из казачьих рядов, вырвать из их рук казаков во что бы то ни стало! - нервно ходя по комнате, говорил Андрей Григорьевич, - Иван, я знаю ты не приостановишься ни перед чем и, когда придет время, выполнишь эту задачу. Николай Лазаревич, (полковник Кулаков), тебе в этом первый помощник. Действуй, надейся и жди! - сказал генерал Шкуро.

Обнадежив Кононова, он "полетел" снова к генералу Краснову, к Даманову и к другим деятелям Освободительной борьбы.

X X X

В первой половине апреля 1944 года 5-й Донской полк с другими частями Первой Казачьей дивизии вновь совершает поход в Словению. Вновь нанося сокрушительные поражения войскам Тито.

В местечке Нова-Копела перед выстроенным 5-м Донским полком, командир дивизии генерал фон Панвиц произносит благодарственную речь полку за боевые подвиги.

В начале мая, 5-й Донской полк совершает отчаянный ночной налет на крупные силы титовцев, укрепившихся в городе Глина. Разбитый на голову, противник бежит, оставляя множество своих убитых и раненных воинов, много снаряжения и оружия.

Три месяца полк ведет почти непрерывные бои с многочисленными войсками Тито, обильно снабжаемые советами и англо-американцами всем необходимым для ведения партизанской борьбы. Однако храбрые югославские партизаны попрежнему не в состоянии были удержать атакующих их казаков.

В случае какой заминки в наступлении, Батько под пулями противника, обычно идя во весь рост между припавших к земле казаков, говорил: "Вот здорово стреляют эти ребята, А? Молодцы югославы - храбрые воины!" Батько при этом сверкал соколиными глазами с озорной улыбкой поглядывал на казаков, а потом своим зычным голосом падал командую: Пря-мо-о! И весь полк, увидев своего бесстрашного Батьку, одним мощным рывком срывался с места и неудержимо катился на ошеломленного исключительно смелой атакой казаков, противника.

Один бой кончался, начинался другой, пролетело незаметно лето. Первая Казачья дивизия стала быстро разворачиваться в 15-й Казачий Кавалерийский Корпус. 5-й Донской полк развернулся в бригаду, получив наименование - Пластунская бригада имени полковника И.Н.Кононова.

Первый конный дивизион вышел из состава 5-го Донского полка, получив наименование: Разведдивизион при бригаде имени Кононова. Командиром Разведдивизиона был назначен есаул Бондаренко. 5-й Донской полк принял под свое командование есаул Борисов, произведенный в майоры. Начальником штаба бригады Кононова был назначен бывший офицер Генерального штаба Красной армии майор Зацюк.

Бригада стала костяком 3-й Казачьей дивизии. Первая Казачья бригада развернулась в дивизию под командованием полковника Вагнера; 2-я Казачья бригада тоже развернулась в дивизию под командованием полковника Шульц.

Пополненный Казачий Корпус людским составом, вооружением и средствами усиления под командованием талантливого и в высшей мере храброго своего командира генерал-лейтенанта Гельмунда фон Панвица, стала представлять из себя крупную и исключительно боеспособную боевую, но все еще не русскую, но боевую единицу немецкой армии.

Наступил сентябрь 1944 года...

Х Х Х

XXXIX

На Балканах, на ряду с Казачьим Корпусом оперировал Русский Корпус, сформированный из добровольцев эмигрантов, в основном, из Болгарии и Югославии.

Корпус состоял всего из пяти полков. Первый полк был казачьим. Большой процент казаков служило также в других полках Корпуса.

В Русском Корпусе служили: отцы и внуки. Среди чинов Корпуса были генералы, служившие рядовыми. Русский Корпус не представлял из себя силу, но исключительную доблесть.

Русский Корпус это знаменательная страница в истории России. Корпус позднее был также частично пополнен людьми из Советской России и носил нарукавный знак: РОА -

РУССКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ.

Смотри: Д.П.Вертепов,
РУССКИЙ КОРПУС 1941045 гг.
Из-во "НАШИ ВЕСТИ".
Нью-Йорк, 1963 г.

Сербские войска генерала Драже Михайловича, генерала Недича и Летыча, по сравнению с коммунистическими войсками Тито, тоже, как и Русский Корпус, не представлял собой силу, но только боевую доблесть. О генерале Драже Михайловиче и его героях войнах четниках уже много сказано и еще больше будет сказано историками исследователями борьбы на Балканах в 1941-45 годах, как о национальных героях сербского народа и всей страны.

X X X

XXXX

Лара собралась идти в школу. Проверила все ли взяла с собой, вышла на двор.

- Извините, мадам, вы будете Вера Григорьевна Рудакова?

У частокола с пакетом в руках на коне сидел вестовой казак из Штаба Походного атамана Казачьего Стана.

- Нет. Это моя мама.

Лара метнула удивительно-вопросительный взгляд на вестового.

- Вот, пожалуйста, ей письмо.

Казак вручил письмо и, тронув коня, скрылся за углом узкой улочки итальянского села. Лара долго стояла в недоумении. Удивленно, с волнением, рассматривала туго наполненный тяжелый конверт. Адрес был написан по-немецки. На обратной стороне военно-полевой адрес. И вдруг, беззвучно шевеля губами, прочла: оберлейтенант Марк Рудаков. Лара с минуту стояла не шевелясь на месте, растерянно пробегая глазами, перечитывала адрес и имя адресата. Затем, рывком, наклоняясь всем телом вперед, бросилась бежать, но, споткнувшись, упала и упустила свой учительский портфель. Вера Григорьевна, услышав звук падения человеческого тела за дверь, испуганно распахнула дверь.

- Мама... Мамочка! Марк... Марк! - задыхаясь от волнения Лара, лежа на земле, протянула трясущимися руками конверт матери.

Сверкая антрацитом азиатских глаз, подскочила тетка Маруся.

- Сыночек!.. Родненький... Сыночек! - выкрикивала Вера Григорьевна, открывая конверт дрожащими непослушными руками.

- Вы что это тут, девочки, шум подняли то?

Дед Алексей вышел из своей комнаты, сняв очки, в недоумении смотрел на плаксиво голосивших женщин.

- Папаня, Марк нашелся! Слышишь, сын мой нашелся! - объявила Вера Григорьевна, подбегая с полу, высыпавшиеся из конверта фотографии.

И вдруг, перестав голосить, подавая свекору фото, подбоченившись, спокойно, твердо сказала:

- Вот он, внук твой, смотри, атаман!

Дед Алексей долго смотрел на фото внука. Марк стоял перед своей, выстроенной в конном строю, сотней. На обратной стороне была сделана надпись: ОТДЕЛЬНАЯ КОННАЯ СОТНЯ ПРИ ПЛАСТУНСКОЙ БРИГАДЕ ИМЕНИ КОНОНОВА. КОМ. СОТНИ СОТНИК М.И.РУДАКОВ.

Дед Алексей любовался и внуком и стрелкой выстроенными дикими конниками.

- Давай-ка другие фото, посмотрим, дочка, - смахнув набежавшую слезу, тихо молвил атаман.

Пересмотрев все фото, повелел читать письмо. Мать прерывала чтение письма плачем. Тетка Маруся тоже стояла всхлипывая.

- Читай ты, Лариса! А вы погодите со слезами-то! - нахмурился дед Алексей.

Лара прочла длинное письмо брата. В его большом письме, со всеми подробностями, был рассказан пройденный путь до самого дня отправки письма. В П.С. было приписано:

"Встречать меня не нужно. Крестный привезет меня прямо из штаба Походного атамана. Он уже все организовал. Лара, знаю, что ты вышла замуж - поздравляю! Боюсь только, что муж твой скоро жаловаться теще за побои начнет. Не бей его крепко, а то я заступаться буду.

Ларушка, это я шучу, конечно. Рад за тебя очень я, сестричка мое родненькая, красавица! А я попрежнему тоскую за синеокой..."

Вера Григорьевна в этот день обошла все семьи станицы. Показывала фотографии, надрывисто, с плачем, перечитывала всем длинное письмо сына. Только к вечеру вернулась домой, уставшая и сильно охрипшая. Утром

Лара разбудила мать:

- Приготовить что-то нужно, мамочка, да и на всю станицу. Давай-ка, вставай будем начинать орудовать. А?

- Нет, доченька, не беспокойся. Я все уже уладила. Каждая семья изъявила желание помочь. Все что-то приготовят и принесут с собой. Так что хватит лакомств на все Войско Донское, а не только на станицу. Ты бы сообщила мужу о приезде брата, дочка.

- Да, я уже звонила в штаб полка. Он знает. Просил позвонить в тот день, когда Марк приедет.

- Ну вот и хорошо, иди пока постирай скатерти, а я потом поглажу. Тетя Маня мне поможет с уборкой в доме. Ступай, дочка!

В четверг той же недели в доме станичного атамана состоялось огромное станичное торжество. Сошлась вся станица. Каждый спешил задать вопрос и почетный гость всех терпеливо выслушивал и давал ответы на задаваемые вопросы. Вера Григорьевна сидела за столом рядом с сыном и восхищалась его, как ей казалось, новой манерой созревшего мужчины говорить с людьми. Быстро замечала малейшие в его движениях и разговоре, повадки, манеры Ивана Алексеевича.

- Весь в отца, - думала, объятая неожиданным нахлынувшим счастьем, мать.

- Слушай-ка, сотник, ты у Батьки служишь, а чай от него может многое знаешь и расскажи нам, будь ласка, какую политику, это значить, генерал Власов проводить, стало быть, за что он стоит, - заикаясь заговорил Антип Турчин. - Тимофеича днем с огнем не найтить, он усе с генералами в разъездах. А мы туточки толь-

ко слухами пользуемся местными, стало быть, брыхачкой местной. Кажон по своему толкует, а толком, я гляжу, ни один ничего не знает. Одни гутарят генерал Власов запродать Россию нашу немцу хочет и стоит против возврата на праведный престол царя нашего русского, православного. Комиссарами, гутарят, красными себя генерал окружил, а самое найгоршее - вроде аж безбожник он, генерал то! Душа болит от речей таких то, а так ли оно дело обстоит? Вот оно что хочу спросить тебя, сотник.

Турчин заерзал под столом искалеченными ногами, как это он обычно делал при сильном волнении, и нервно чавкая, зажевал беззубым ртом, зажатый деснами редкий седой ус, уставился старческими слезившимися глазами на Марка. Притихнув, все тоже обратили свои выжидательные взоры, ожидая, что скажет конововский офицер. Дед Алексей цикнул и погрозил пальцем шумевшим детям.

- Вот именно, уважаемый Антип Иванович, из слов Батьки могу ответить на ваши вопросы. Во-первых, генерал Андрей Андреевич Власов бывший семинарист, глубоко верующий в Бога человек, что и заставило его, во имя Божественных заповедей Христа Спасителя, пойти и прежде всего пойти ради спасения наших людей от голодной смерти в немецких лагерях военнопленных, на союз с гитлеровцами. Во-вторых, не использовать шанс, даже самый маленький шанс, даже весьма сомнительный шанс на успех в борьбе за свержение советской власти при наличии войны, а без войны шансов вообще нет ни каких у нас, это значит, продолжать покорно подчиняться

служить богоборческой власти антихристов - коммунистов. Генерал Власов это прекрасно понимает и вот посему то он и поставил свою личную жизнь, свои способности полководца, свою натуру подлинного народного вождя на карту борьбы. Причем, борьбы необыкновенной, исключительной по своим особенностям в истории войн всего человечества - борьбы между двух огней! Так что, ваши все тут местные суждения о генерале Власове, являются результатом то ли незнания ничего о генерале, то ли результатом умышленного распространения советской пропаганды советскими подпевалами, или же агентами немецкого гитлеровского ненавистника русского народа министра Альфреда Розенберга.

- Пожалуй так и есть, - сразу же согласился Антип Турчин, заерзав под столом ногами.

- Не иначе!

- Что и гутарить! - послышались одобрительные возгласы других.

- Нет, генерал Власов не выступает против управления Россией царем самодержцем равно, как и не против всех других образов правления государством. Он призывает на борьбу народы России исключительно и только против Сталина и советской коммунистической власти. Он не предрешает будущее устройство или систему государственного аппарата России, ибо предрешение, несомненно, вызовет противодействие инакомыслящих. Тогда ему придется воевать не только против коммунистов, но и против, так сказать, нажитых им самим ошибочной своей политикой многих других для себя врагов. Генерал Власов призы-

вает народ наш свергнуть власть коммунистов и, только потом путем свободного голосования народы России выберут себе сами угодную им систему государственного управления.

Марк помолчав, поразмыслив, забелестел задорно улыбкой, добавил:

- А людям и в первую очередь, конечно, казакам, желающим с покон веков видеть правителем России царя самодержца, необходимо будет много поработать над очисткой мозгов у подсоветских людей, отравленных мракобесией Маркса. А если и будет необходимо, то и поступить так, как поступил наш доблестный донской атаман Межаков на Земском Соборе, прикрыв свое "писание", поданное князю Пожарскому, своей кривой шашкой, чем враз привел всех к послушанию и направил Россию на ее праведный исторический путь! Так то, казаки!

- Ай да резанул, казак!

- Ай да молодец, казак!

- Что ни есть слово государственново ума сказал!

- Толково сказано! - разом заговорили все возбужденно, радостно поглядывая на молодого сотника.

- А что же ты, наш достолюбезный сотник, сам думаешь, аль нужен России нашей царь? Ты ето все сказал, как бы от нас усех, а вот, что ты сам думаешь, казак?

Дед Черкас с хитрецей заблестел глазами, разглаживая обеими руками бороду и исподлобья, выжидаючи, пристально посмотрел на Марка.

- А сам я думаю, что не только Россия наша, но и всякое другое государство без ца-

ря, все равно, что действующая на фронте армия без главнокомандующего - непригодная к боевым действиям такая армия, равно, как и тело человеческое без головы! - так же с хитрецей, блестя глазами, ответил Марк деду Черкасу.

- А как же тогда дела опстоять будут с усякими министрами, а их наберется полным-полно! Куда их девать то станем? - не унимался Черкас.

- А за министров "усяких" я вам, казаки, расскажу, что нам наш Батько говорит. А говорит он в среде своих верных офицеров частенько.

- А что же гутарит то он? Сказывай, сотник, поскорее. Слышим мы о Батьке вашем много нашим душам приятного. Сказывай поскорее сотник! - заерзав под столом ногами, сильно заикаясь, не выдержав, проговорил Антип Турчин и утерев слезившиеся глаза грязным рукавом старого истертого пиджака, уставился на Марка.

- А сказывает Батько наш так: - Мы, говорит, сыночки, во главе с вождем народов России, нашим Андрей Андреевичем Власовым с его разумной политикой сокрушим Еську Сталина с его советской властью, - тут Марк перешел на местную станичную речь, - и враз зачем восстанавливать Войска казачьи, начиная, гутарит, со старшего Войска Донского. Ано, гутарит, советская власть, конечно, хотя и выбила голодным мором да расстрелами казаков, да все же процентов с десятков в каждом Войске сохранилось. А Войск у России нашей матушки усех двенадцать було, как вам известно. Стало быть, коль сможим двенадцать

раз по десять, вот те и всех сто двадцать процентов казачков-удальцов соберутся у нас под ружьем. Стало быть, каких два миллиона казачева войска - целая армия! Вот тогда, гутарит Батько, я и заявлюсь в Москву с превеликим войском казачьим своими на сборе усех представителей народов России и вручу, это значить, министрам там усяким "писание" от казаков-строителей и хранителей Великой Святой Руси Православной!

- А какое же оно то писание Батько гутарит будет то? - опять, не выдержав длинного повествования, спросил Антип Турчин.

- А такое же самое, какое атаман Межаков подал князю Пожарскому на Земском Соборе - за царя русскова Православного, за самодержца Государя. Стало быть, полного собственника и хозяина государства своего, так-то и никакого там председателя временого. Вот какое "писание", Батько гутарит, вручит министрам. А ишо гутарит, я и "писание" то казачье, тоже шашкой прикрою, стало быть, к порядку и вразумлению призывающую бунтарей усяких. А особливо, гутарит Батько, шашка казачья на любителей портфелей государственных выымлит действие нужное для их же пользы, конечно, а не только для народной.

- Звеняй, сотник, вопрос не терпит! Перебиваю аж речь твою разумную.

Дед Черкас поднялся со стула и клонясь в сторону Марка, огладив свою покладистую бороду, спросил:

- Царя русского. из дома Романовых, Батько чай замышляет на престол светлый, правдивый установить? А?

- Конечно, из дома Романовых! Так закон

праведный с покон веков на Руси Святой велит!

- А ежели не найдется наследника из дома царя нашего праведнова, царя-мученика, наследника? Вить убили злодеи царя нашего, царицу и деток их. Тут как быть?

Дед Черкас стал взволнованно поглаживать бороду, бросать взволнованные взгляды на всех присутствующих.

- Найдется, Христофор Никадорович, найдется! Есть еще живые наследники русского престола. А если и не станет их, то сами поразмыслите: ведь все двести миллионов россов - ОНИ ВСЕ РОМАНОВЫ! Аль не так?

- Благослови тебя, казак, Господь Бог! Правду гутаришь - ВСЕ РОМАНОВЫ! - воскликнул, сверкая глазами, с радостью дед Черкас.

А за ним и все другие, радуясь мудрому слову, изреченному молодым казачьим офицером.

- А что же с министрами то? - спросил Антип Турчин, метнув гневный взгляд.

- А министров "усяких", Антип Иванович, как людей не любящих частную собственность, мой дедушка Алексей Гаврилович уже давно на историческую свалку отправил. Спросите его, он о министрах много что знает и с удовольствием все вам расскажет о них со всеми подробностями, это точно!

Долго рокотали, довольные ответом Марка, казаки. Покатывались со смеху и казачки, взвизгивая смеялись дети, подростки, уразумев замысел сказанного. Дед Алексей, моргнув усом, довольно улыбаясь, переглянулся с Колосовым.

- От тебя набрался внук твой, Гаврилыч, - шепнул Колосов атаману на ухо.

- Смекалка у него своя. А я только так, помощник небольшой, это и все, - отозвался дед Алексей, умиленно поглядывая на внука.

- Здорово живете!

Все оглянулись, приветливо закивали головами. На пороге стоял муж Лары. По положенному войсковому этикету, молодые офицеры представились, но через полчаса, уже усевшись рядом, как бы старые закадычные друзья, вели дружеский разговор.

- Ты как, Марк, на долго в гости пожаловал?

- Нет, Толя, нет, браток. На пару дней Батько отпустил меня. Дела у нас горячие идут. У вас тут партизаны итальянцы - все больше музыканты. А у нас югославы - все больше головорезы. Воевать с ними приходится, зачастую, довольно серьезно. Зевак ловить нельзя - голову оттяпают, ухащи ребята! А тут вот и наши ребята еще теперь с каждым днем приближаются, вот тут то по-настоящему воевать придется - огневой мощью теперь Красная армия обладает огромной. Да и ребята наши воевать как следует взялись, да и пора уже.

- Да, это так, - в раздумии, опустив голову, проговорил Соколов.

- Братоубийственная бойня начнется, Маркуша! Вот она трагедия в чем, - с печалью в глазах добавил он, понижая голос.

- Этого не миновать, - согласился Марк.

Охватившие их головы мысли о предстоящих сражениях, прервала Лара. Подойдя и сев на колени мужа, заглядывая брату в глаза, спросила:

- Что же сказала тебе на прощание синеокая?

- Сказала, Ларушка, сказала, да не все я услышал. Паровоз так свистанул, что заглушил весь шум на платформе. Я видел, что она что-то говорить продолжает, шевелит губами и идет вдоль платформы следом за поездом. Но не долго я ее видел, поезд стал быстро набирать скорость, расстояние увеличивалось каждую секунду и скрыло ее от меня.

Когда гости разошлись, семья деда Алексея, обсуждая общие и семейные дела, просидела до поздней ночи. Больше говорил дед Алексей. Он долго спрашивал Марка о Батьке, о казаках и офицерах Казачьего корпуса.

- Говоришь Донской атаман генерал Татаркин тоже стоит за царя? Так я тебя понял? - спросил дед Алексей, закусывая ус и испытывающе поглядывая на внука.

- Не только Донской атаман, но и все остальные генералы стоят за возвращение России на ее исторический путь, дедушка. Все они монархисты. Они желают, чтобы все народы России приняли систему управления такую же, какая у нас казаков всегда была. Я хочу сказать, местное народное самоуправление, местная избранная власть. А над всеми народами с избранной ими властью, чтобы нерушимо всегда пребывала власть царя - самодержца. Иначе в стране будет многовластие, или, грубо выражаясь, полный кавардак. Старые генералы эмигранты были в разных странах западных демократий, все видели, поняли и утверждают, что система управления государством, называющая себя демократической системой, по сути есть самообман. Говорят старые наши казачьи генералы, что демократия неизбежно приведет постепенно новое поколе-

ние к полному моральному разложению. А затем, как последствие и к физическому. Новое поколение окажется неспособным к существованию. В странах западных демократий, утверждают старики генералы наши, уже теперь начался массовый отход от Бога, что и приведет народы эти к ужасным последствиям. Я и другие казачьи офицеры говорили с Батькой и он сказал нам, что старые атаманы и генералы не делают себе иллюзий и знают о чем говорят, а нам нужно только слушать их и верить им. Что касается настоящей борьбы против Сталина и Гитлера, то в этом случае, ввиду сложности политической обстановки, мы должны держаться идеи генерала Власова. Другого пути к свержению советской власти у нас нет. Так-то, дедушка!

- Это то так... Это то так... - согласился атаман, моргнув усом.

Дед Алексей замолчал, погрузившись в размышление, а Лара стала рассказывать брату все об организации "комсомольцев в отставке и подпольи".

- Видишь, братушка, какая страшная трагедия постигла наших друзей. Это только у нас в одном городе. А ведь такое же несчастье постигло не только жителей Таганрога, правда?

- Безусловно, Ларушка. Трагедия поистине страшная! Говоришь Эрику и Киру расстреляли чекисты?

Да. Так сообщила нам через Ваню Саркисьяна Наташа Колмыкова. Я не знаю каким путем она передает сведения с той стороны фронта, но сведения ее всегда точны. Организация НТС имеет своих людей повсюду. Эти люди идеалисты и борются, не щадя своих жизней. На-

ташенька моя последняя любимая подружка. Но вот, потеряла я Лиду Петрову, а теперь и Натауля далеко, далеко от нас. Да, впрочем, она на родине, она борется на самом, так сказать, опасном участке нашего фронта.

Лара понурила голову, прижалась к груди мужа и замолчала.

Они еще долго сидели. Разговор то вновь разгорался, то опять прерывался грустью о потерянных друзьях.

На другой день муж Лары уехал в полк. В понедельник, когда Марк собирался к отъезду, а все семья собралась провожать его на вокзал, неожиданно опять явился Колосов.

- Собирайся, крестник. Походный атаман хочет с тобой говорить. Да поживее - кони атаманские нас ждут!

Колосов указал на стоящий экипаж из штаба Походного атамана. Наскоро попрощавшись с родными, Марк впрыгнул в экипаж. Казак женщина с трудом сдерживал серых в яблоках пару жеребцов, топтавшихся нетерпеливо на месте.

- Храни тебя Христос, сынок! - только и успела сказать мать, крестя сына.

- Слухай и делай все так, как повелит походный атаман, а я то уже все сказал, что надо бы было сказать тебе, казак. Езжай с Богом.

Дед Алексей моргнул усом, строго посмотрел на внука.

- Знаю, дедушка. Я все понял и буду делать все, как ты мне повелел. А ты за синюю помолись, дедушка. Твои молитвы Бог услышит, - попросил Марк деда.

- Пиши, Маркушка, - в догонку быстро удаляющемуся экипажу с братом, крикнула Лара.

Тетка Маруся, утирая слезы, шепча молитвы, крестила удалявшихся казаков.

Походный атаман генерал Тимофей Иванович Доманов долго спрашивал Марка о настроении казаков Казачьего корпуса. Внимательно слушал, иногда перебивал рассказ Марка, уточнял смысл сказанного.

Начальник его штаба полковник Владимир Корнилович Стаханов тоже задавал вопросы, внимательно выслушивал, одобрительно кивал головой.

- Ну что же, сотник, езжай. Да, на вот письмецо от меня передай его Батьке вашему. Да смотри, чтобы оно в руки наших "союзников" не попало. Ясно, казак?

С хитрецей улыбнувшись, генерал Доманов протянул запечатанный конверт Марку.

- Слушаюсь, господин генерал! - Марк также с хитрецей заблестел васильковыми глазами.

Поезд из города Толмецо помчал его на Балканы, но через три недели Марк опять перешагнул порог штаба походного атамана - вручил атаману "письмецо" от Батьки. Выслушав повеление атамановское, помчался в Донскую станицу. И опять, спеша, ни минуты не имея времени, стал прощаться с родными.

- Слушай, сотник, возьми-ка ты его с собой. Покою не дает мне. Просит чтобы, это значить, я с тобой погутарил. У Батьки служить хочет. Наслухался разговоров о нем.

Дед Черкас, умоляюще глядя на Марка, подтолкнул к нему его внука Сашку.

- Тебе сколько лет, казак? - с интересом разглядывая, выросшего в юношу Сашку, спросил Марк.

- Семнадцать надьсь исполнилось, госпо-

дин сотник.

Сашка переступал с ноги на ногу, с заметным волнением, смущенно поглядывал на Марка.

- Ну что же, семнадцать лет это уже полноразрядный казак - воин, - покровительственно проговорил Марк, - а мне вот, как раз шустрый вестовой казак нужен. Он у меня был, да тяжело его поранило, в лазарете он где то в Германии. Хочешь на его место, казак? Ты то шустрый. Помню я тебя с детства.

- А то нет! - радостно заблестел глазами Сашка.

- Седлайте ему коня. Давай-ка ты Лариса, - распорядился сотник, минуя распоряжение атамана станицы.

Но дед Алексей, лишь довольно улыбнулся и добавил к распоряжению внука:

- Седлай ему, Ларка, свою кобылицу. Нехай погарцует он на красавице твоей золотистой. А мне моего оседлай, внучка. Я и провожу до вокзала служивых.

- А я с вами, деда. Коней то обратно привести надобно. А?

Лара тряхнула кудрями, просяще посмотрела на деда.

- Давай уж, пострел наш лихой, - согласился атаман, - седлайте Сашке другова коня.

- Ну уж пострел, - улыбнулась Вера Григорьевна, лаская взглядом грациозную, стройно зашагавшую дочь.

- Да, уж пострел, - отозвалась тетка Маруся, - пожалуй, и моей не уступит - два сапога пара они. Чай в тебя пошли, папаня, внучки твои?

Тетка Маруся заодно заблестела антрацитом колмыцких глаз.

Атаман, моргнув усом, ухмельнулся и ни-

чего не ответил невестке.

Когда поезд тронулся и набирая скорость стал удаляться, дед Алексей, сдерживая закобочившего своего горячего карого строевика, наставительно потряс своей нарядной атаманской плетью уезжавшим казакам.

Лара одной рукой натягивая повод, поднимая в дыбки плясавшую под ней кобылицу, в другой высоко держала, вьющейся на ветру, белый платочек.

Поезд, минув Альпийские горы, круто повернул на Юго-Восток, потянул на Балканы...

Х Х Х

XXXXI

Еще в апреле 1942 года начальник генерального штаба армий, генерал-полковник Хальдер поручил Рейнгарду Гелену руководство отделом "Восточных армий". Хальдер видел в лице молодого подполковника (в последствии генерала) Гелена незаурядную личность, в чем нисколько не ошибся.

"Гелен, бывший ожесточенным противником насильственных методов Гитлера, видел возможность победы в России только в честном союзе с русским народом. Он привлек ряд молодых и так же как он настроенных офицеров генерального штаба с фронтовым опытом и знанием России, в том числе ряд балтийских немцев..."

С.Штеенберг, Власов, Изд. Русского Дома в Мельбурне, русск.яз., 1974, стр. 42

Привлеченные Геленом единомышленники немедленно приложили все свои силы и возможности повлиять на Ставку Гитлера отказаться от его цели порабощения народов России и признать российский антикоммунизм союзником Германии. Первым указавшим на совершенную необходимость такого акта был командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Шмидт. С исключительно убедительными фактами он в своем докладе доказал необходимость и даже неизбежность немедленно изменить официальную политику нацистов на Востоке. Однако, доклад Шмидта от 18-го сентября 1941 года, в котором, между прочим, говорилось: "... о возможности подавления большевистского сопротивления изнутри..." был полностью игнорирован Ставкой Гитлера. Его "дерзкий доклад" стал причиной скорого изгнания его из армии.

Однако немецкие фронтовые военачальники пошли дальше:

"Были организованы и полностью вооружены добровольческие батальоны, которые использовались для борьбы с партизанами и обеспечения связи с тыловыми областями. В двух случаях были созданы также крупные русские части, под исключительно русским командованием, которые считали себя ядром будущей русской освободительской армии: "Русская Национальная Армия" (РНА) в Осинторфе, "Русская Народная Освободительная Армия (РОНА) в Локоте. Всего осенью 1942 года под ружьем находилось 800-900 тысяч русских

людей, сражавшихся против советского правительства без того, чтобы это было известно Гитлеру..."

Там же, стр.44

Когда все попытки немецких военачальников добиться успеха путем докладных записок в Ставку Гитлера потерпели неудачи, плюс наказание "за вмешательство в политику", тогда появилась идея выдвижения крупной авторитетной личности из среды военачальников Красной армии, окружить эту личность силами русского антикоммунизма и превратить стихийное движение в движение организованное возглавленное известным, несомненно авторитетным лицом среди всех народов России. Однако новый план немецких военачальников постоянно разбивался о стену - цели гитлеровцев завоевать Россию. Немцы, противники Гитлера, вместе с русскими устали в их борьбе. Атмосфера напряженности, постоянных неудач, разочарования и потеря надежды угнетала их.

"... В этой атмосфере напряженности, разочарований и нетерпения разорвалась, как бомба, весть о взятии в плен Власова. Он был одним из способнейших и популярнейших генералов Красной армии, одним из спасителей Москвы. Его выступление против Сталина могло повлечь за собой чрезвычайные последствия..."

Там же, стр.44

Узнав о пленении Власова, Гелен в первую очередь хотел узнать отношение Власова к Ста-

лину и к коммунистической системе вообще. Для такой миссии нужен был человек, который не только владел бы в совершенстве русским языком, но и знанием подлинных русских интересов, к тому же, был бы человеком безукоризненного такта, благородства и, конечно, был бы искусным дипломатом. Прозорливый Гелен сразу же увидел такого человека в лице капитана Валфрид Карловича Штрик-Штрикфельдта.

Деятельность Штрикфельдта была деятельностью человека ясновидящего в своих действиях спасение человечества от страшного будущего, которое неминуемо придет независимо от того - выиграет войну гитлеровский нацизм или сталинизм. Штрикфельдт не только понимал, но и знал, что пока не будет свобода от коммунистического ига Россия - мир во всем мире немыслим. В деятельности Штрикфельдта Гелен очень скоро увидел, что выбор сделан очень удачно.

"Уже в октябре 1941 года Штрик-Штрикфельдт составил, по поручению штаба фон Трескова и фон Герсдорфа, план создания Русской Освободительной армии, для начала с 200 тысячами добровольцев и полковник фон Тресков, с одобрения главнокомандующего фон Бока, представил его генералфельдмаршалу фон Браухичу и в Главную Ставку фюрера.

Окончательным толчком к составлению этого плана был, адресованный Гитлеру, меморандум русского бургомистра города Смоленска, подписанный десятью видными горожанами, в котором

предлагалась, как предпосылка для скорейшего падения советского правительства, гарантия независимости России, создание национального русского правительства и освободительной армии. В ноябре 1941 года от Кейтеля пришел лаконический ответ: "Политика принципиально не касается армии. Кроме того, фюрер подобные предложения обсуждать не может." (Хейнц Д.Герре, "Дневник", Штрик-Штрикфельдт).

Спустя несколько дней пришел ответ и от Браухича: "Доклад был возвращен обратно, с пометкой на полях: "Считаю решающим для исхода войны"" Вскоре после этого Браухич и Бок были смещены Гитлером..."

Там же, стр.46

Приказы поступающие из Ставки Гитлера несколько не остановили действий Гелена, стремившегося привлечь на свою сторону немецких военачальников с тем, чтобы при их помощи, в конце концов, действовать на Гитлера.

"По желанию Гелена, я должен был в конце июля 1942 года сделать доклад на тему "Русский человек" в широком кругу офицеров ОКХ. Важнейшие тезисы этого доклада были развитие мыслей занимавших меня в штабе группы "Центр" и научно углубленных моими друзьями профессором Ф.Шерке и Ф.Ф. Краузе, сотрудниками института психологических исследований и психо-

терапии Научного общества имени императора Вильгельма в Берлине.

Гелен приказал размножить этот доклад и разослать его официальным путем всем офицерам Генштаба на Восточном фронте.

Наконец то свежий ветер сверху и "те наверху" тоже поняли! - такова была реакция фронта и офицеров в тылу."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд. "Посев" Франкфурт 1975, стр.100-101

Содержание брошюры написанной Штрикфельдтом "Русский человек" не только шло в разрез с брошюрой Геббельса "Унтерменш", но и форменным образом в корне опровергала всю политику гитлеровского министра пропаганды.

"Эти же соображения, а также мысли, содержащиеся в моей разработке - "Наше отношение к русским военнопленным" я излагал, по приказу Гелена, в течении следующих лет (до июльских событий 1944 г.) в моих лекциях на офицерских курсах и на курсах Генерального штаба.

Но вернемся в Винницу. Летом 1942 г. Гелен и Рёнке дали мне новое важное задание, за выполнение я боролся, вкладывая все свои силы, почти до конца войны."

Там же. стр.101

Смелые, решительные и в то же время умелые действия с какими боролись немецкие друзья Освободительного движения народов России,

против Сталина и Гитлера одновременно, можно уподобить идущему через пропасть человеку по тонкой веревке, могущей в любую минуту оборваться! Но несмотря на все старания Гелена и многих немецких военачальников заставить Гитлера (посредством фактов совершенно явных) обратить внимание на необходимость организации Организованного Освободительного Движения из народов России Гитлер попрежнему отвергал. Когда генерал Гелен представил начальнику Генерального штаба Цейтлеру памятную записку, в которой указывались факты успеха ведения "политической войны" при сотрудничестве с российским антикоммунизмом, Цейтлер, не имея веса у Гитлера, сам в то время толком не разобрался в русском вопросе и попрежнему "бомбежка" Ставки Гитлера немецкими фельдмаршалами и генералами оставалась безрезультатной.

Однако, совершенно иначе реагировал на действия опозиционеров Гитлера Сталин. Советская пресса, после того, как Власов попал в плен, объявила его мертвым - убит немцами, но когда эта версия начала становиться не только ложью, но и действовать против самой себя, советская пропаганда начала клеймить Власова "предателем", наемником Гитлера и т.п., эпитетами, на которые советская пресса всегда была так щедра. По приказу Сталина "ликвидировать власовский миф", советский генерал Щербаков направил своих агентов с заданием убить Власова.

"С этой целью были направлены агенты. Один из них, еще весной 1943 года был сброшен на парашюте на оккупированную территорию и был взят в плен сражавшейся на немецкой сторо-

не русской частью. Его доставили к Малышкину и Зыкову и он не только рассказал о своей миссии, но и сообщил подробности об акциях Щербакова.

По настоянию Власова, его помиловали. Но Желенков и Зыков потребовали все же интернировать его в лагере военнопленных, так как хорошо знали, какого сорта агенты есть в распоряжении Щербакова. В течении лета 1943 года были пойманы еще два агента. В связи с этим стоит упомянуть, как об особом случае, о кухарке Власова, Марии Игнатьевне Вороновой. Она оставалась около Власова до самого его пленения, а затем, в Минске скрылась. Там ее завербовали агенты НКВД и она получила задание пробраться к Власову. Она явилась в Берлин. Власов сообщил нам, что она должна была его отравить. Она призналась, была прощена.

Гелен и Ведель в своих донесениях неоднократно указывали на реакцию советской власти и на причины новой советской пропаганды. Но и подтверждение значения Власова со стороны Кремля, ничего не изменило в политических установках нацистского руководства.

В действительности то, что хотел сделать Сталин, делали за него Кейтель и Розенберг - личность Власова полностью замалчивалась..."

(Фраза выделена мной - К.Ч.)

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд. "Посев" Франкфурт 1975, стр.233-34

Однако Гелен и его единомышленники продолжали борьбу. К Власову находящемуся все еще на положении военнопленного, явился посланник Гелена - капитан Штрик-Штрикфельдт. Очень осторожно, но исключительно разумно Штрикфельдт в своих разговорах с Власовым наталкивал его на мысль необходимого и даже никак не неизбежного возглавления им, Власовым, организованного Освободительного движения, которое начинало заражаться стихийно, цепляясь за малейшие шансы, но цель которого, как понял Штрикфельдт, соответствовала Божественным заповедям. Власов все еще сомневался: действительно ли он подходил для возглавления Русского Освободительного движения? И можно ли политикой "малых шагов" когда-нибудь дойти до намеченной цели? Однако не стать на путь борьбы Власов не смел и не только ради спасения военнопленных от смерти и голода.

"При всех этих размышлениях я ощущал силу заповеди, которой я следовал после Первой Мировой войны, а особенно во время моей деятельности при Красном Кресте. И я сказал Власову:

- Не знаю, доживем ли мы до политического успеха, но разве только политика определяет наши действия? Если ОКХ лишь наполовину поддержит наши планы, то мы безусловно увидим, как сильно улучшится жизнь русских

военнопленных, многие из которых еще и сегодня умирают голодной смертью. Этой цели на службе людям согласно Божественным заповедям, мы добьемся во всяком случае!

- Вы правы. Ради одной этой задачи оправдана наша политика, - откликнулся Власов.

Только честолюбец, или одержимый стремлением к власти никогда не понял бы меня. Но для Андрея Андреевича Власова служение в высшем смысле этого слова, было заповедью его жизни, и он остался верен ей на всех этапах дальнейшего трагического развития событий."

В.Штрик-Штрикфельди, "Против Сталина и Гитлера", Изд."Посев", Франкфурт 1975, стр.123-24

Мог ли Власов - бывший семинарист отвергнуть заповедь Господню? Мог ли он пренебречь делом на которое подталкивал его Штрикфельдт, зная, что из четырех миллионов русских попавших в плен к немцам, еще в начале войны в 1941 году, три миллиона умерли от голода, болезней и просто замерзли будучи взятыми в плен в летнее форме или даже в одном белье, спящими в бараках. Три миллиона умерло только за зиму 1941 года. А после 1941 года, сколько мертвых русских военнопленных немцы брали и тащили,бросая на огромные груды мертвецов? - Власов знал это! Нам думается, что для людей хотя сколько-нибудь обладающих человеческой гуманностью, вопрос и ответ ясен и определен. Нам также думается, что такой вопрос непонятен и, может быть, даже не умест-

ный для людей в положении - "сильных мира сего". Но грядет Божий Суд и "сильным" придется дать ответ Богу!

- Что? Не верите, "сильные"?

- Подождите, поверите!

После полученного согласия Власова стать во главе Движения, русские и немецкие антикоммунисты и антинацисты стали еще с большой силой и энергией рваться к цели - добиться от гитлеровцев разрешения на организацию Организованного Освободительного движения.

Потоки докладных записок и меморандумов полетели во все администрации нацистов. Генерал Гелен и вся оппозиция гитлеровцев "клуб" все фронтовое командование не переставала бороться за немедленное и коренное изменение восточной политики, но каждый их шаг, каждая новая попытка попрежнему натывалась на законрешую преступность гитлеровцев.

Однако, начальник штаба управления экономики и вооружения ОКВ главного командования Вермахта, генерал Штафф, после встречи с Власовым, немедленно, на свою личную ответственность и риск быть выброшенным из армии, издал категорический строжайший приказ в сфере его управления о хорошем отношении к русским и всем восточным рабочим - "Остарбайтерс".

Х Х Х

XXXXII

Гелен в поиске все новых и новых веских аргументов прибегает к очень вескому акту:

"Наконец, Гелен оставил в Генеральном штабе докладную записку о партизанской проблеме. (Он вызвал меня в штаб и я почти всю ночь читал ее). В ней он требовал использования существующих уже отрядов из местных жителей и, как предпосылки для этого, радикальной перестройки всех наших взаимоотношений с русскими. (При этом он основывался на моем меморандуме "Русский человек"). Он сделал и дальнейший шаг: попросил через меня Власова, "как союзника", дать ему заключение о партизанской проблеме и об общем военном положении Советского Союза".

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд. "Посев", Франкфурт 1975 г. стр.162-63

Однако и этим действиям гитлеровцы не давали ходу, и действия, как таковые, оставались небольшие, как полумерами.

Параллельно с этим шагом Гелена, поступает инициатива от полковника Генерального штаба, барона Алексиса фон Рённе, призывающая прибегнуть к возрождению старого плана деятельности "Русского Освободительного Комитета в Смоленске", одобренного в то время штабом группы армии "Центр", но тогда же категорически отвергнутого гитлеровцами. У Гроте эта мысль развила весьма замыслова-

тую попытку заставить гитлеровцев открыто признать факт существования Освободительного Движения народов России. У некоторых это вызвало сомнение в успехе. Но, воодушевленный новой идеей, Гроде составил текст листовки с 12-ю пунктами, включающими политическую программу, в которой, однако, не накладывалось никаких обязательств на германское правительство. Рёнке из всех сил торопил начать эту листовочную акцию. Власов из-за того, что в листовке преобладала какая-то расплывчатость и неопределенность, наотрез отказался принять какое-либо участие в этой листовочной акции.

"Было лишь одно единственное исключение: особенно опытный, с точки зрения политики и тактики, Зыков поддержал мысль Гроде о том, чтобы поставить германское правительство перед свершившимся фактом, то есть начать уже говорить от имени Русского Освободительного Движения. Он утверждал: "Дайте только джину выскочить из бутылки, а он уже срабодает."

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд."Посев", Франкфурт 1975, стр.165

Власов в начале отвергнул эту акцию, стал прислушиваться к убедительным речам Гроде, так и Зыкова, заверяющих его, что никакими-либо другими маневрами не удастся прижать гитлеровцев к стенке в их упорстве. В конце концов, Власов должен был согласиться с этим актом. Ибо фактически Освободительное Движение Народов России началось с первых же дней

буквально с первых часов войны. Оно не заглохло, а наоборот, несмотря на все препятствия жило, пробивалось, ширилось и растекалось все дальше и дальше. Во всяком случае, Движение было налицо. Не признавать этого факта не приходилось. В оповещении населения о том, что Движение существует фальши не было, а была лишь новая уловка заставить признать факт наличия Движения борющихся против него гитлеровцев.

"Зыков переработал 13 пунктов, внеся туда призыв к населению. Это все еще была политика "малых шагов", но в данное время то был единственный новый возможный шаг."

Там же, стр.165

Листовка эта была встречена в штабы начальником ОКВ/ВПр, генералом Веделем. Он боялся начать акцию без разрешения Розенберга, а последнему Гитлер, как и всем другим, запретил не то что говорить о "власовском деле", но и думать. Но совсем неожиданный случай решил дело: Штрикфельдт случайно встретился с доктором Р., который был личным доктором Розенберга.

Доктор Р. прекрасно владел русским языком, встречался с Власовым и полностью разделял его мнение. Еще до подписания листовки Розенбергом, доктор Р. поспешил поделиться новым замыслом с Штрикфельдтом.

"В ночь на 12 января 1943 года меня неожиданно пригласили на квартиру доктора Р. Он изложил мне свой авантюрный план в отношении листовочной акции.

- Все успехи Третьего рейха основаны на внезапности нападения, - сказал он. - Завтра, в день рождения Розенберга, я намерен внезапно напасть на него с воззванием Смоленского комитета.

Это заявление доктора показалось мне хвастовством. Но утром зазвонил телефон в моем кабинете в ОКВ/ВПр на Викторияштрассе и знакомый голос доктора Р. заговорил по-русски:

- Говорит чертова бабушка. Только что подписанно согласие министра на печатание и распространение воззвания. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь забрать документ сразу же, пока высокопоставленная персона не изменила своего решения. Это вполне вероятно! Значит нужно действовать быстро, очень быстро!

Гроте, бывший также и связным офицером от ОКВ/ВПр с Восточным министерством, быстро отправился и очень скоро вернулся - с разрешением министра в кармане..."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд. "Посев", Франкфурт 1975, стр.167-68

С лихорадочной быстротой листовка была напечатана огромным тиражем и немецкие самолеты сбросили листовку, как по одну, так и по другую сторону фронта "сбились с курса" сообщили потом. А на самом деле немецкое фронтовое командование давно уже жаждало разумных шагов и всеми способами содействовало распространению листовки по обоим сторонам

фронта. Во многих местах само население размножило текст листовки, написанный от руки. Где имелись типографии, печатали и распространяли листовку большим количеством. Люди читали и радовались, не допуская мысли, что и на это раз их чаяния не сбылись, однако, листовка достигла своей цели - гитлеровцы должны были признать факт: против их воли, в их "царстве", несмотря на их строгие запреты, образовалось многочисленное и мощное по своему духу, Русское Освободительное Движение.

"Теперь джин выпущен из бутылки и пусть они попробуют загнать его внутрь, - заметил Зыков и выразил этими словами не только надежды, но и некоторое злорадство власовских кругов. В самом деле, день "Смоленской прокламации" может рассматриваться, как день зарождения Русского Освободительного Движения, ибо тогда всем, кто готов был бороться против Сталина и его режима была дана ясная программа, в которой, в первый раз, было сказано не только против чего надо бороться, но и чего следует добиваться..."

С.Штеенберг, Власов, Изд. Русского Дома в Мельбурне, русск.яз., 1974, стр. 78-79

Розенберг рвал и метал, но ни доктора Р. ни кого другого не шлепнули и даже не арестовали. Русским приходилось только удивляться, что такие проделки возможно проделывать у Гитлера, у Сталина что-либо подобное - было не мыслимо!

Вскоре инициаторы и составители листовки - воззвание Смоленского Комитета прочли приказ:

"Воззвание Смоленского Комитета предназначено только для сбрасывания на территории противника! Распространение его по эту сторону фронта воспрещено! Виновные будут наказаны!"

Розенберг и Кейтель, из страха перед Гитлером, вновь договорились между собой."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера, Изд."Посев" Франкфурт 1975, стр.169-70

У Власова и окружавших его соратников этот приказ, уже в который раз, вызвал чувство негодования и обреченности.

Время шло, а Гитлер и его сатрапы не подавали никакой надежды на признание русского антикоммунизма борющегося за свободу России.

Однако, воззвание Русского Комитета в Смоленске привело, как и ожидалось, к огромному успеху. Жаждающие какой-либо надежды избавиться от ига Сталина, солдаты и командиры Красной армии ответили на воззвание участвовавшими переходами на немецкую сторону, особенно на участках группы армий "Центр". Поднялось настроение и у несчастных, подавленных "хиви".

Продолжая последовательно политику "малыми шагами", цель которой было накопление, как можно больше, русских сил на немецкой стороне, чтобы, когда придет момент - Гитлер пойдет на согласие или его уберут -

помочь Власову организовать в большом размахе Освободительное Движение, (а для этого уже есть наличие русских сил). Генерал Гелен, полковник Рёнке и все ближайшие и соратники из Генерального штаба ОКХ, решили сделать следующий шаг. Они успешно уговорили командующего группой армии "Центр", фельдмаршала фон Клюге разрешить им устроить приезд Власова на прифронтовую полосу и выступить там, как перед населением так и перед добровольческими частями. Начальник отдела пропаганды штаба группы армий "Центр" майор Кост взял на себя подготовку поездки Власова и подготовил все весьма успешно. Все было сделано исключительно умело, такт был проявлен весьма тонко. Гитлеровцы проморгали эту уловку своей оппозиции, а последние торжествовали, видя с каким восторгом, радостью и надеждой встречают везде Власова. Собор в Смоленске переполнен тысячами молящихся русских людей и среди них - их русский генерал Власов. Затем выступление Власова на массовых митингах, в городском театре Смоленска, приводило людей к ликованию, доходящему до иступления - вот оно то, что мы ждем! - проносились восторженные мысли в головах русских людей.

Когда Власов прибыл в город Бобруйск, руководитель местной радиостанцией, немецкий офицер, несмотря на то, что неблагожелатели поездки Власова уже стали понимать допущенную ими ошибку, и запретили выступление Власова по радио, на свою ответственность и отчаянный риск, объявил по радио, что в данный момент на радиостанции находится почетный гость:

"Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобожденным областям и передает свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера, Изд."Посев", Франкфурт 1975, стр.201

"... Мы посетили один казачий полк. Большинство личного состава - бывшие красноармейцы, офицеры - старые эмигранты. Власова поразило дух товарищества, царивший в этом полку, несмотря на разнородный его состав. Перед отъездом Власова, командир полка (эмигрант) задал генералу вопрос: - как он относится к эмигрантам? Ответ Власова: - Мы все боремся - быть или не быть! Каждый, кто готов рисковать жизнью в борьбе против Сталина - наш союзник и товарищ, каково бы не было его происхождение. Но если кто-нибудь примыкает к нам из чисто личных и эгоистических побуждений - будь то желание получить обратно свои бывшие владения или же стремление хорошо пожить у немцев, как некоторые из бывших красноармейцев, - то таким не место в наших рядах. Ответ Власова был встречен бурными аплодисментами."

Там же, стр.202

В Могилеве, где Власов посетил полк Кононова, казалось, что нет границ восхищения

Власова, как составом полка, его выучкой, слухами идущими среди населения о боеспособности полка, так и командира этого полка. Власов сразу же увидел в Кононове, как своего ближайшего сотрудника, так и опытного военачальника. В этом разговоре с Кононовым, Власов уже в то время думал о нем, как о будущем командующим казачьей армией, если создание таковой удастся достичь. Власов был очень тронут, когда к нему подошел один казак и сказал, что он бывший боец его знаменитой 99-й дивизии Красной армии. Простой, душевный разговор Власова вызвал сильное впечатление у казаков и казачьих офицеров Кононова, да еще после того, когда сам Батько, уже после того, как Власов уехал, сказал:

- Мои славные сыны, мы удостоились видеть и говорить с подлинным вождем нашего народа.

"Поездка Власова длилась три недели. Он выступал в деревнях, в городах и в добровольческих частях. Везде его встречали восторженно и его выступления вызвали подъем настроения, оживление почти уже угасших надежд.

Особенное впечатление оставило его посещение казачьего полка Кононова в Могилеве."

С.Штеенберг, Власов, Изд. Русского Дома в Мельбурне, русск.яз., 1974, стр. 85

Генерал Гелен и Рёнке и все другие остались довольны достигнутым успехом и они продолжали еще интенсивнее действовать, видя

также, что и сам Власов доволен встречей со своими людьми. Он убедился, что все пережитое им самим было не даром, что путь на который он встал - верен. Власов незамедлил вместе со своими ближайшими сотрудниками написать меморандум, в котором предъявлялись конкретные требования.

"Он составил меморандум с целым рядом требований, среди них - отказ от колониальной политики, признание Русского Освободительного комитета и создание Русской Освободительной армии под русским командованием, непредрешение вопроса о новом порядке после освобождения от сталинского режима. Этот меморандум был вручен Гроте в ОКВ/ВПр для передачи дальше по начальству. "Требования" Власова, из тактических соображений переименованные капитаном Гроте в "предложения", последний передал генералу Веделю и снова в Восточное министерство. Там их, очевидно и "замариновали".

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд."Посев" Франкфурт 1975, стр.202

Розенберг не хотел раздражать Гитлера "русским делом", да и сам продолжал быть ярким противником. Однако, Гелен и "клуб" продолжают действовать. В результате различных комбинаций политических и дипломатических шагов им удастся при помощи русского окружения Власова, убедить его прибегнуть к новому акту - написать Откры-

тое письмо - обращение к народам России, в котором объяснить причины, побудившие его - Власова, стать на путь борьбы с большевизмом. После многих и долгих совещаний со своими ближайшими сотрудниками, Власов решил написать Открытое письмо к народам России, которое впоследствии стало историческим документом Освободительного Движения. Убедительными были слова одного из присутствующих на совещании, сказавшим:

"В конце концов, несмотря на все поражения, немцы еще занимают русскую территорию с 60-70 миллионами русских людей. Это наши люди. Нужно вырвать их у немцев. А военнопленные и остовцы? Только мы можем помочь им. Мы, Андрей Андреевич, - единственная русская ячейка. Только мы одни можем сейчас поднять голос России здесь и в нашей стране и распространять идеи свободы."

Там же, стр.211

Упоминание о военнопленных, всегда сильно действовало на Власова. Ведь он, в самом начале и пошел на предложенные Штрикфельдтом действия во имя спасения военнопленных от голодной смерти. Это, очень и очень сильно действовало на Власова. Штрикфельдт, присутствовавший на совещании, сказал, что если бы он был не немец, а англичанин, то в таком случае, он - Власов со своим штабом жили бы в одном их лучших отелей.

"Без сомнения, умные британцы выложили бы вам на стол не только виски и сигареты, а и чек для вашего ко-

митета - с многозначной цифрой фунтов стерлингов. Будьте рады, что немцы столь порядочны, или столь глупы, что до сих пор всего этого не сделали. Вас никто не может упрекнуть, что вы продались немцам. Ни клочка той одежды, что на вас вам не выдали немцы - и даже новые очки все еще не готовы.

(Штрикфельдт из своего кармана заплатил за сшитые черного цвета брюки, коричневый мундир и шинель с генеральскими красными отворотами. Никаких погон и различий Власов не носил, за исключением русской национальной кокарды. Это одеяние и сменило оставшиеся на нем лохмотья от советской военной формы)

"... Он внимательно меня выслушал, а потом сказал:
- Вы правы. Но это не политика великой державы. Если германское правительство думает такими методами покорить Россию и даже весь мир, - это просто смешно.
Затем Власов и Зыков уселись вместе. Власов рассказывал, и из-под блестящего пера Зыкова возникло знаменитое Открытое письмо, которому Власов позднее был обязан своей большой популярностью во всех слоях населения. Место туманного комитета заняла одна личность. Она стала воплощением идеалов и надежд..."

Там же, стр.211

В Открытом письме Власова "Почему я стал

на путь борьбы с большевизмом" говорится только о "союзе с германским народом", также и позднее в Пражском манифесте КОНР, но отнюдь ни слова не говорится о каком бы то ни было союзе с гитлеровской национал-социалистической партией. Ни слова о компромиссе с гитлеровским режимом, в смысле зависимости от этого режима или самого Гитлера, в письме нет! Открытое письмо Власова для россиян было подобно тому, как задыхавшемуся без воздуха человеку подали чистый, оживляющий его кислород. Письмо, отпечатанное на немецком языке, Гроте приказал распространять среди немецких военачальников и всей армии - теперь все немцы знали - в русском генерале Власове, в его деле - спасение их Германии.

Х Х Х

Вскоре Гелен и "клуб" организовали поездку Власова в группу армий "Север", состоявшуюся в середине апреля 1943 года. Фельдмаршал фон Кюхлер, и особенно генерал Линдемани, с радостью встретили Власова. Реакция населения, а также добровольческих частей, была та же, что и при поездке в группу армий "Центр", но случилось так, что Власов в своей речи к народу, указывая в сторону Петрограда, сказал, что после свержения коммунизма в России, мы - русские, вернем этому городу его старое имя. (В это время гитлеровцы все еще считали Петроград своей неотъемлемой собственностью). А в разговоре с женой Штрикфельдта, Власов за ее доброту и жертвенность, которую она оказывала русским и ему лично, сказал:

"Я бы хотел, Адель Эрнестовна, быть вашим гидом в этом прекрасном городе, который вам пришлось покинуть маленькой девочкой в начале Первой Мировой войны." (Как немецкой подданной. - В.Ш.-Ш.)

Там же, стр.221

Со многими немецкими военачальниками и рядовыми офицерами Власов говорил с искренней откровенностью и радушно заранее обещал пригласить их в освобожденную столицу Петра Великого.

"Враги Власова немедленно использовали положение. - Этот наглый русский чувствует себя уже правителем независимой России! Безобразие!

Там же.

Смелые, откровенные речи Власова, после того, как полетели доносы в Ставку Гитлера, привели к неудаче новую попытку Гелена и "клуба". Кейтель прислал угрожающий приказ:

"Ввиду неквалифицированных, бесстыдных высказываний военнопленного русского генерала Власова во время поездки в Северную армию, происходившую без разрешения фюрера и без моего ведома, приказываю перевести русского генерала Власова немедленно, под особой охраной, в лагерь для военнопленных, который он не смеет покидать. Фюрер не желает больше слышать имени Власова. Впредь оно может, если этого требует обстоятельства, использоваться для чисто

пропагандных целей, для проведения которых требуется имя, а не личность генерала Власова. Если же генерал Власов еще раз выступит где-либо лично, то следует позаботиться о том, чтобы он был передан тайной государственной полиции и обезврежен."

С.Штеенберг, Власов, Изд. Русского Дома в Мельбурне, русск.яз., 1974, стр.107

Однако, Гелен и "клуб" и не думали капитулировать. Они продолжали бороться, не теряя накала и не теряя надежды.

"... Тем временем военные круги поддерживавшие Власова, не собирались без дальнейшей борьбы подчиниться приказу Кейтеля. 14-го мая состоялось совещание, в котором приняли участие граф Шенкендорф, фон Герсдорф, фон Тресков, Гелен, Шмидт и фон Альтенштадт. Было решено привлечь на свою сторону генерала Вагнера и полковника Фрейтаг фон Лорингхофена для устройства совещания между представителями Генерального штаба и уполномоченными представителями Розенберга, чтобы подготовить совместное выступление перед Гитлером. Служебный путь к Гитлеру, через Кейтеля, был закрыт. Оставался теперь путь через Розенберга. Розенберг, несмотря на многие возражения, согласился на совещание, и оно состоялось 25-го мая 1943 г. в Маурвальде, резиденции Генераль-

ного штаба армии. От министерства для занятых областей в нем принимали участие доктор Брейтигам, профессор фон Менде и доктор Кньюфер. Генеральный штаб был представлен 20-ю офицерами, генералами Вагнером, Хельмихом и Геленом во главе. Перед Вагнером громоздилась гора меморандумов, жалоб и просьб от всех армий с требованием проведения, наконец, положительной восточной политики. Сверху лежало обращение, составленное фон Тресковым и подписанное генерал-фельдмаршалом фон Клюге. В нем еще раз суммировались все аргументы, и беспощадно доказывалось, что война будет проиграна, если в восточной политике не будет немедленно совершен поворот. Точку зрения офицеров Генерального штаба Шмидт фон Альтенштадт суммировал, под конец совещания словами: - Кого Бог хочет наказать, у того отнимает разум. Розенберг, после доклада Брейтигама, согласился сделать доклад Гитлеру."

Там же, стр.108-109

Согласие Гитлера, о котором писал Кейтель в своем приказе с употреблением имени Власова, то есть, с единственной пропагандной целью в пользу Германии, и ни в коем случае для пользы Освободительного движения, для самого Власова было ужасной трагедией. Гелен, зная это, как-то хотел утешить Власова и подать хотя бы какую-либо малейшую надежду на изменение в лучшую сторону в будущем.

Он решил переговорить с Штрикфельдтом.

"Генерал Гелен задал мне вопрос:

- Как будет реагировать Власов?

- Я должен, - сказал я, - переговорить с ним открыто. Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключенное между мной и Власовым.

- Фюреру, - заметил Гелен, - Власов не нужен, но нам всем он очень нужен. Скажите ему это.

Объяснение с Власовым произошло в присутствии Малышкина и Делингхаузена, на активную помощь их я всегда мог рассчитывать. Эта новость была самым тяжелым ударом, поразившим Власова с тех пор, как он связал все надежды своего народа с германской поддержкой. Теперь он знал правду. Власов сказал:

- Я всегда уважал германского офицера, насколько я его знал, за его рыцарство и товарищество, за его знания дела и за его мужество. Но эти люди отступили перед лицом грубой силы; они пошли на моральное поражение, чтобы избежать физического уничтожения. Я тоже так делал! Здесь то же, что и в нашей стране, - моральные ценности попираются силой. Я вижу, как подходит час разгрома Германии. Тогда поднимутся "унтерменши" и будут мстить. От этого я хотел вас предохранить... Я знаю, что будут разные оценки нашей борь-

бы. Мы решились на большую игру. Кто однажды уловил зов свободы, никогда уже не сможет забыть его и должен ему следовать, чтобы не ожидало его. Но если ваш "фюрер" думает, что я соглашусь быть игрушкой в его захватнических планах, то он ошибается. Я пойду в лагерь военнопленных, в их нужду, к своим людям, которым я так и не смог помочь. Власов был потрясен и подавлен. Я попытался ободрить его, передав ему слова Гелена."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд."Посев", Франкфурт 1975, стр.235-36

Подавленность, горькое сознание безвыходного положения и в то же время сознание, что миллионы русских людей уже давно вверили ему свои жизни и ждут его помощи, одолевали днем и в бессонные ночи Власова. В один из этих трагических дней к нему пришли все его ближайшие сотрудники.

"Власов разговаривал со своими ближайшими сотрудниками, в том числе с Трухиным и Зыковым, и сообщил им о своем решении вернуться в лагерь военнопленных. Оба, в особенности Зыков, пытались уговорить его отложить свое решение. Зыков сказал: - Ведь мы русские заговорщики, а не немцы. Нам должно быть безразлично, что о нас думают немцы. Мы верим, что служим народу с чистым сердцем и чистыми руками. Вопреки Сталину

и вопреки Гитлеру! Наша вина, как сказал генерал Мальшкин, заключается в нашем стремлении к свободе. Если вы теперь выпустите из рук поводья, на ваше место придут соглашатели. Это было бы концом борьбы за свободу русского народа. Оставьте иллюзии, Андрей Андреевич! Есть и среди русских нацисты еще большие, чем немецкие национал-социалисты. Они только и ждут вашего ухода, чтобы сесть на ваше место. Они соревнуются между собой в поддакивании немцам. Уже можно слышать, как они сходятся на погромном кличе черносотенцев: "Бей жидов - спасай Россию"! Если эти черносотенцы придут к власти - горе русскому народу! Есть и такие, кто преследует собственные, сомнительные цели. Они не верят в свободу для России, и они продаются немцам. Ни вы, Андрей Андреевич, и никто другой в нашем небольшом кругу заговорщиков этого никогда не сделает! Всегда скупой на слова, Трухин заметил:

- Гитлер показал свое подлинное лицо. Русское Освободительное движение может теперь рассчитывать только на себя и на немногих немецких друзей, которые останутся с нами. Наше Движение будет жить, пусть даже оно принесет плоды уже, может быть, тогда, когда нас не будет. Тогда Власов попросил несколько дней на размышление..."

Там же, стр. 239-241

Как бы на помощь и в критическую минуту уговорить Власова, Трухину, Зыкову и другим его соратникам пришло совершенно неожиданное сообщение.

Штрикфельдту позвонил один немецкий генерал.

"...мне позвонил генерал, которого я знал лишь по имени. Он спросил меня, нельзя ли устроить, совершенно незаметно, его встречу с Власовым. Как место встречи, он предложил служебный кабинет одного профессора Берлинского университета. Власов дал свое согласие. Мы явились в гражданской одежде, немецкий генерал был в полной форме и при орденах. Генерал представился и сказал: - Я думаю, что после всего происшедшего у вас нет больше желания и дальше поддерживать стремя для этого правительства.

Власов резко возразил:

- Я никогда не держал стремени ни для вашего правительства, ни для вашего фюрера. В интересах моего народа и его свободы я работал с немцами, поскольку я был убежден, что немцы тоже хотят свергнуть Сталина. Я пошел тем же путем, что и Черчилль с Рузвельтом, когда они стали союзниками Сталина, или, если хотите, Сталин в своем союзе с Черчилем и Рузвельтом.

- Точно, - заметил немецкий генерал, - я вас вполне понимаю и поэ-

тому я прошу вас сейчас не сдаваться.

Власов хотел что-то возразить, но генерал продолжал:

- Я знаю все. Сегодня я могу только сказать, что не исключено преобразование или смена германского правительства. Не исключен вопрос о назначении нового Верховного главнокомандующего. Тогда нам понадобится ваше сотрудничество и помощь, генерал Власов. Даты я вам также не могу сказать, но я прошу вас доверять мне, как я сейчас доверяю вам. В начале нашего разговора я не ставил никаких условий, но теперь, при окончании нашей встречи, я прошу сохранить в полной тайне сказанное мной, а также и мое имя. Все сказанное должно остаться между нами тремя.

Говоря это, он протянул мне руку, как бы скрепляя тем свою уверенность и в моей лояльности. После минутного молчания, Власов сказал:

- Я уже отчаялся во всем, но я думаю, что понял вас, генерал, и я буду пытаться работать дальше. Я благодарю вас за доверие!

Весь разговор длился едва ли более двадцати минут. Порознь вышли мы из помещения. Мы были уже в нашем маленьком "фольксвагене", когда генерал, не оглянувшись, сел в свой "мерседес".

Там же, стр.238-239

Генерал сказал как раз то, что в июне 1943 года граф фон дер Шуленбург, сказал генералу Штейнеру: "Мы должны будем ухлопать Гитлера, прежде, чем он окончательно погубит Германию".

Немецкие военачальники не видели больше никакой возможности повлиять на Гитлера - пробудить в нем совесть, и они решили прибегнуть к физическому уничтожению Гитлера. Однако, Власова заставила не надежда на то, что удастся или не удастся устранить Гитлера от власти, а сознание того, что теперь не тысячи глаз его солдат смотрели на него, как там в волховском "мешке", (ради которых он и остался и попал в плен), но миллионы глаз его народа смотрели на него с тревогой, волнением и надеждой.

Мог ли он отнять у этих людей последнюю теплившуюся надежду в их сердцах?

Мог ли он бросить их всех и уйти?

А ответственность перед Богом?

Нет, не мог!

Власов решил идти бороться.

XXXXIII

Исключительно явно приступные цели гитлеровцев, пытавшихся использовать Власова и его Движение, вскрываются в разговоре Власова с одним из близких друзей Гитлера, которого Гитлер считал своим "самым большим идеалистом", рейхелейтером доктором Робертом Леем, через которого была сделана попытка подей-

ствовать на Гитлера - доказать ему пагубность проводимой им политики. Разговор этот заслуживает внимания, ибо в этом разговоре вскрывается предлагаемая Власову прступная авантюра, которая могла бы изменить не только ход войны, но и сложившуюся после войны историю всего человечества. Однако Власов отверг авантюру гитлеровцев, и уже не в первый раз.

"Тяжелое впечатление произвел на нас разговор Власова с рейхслетером доктором Леем, но и он заслуживает передачи. Разговор этот принял характер острого спора.

- Офицер из ОКХ в качестве переводчика? - спросил Лей еще прежде, чем мы заняли места. - Плевать мне на это ОКХ! - добавил он и сказал, обращаясь ко мне: - Не в обиду будь сказано, у меня свой переводчик. Власов не любил чужих переводчиков, он опасался неточной передачи своих слов. Но переводчиком у Лея был мой петербургский школьный товарищ Пауль Вальтер, который тотчас же мне порусски шепнул:

- Не беспокойтесь, я уже знаю...
Все знаю.

Я мог на него положиться. Для Власова эта интермедия не прошла, конечно, незамеченной. Начиная разговор, Лей спросил: - почему генерал, награжденный орденом Ленина и другими советскими орденами, теперь борется с большевизмом? Власов стал подробно рассказывать о своем рево-

люционном настроении в 1918-20 годах, о своем участии в борьбе с белогвардейскими генералами Деникиным и Врангелем и о своей вере в народ и в дело революции.

- Когда я сегодня обо всем этом вспоминаю, я спрашиваю себя, может быть, те генералы были такими же подлинными русскими патриотами и борцами за свободу, как мы.

Он, раздумывая, помолчал, а Лей, который до сих пор слушал, заявил:

- Это все меня не интересует, что вы рассказываете, было уже давно. И он просил Вальтера передать генералу, чтобы тот говорил более коротко."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд. "Посев", Франкфурт, 1975, стр.267-68

Власов стал рассказывать о советской системе террора и страха и о своей службе в Красной армии, затем о своем пребывании в Китае в 1938-39 годах. Лей хотя и с нетерпением, но слушал, но когда Власов стал говорить о проблеме "восточных рабочих" о приклеенном им клейме OST, о страшной дискриминации русского народа, при чем, особенно с острой критикой стал говорить, коснувшись темы об "унтерменшах", и о чреватости немецкой политики по отношению к народам России, Лей отмахнулся, сказав, что политикой на Востоке руководит Розенберг, Кох, Заукель. На это их поставил фюрер, а фюрер - гений! Разговор с Леем стал переходить в острый спор. Лей все время пре-

рывал Власова, заявляя, что все что говорит Власов не отвечает на вопрос заданный им - Леем, и что все это лишнее и его не интересует. Власов видел, что все его попытки дать понять Лею истинные причины приведшие его к борьбе с большевизмом - коммуни мом, напрасны.

" Власов бросил свои попытки объяснить ему хоть что-то. Лей был представителем тех, кто кадил фимиам культу голой силы, к тому же ему еще, очевидно и в голову не приходило, что все их здания покоятся на пороховой бочке. И это был человек, которого Гитлер когда-то назвал своим "самым большим идеалистом".

Власов поднялся и в вежливой форме выразил свое сожаление, что ему не удалось разъяснить, почему миллионы людей в России борются против большевизма. А сам он - только один из многих, человек из народа. Лей так же выразил свое сожаление. Он сказал, что генерал излагал все слишком напыщенно и сложно. Он, Лей, тоже простой человек из народа.

- Если бы вы, генерал, сказали мне просто, что вы ненавидите жидов и что вы боретесь против Сталина потому, что он окружил себя жидами, я понял бы вас. Особенно если, как вы сказали, вы лично не обижены Сталиным. А так, теперь вообще больше ничего не понимаю.

- Точно так же, как и я не могу понять вашего отношения к евреям, которые сегодня не имеют никакого влияния на Сталина. Вы воюете против невинных еврейских детей, вместо того, чтобы воевать против Сталина. Это то, чего я не понимаю и что вы должны сказать вашему фюреру.

(Выделено мною - К.Ч.)

Едва Вальтер начал переводить - Лей вскочил с багровеющим лицом. Вальтер, который, как мне кажется, был когда-то воодушевленным национал-социалистом, даже рейхскомиссаром по топливу, видимо, стыдился за Лея. - Какая дубина! - шепнул он мне незаметно.

Повернувшись, мы молча вышли. Власов был в мрачном настроении и сказал мне по дороге к дому:

- Немецкие офицеры слишком благовоспитанны и вежливы, чтобы добиться у Гитлера своего. Только такие быки, как этот ваш Лей, и могут пробиться. Я испробовал все, чтобы его убедить, но он же - бык, с ничтожными мозгами, такого, пожалуй, я и не встречал еще. Иосиф Виссарионович не может желать себе лучших союзников, чем эти люди вокруг вашего фюрера."

Там же, стр.267-268

И действительно, Сталин за свою победу обязан больше всего именно этим "лучшим идеологам" Гитлера, ибо на таких людей и опирался Гитлер, ведя безповоротно Германию к

гибели. Самым же главным, что выявляется из разговора, это желание Лея понять Власова только в том случае, если бы Власов вел борьбу вовсе не против большевизма или коммунизма, но против еврейского народа, как такового. Власов дал достойный ответ Лею и он не выдержал и поспешил удалиться.

Другое дело, если бы Власов пошел на преступление, согласившись с лозунгом - "бей жидов - спасай Россию". В таком случае все эти гитлеровские преступники заплясали бы от радости, и сам Гитлер усадил бы Власова в своем кабинете. И не то, что дал, а буквально завалил бы Власова всем тем, что нужно было ему для победы над Сталиным. Но каков результат был бы, если бы Власов стал соратником Гитлера и привел бы его к победе над Сталиным? Мы скажем: - несчерпаемое количества сырья; соби́рание всех темных сил из народов завоеванной Европы и России, вооружение их до зубов и немедленное использование их против англо-американцев. Как долго бы продержались англо-американцы против гитлеровской Германии, Японии и гитлеровской Европы? Думаем - очень не долго! А что бы означала такая победа Гитлера для евреев, где бы они не находились? Еще сегодня мы, к великому сожалению, видим, что евреям и теперь не приходила в их головы мысль, что за жизни миллионов евреев, так же, как за жизни других наций и целых народов, исполняя Божественную заповедь Господа Бога Иисуса Христа, русский генерал Андрей Андреевич Власов пошел на сталинскую голгофу - отдал свою жизнь за друзей и не друзей, за вольных и невольных врагов Освободительного Движения Народов Рос-

сии в лице Правительств США и Англии предательски выдавших участников Движения Сталина на страшные муки и смерть.

- Это истина!

Х Х Х

XXXXIV

Крупные поражения, нанесенные немецким войскам Красной армией под Москвой, Курском, Орлом и Сталинградом, не могли не поколебать веру в свою победу гитлеровцев, или хотя бы обеспокоить их. Пользуясь назревшей ситуацией, оппозиция гитлеровцев - "клуб" - решительно перешли в "наступление" на тяготеющую над их головами власть. Найдя вождя среди оппозиции Сталина в лице генерала Власова, "клуб" теперь решил достиг давно намеченную цель - создать координационный центр для разрастающегося, опекаемого ими Русского Освободительного движения. Но создание русского центра, которого гитлеровцы, преследуя свои преступные цели, не только не желали, но и имели все основания бояться, необходимо было как-то и чем-то прикрыть. Они и прикрыли "клуб" и русский центр наименованием - "ОТДЕЛ ВОСТОЧНОЙ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ".

Немедля ни минуты "клуб" энергично взялся за работу. Четверо их участников заговора убить Гитлера - генерал Штиф, полковник граф фон Штауфенберг, полковник Шмидт фон Альтенштадт и полковник Кламмрот, успешно раздобыли средства для создания русского

центра. Выхлопотанный бюджет позволял содержать несколько сотен русских офицеров 60 старших офицеров и 8 генералов. "Отдел восточной пропаганды особого назначения" был весьма ловко прикреплен к отделу ОКВ/ВПр (Oberkommando der Wehrmacht Wehrmachtspropaganda - Отдел пропаганды Верховного командования вооруженных сил), начальником которого был генерал Ведель. Последний, под сильным нажимом генерала Гелена и Штауфенберга, взял на себя ответственность за столь опасное мероприятие, которое гитлеровцы могли, в конце концов, при желании прихлопнуть вместе с "Отделом" и его опекунов.

"... Итак, был создан "Отдел восточной пропаганды особого назначения", а начальником его был назначен я..."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера", Изд."Посев", Франкфурт 1975, стр.148

Создалось трагичное, но и в то же время единственно возможное положение, при котором можно было пробовать как-то и что-то делать для русского дела, от которого зависела и судьба Германии. Это положение так описывает сам Штрикфельдт:

"Дабендорф обязан был своим существованием умелому использованию множества взаимно пересекающихся компетенций, охватывающих все области военного руководства. Так, Дабендорф был подчинен, в области управления, - третьему военному округу

(Берлин), в части заданий - Отделу пропаганды ОКВ/ВПр/IV/, "внутриполитически", благодаря моей личной принадлежности к ФХО (Гелен) и, наконец, "генералу добровольческих частей", сперва генералу Гельмиху, потом генералу Кёстрингу.

... Самую верную помощь все эти годы, даже после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, мне оказывал Отдел ФХО, подчинявшийся Гелену."

Там же, стр. 152

Никто другой, как только в высшей степени искусный политик генерал Рейнхард Гелен способен был, (конечно при жертвенной помощи других немцев), проталкивать "русское дело" через бесчисленное множество преград, чинимых гитлеровцами. Завязались одна за другой схватки между "клубом" - немцев пытавшихся спасти Германию при помощи русского антикоммунизма, и "клубом" немцев, пораженных болезнью гитлеровского преступничества, тянувших Германию к гибели. Когда же стал разрешаться вопрос какой же, в конце концов, флаг должен быть водружен над "нахально угнездившемся на теле Германии вражеском русском гнезде", то тут гитлеровцы натолкнулись на очень щепетильное для них положение. Розенберг - хозяин Восточной политики, и опекун "министров" будущих "самостоятельных государств страдающих под русским игом", категорически отверг национальный русский флаг - бело-сине-красной расцветки. Он отверг также и предложенный флаг императорской России дома Романо-

вых с двуглавым орлом. Тогда русскими был предложен флаг с косым Андреевским крестом голубого цвета на белом фоне. Розенберг одобрил предложенный образец флага. Надобно полагать, что министр знал, что утверждаемый им, предложенный русскими образец флага - не что иное, как флаг русского императорского военного флота, учрежденного еще Петром Великим. Происхождение же Андреевского креста таково: Святой Апостол Господний, Андрей Первозванный, проповедуя христианство среди народов, распинавшим его язычникам, сказал, что он не достоин быть распятым на кресте такой формы, на котором был распят Господь Бог Иисус Христос, и был, по его желанию, распят на другой форме креста - косообразной форме, получившим поэтому название Андреевского креста. Что касается голубого цвета креста, русские знали из преданий, как Петр Великий, размышляя какого же цвета должен быть крест на избранном им флаге для своего флота, однажды, во время своих путешествий по Руси, заночевал в одном из монастырей. Утром, проснувшись, он склонился над проектом флага с тем же размышлением и увидел, что падающая тень от решетки на окне келии окрашена голубым цветом. Петр, радостно, весело и громко воскликнул: - Что же я гадаю - вот он и цвет!

И самое главное в борьбе с гитлеровцами за отвоевание русского флага, это то, что Андреевский флаг был духовно связан с возникновением Великой России, которую они так ненавидели и против которой так жестоко боролись, а именно, Святой Апостол Андрей Первозванный, проповедуя христианство

среди народов Востока, водрузил на холмах, где стоит город Киев - мать городов русских, крест, (разумеется формы на котором был распят Христос Спаситель), и предсказал, что на этом месте просияет христианство. Результатом предсказания и случилось то, что Святой князь Владимир, будучи еще язычником, пожелал креститься и крестился в Корсуне. Затем повенчался с греческой принцессой и, вернувшись в Киев, крестил в реке Днепре всю Киевскую Русь, позднее ставшую Великой русской империей - носительницей и хранительницей христианской Православной религии. Знал ли Розенберг, какое великое духовное значение имеет Андреевский флаг для россов, да и для всех христиан православных россиян или нет, мы не знаем. Но можно предположить, что министр, из соображений, что флаги с Андреевским крестом имеются и у других христианских стран, (только другого цвета), а следовательно, исходя из этого, утверждаемый им Андреевский флаг для русских не будет столь сильно раздражать ни "фюрера", ни сфабрикованных "министров самостоятельных держав", страшно ненавидящих великодержавный национальный русский флаг с бело-синей-красной расцветкой. Итак, ФЛАГ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА ПОБЕДОНОСТНО ВЗВИЛСЯ НАД РУССКИМ ВОЕННЫМ ЛАГЕРЕМ В НЕМЕЦКОМ ПРИГОРОДНОМ МЕСТЕЧКЕ ДАБЕНДОРФ. ЭТОТ ЛАГЕРЬ ВПОСЛЕДСТВИИ И СТАЛ КОЛЫБЕЛЮ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ.

Вскоре Андреевский флаг в виде герба появился и нашитым на рукавах мундиров добровольцев, да еще с красной окантовкой - все три цвета русского национального флага

были налицо: бело-сине-красный.

"... Гроте был доволен и, будучи в Дабендорфе, особо поздравил Малышкина, подготовившего со своими офицерами проект. Национальные цвета в сочетании с Андреевским крестом были отвоеваны."

В.Штрик-Штрикфелдт, Против Сталина и Гитлера, Изд. "Посев" Франкфурт, 1975 стр.192

В Дабендорфе закипела интенсивная, подающая надежды, работа. Лагерь был превращен в образцовый военный городок. Чистота и порядок были безукоризненными. Вскоре вышли первые номера газет: "Доброволец" предназначенный для русских воинских частей, и "Заря" - для русских военнопленных. Чтобы доказать проявленную русскими дипломатичность и увертливость выпускаемых печатных органов в рамках, в которых старались держать гитлеровцы русскую прессу, можно только упомянуть имя Милитея Александровича Зыкова, ставшего главным редактором выпускаемых газет (позднее стали выпускать и другие газеты). Его заместитель - Николай Васильевич Ковальчук оказался весьма умелым помощником. Гитлеровцы строго следили, цепляясь за каждое неудобное им слово, а немцы друзья были ответственны перед властью имущими, однако, дело двигалось к своей цели.

"Но постепенно газеты стали хорошо выполнять свои функции. Справляясь на Викторияштрассе, русские избегали цензурного карандаша и, умело лавируя, в высокой степени овладели

искусством эзоповского языка. Обе русские газеты выходили дважды в неделю!"

Там же, стр.177-178

Особенно энергично с большим успехом происходила работа на курсах пропагандистов, начавшая пускать первые ростки организованного Освободительного движения народов России. Прибывший в Дабендорф по заданию председателя НТС, Виктора Михайловича Байдалакова, А.С.Казанцева весьма характерно и ярко рисует происходящую под носом у Гитлера антигитлеровскую, наравне с антисталинской, борьбу в этом лагере "русских заговорщиков". Начальником школы в Дабендорфе к этому времени был назначен генерал Федор Иванович Трухин.

"Идемте, послушаем, как наши преподаватели вправляют мозги курсантам-фронтовикам. Сейчас, как раз доклад о государстве"...

А.Казанцев, Третья Сила, Изд.
"Посев", 1974, стр.218

Прибывающая масса курсантов из добровольческих батальонов и прочих частей в Дабендорф в общем несомненно понимала, что добровольно борются против Сталина на стороне врага Сталина, но и в то же время на стороне своего же собственного врага, что каждого честного русского человека тяготило и мучило, но фронтовики-курсанты не бы-

ли еще искусными опытными пропагандистами для того, чтобы достичь самых скорых и наилучших результатов поставленной задачи Власовым и его ближайшими помощниками. Доцент Зайцев – старший преподаватель, а также другие были исключительно опытными, искусными и в то же время отчаянно смелыми преподавателями.

Войдя в зал, Казанцев был крайне удивлен услышанным:

"Свобода слова и печати это одна из основ правового государства. Она является гарантией, что никакие темные деяния, будь ли то властей или частных лиц, не останутся без порицания или наказания. При действительной свободе слова и печати немислимо существование тоталитарных режимов, при которых к власти пробираются всякие проходимцы с заднего крыльца, а во главе государства оказывается какой-нибудь недоучившийся семинарист или неудачник ефрейтор..."

Дальше я не могу разобрать ни одного слова – зал дружно покатывается со смеху. Докладчик стоит и ждет пока восстановится тишина. Выйдя на всежий воздух, я, потрясенный слышанным и виденным, спрашиваю Трухина:

– Скажите, Федор Иванович, это что же, наш дорогой Александр Николаевич оговорился о ефрейторе или я ослышался?

– Нет, нет почему же. У него в каждом докладе есть что-нибудь такое. Знаете, люди лучше воспринимают изложение, когда немного посмеются и отдохнут.

– Но, Федор Иванович, здесь, под Бер-

лином, в тридцати километрах от Подсамской площади, где ефрейтор и сейчас, наверное, сидит и перестраивает свои планы о завоевании мира.

- Ах, вы думаете об этом - это ничего. Немцы занятий теперь совсем не посещают, надоело им, да и не интересно. В начале лезли, в теперь отстали. Комендант у нас покладистый, в учебную часть не путается, просит только, чтобы не выпивали в бараках, да не уходили без отпускных записок в город.

- Мне все-таки это кажется больше, чем неосторожно, - говорю я.

- Ну, конечно, бывают неприятности, - продолжает он, ответив на приветствие проходившего мимо офицера, - Не так давно крупный скандал с этим Александром Николаевичем был. Помните, немцы очень шумели о том, что какой-то их отряд водрузил государственный флаг Германии на Эльбрусе. Ну он в докладе как-то ввернул, что этот подвиг гораздо значительнее в области альпинизма, чем военной стратегии. А никто, понимаете, не заметил, что на докладе присутствовало несколько немецких офицеров фронтовиков. Нашего коменданта, капитана Керковиуса, сняли отсюда в двадцать четыре часа. Хотели арестовать и преподавателей и даже всю школу закрыть, но как-то обошлось. Кто-то там наверху за нее заступается все-таки.

Все слышанное и виденное мне показалось бы невероятным, если бы мне рассказал об этом кто-нибудь другой, а не видел я своими глазами.

Там же, стр 220

В Германии заступником русских проделок в Дабендорфе под носом у Гитлера был, конечно, генерал Гелен и "клуб". Что-либо подобное в Советском Союзе не только под носом у Сталина, но и за тысячи километров от него, было бы немыслимым. Это то, что характеризует два тоталитарных режима и позволяет сделать вывод, какой из этих режимов более уязвим для его свержения - вот русские поэтому и решили: сначала уже в самом начале борьбы нужно ухлопать Сталина, а потом Гитлера.

Расчитанные на триста человек курсы продолжали свои занятия, напитываясь духом и знанием - как нужно одновременно бороться и против Сталина и против Гитлера. Через эту единственную наверное во всей истории человечества по своей особенности школу, прошло около пяти тысяч человек, неся в своих сердцах неугасимый огонек борьбы и необходимые знания для весьма сложной борьбы между двух огней... Когда лагерь достиг наилучшего порядка, генерал Трухин и все начальство школы решило пригласить и показать свои достижения генералу Власову.

"Учебный лагерь Дабендорф не узнать, когда в назначенный день выстроились русские добровольцы, почти все и одинаковой форме и со своим национальным значком, и Власов, в сопровождении своих генералов, принимал парад.

В своей речи Власов обрисовал страдательный путь закабаленного русского народа. Он просил людей забыть страдания, причиненные им немцами, так как "без прощения не может быть мира и будущности ни для каждого в отдельности, ни для народов." Власов говорил просто и с полнейшей откровенностью. Он ничего не скрывал и никого не щадил. Люди ловили каждое его слово! Впервые рядом с немецким флагом над лагерем развеялся синий Андреевский крест на белом полотнище. Гельмих тоже обратился с речью к добровольцам, приветствуя их как товарищей по оружию, в борьбе за будущее Германии. Немецкий офицер-переводчик, не колеблясь, перевел: "в борьбе за будущее русского народа". Когда Гельмиху после рассказали об этом самовольстве переводчика, он тепло поблагодарил его и добавил:
- Там, где встречаются два мира, нужно многое пересмотреть! Я еще не вполне преуспел в этом."

В.Штрик-Штрикфельдт, "Против Сталина и Гитлера" Изд. "Посев" Франкфурт 1975, стр.193-194

Да, и легко ли было преуспевать в той чудовищно трагичной ситуации, где столкнулись два преступника: Сталин и Гитлер с чудовищными, по своим преступным замыслам, режимами террора и страха! Нет - в этой страшной ситуации немецкие друзья русских больше чем преуспевали! Во всяком случае, помогая рус-

ским, они всегда находились под угрозой быть наказанными Титлером.

"... Как ни удивительно, но русское Освободительное Движение, против воли германского руководства, и несмотря на все препятствия, стало фактом. Ядро составляли выпускники Дабендорфа: 7 бывших советских генералов, 60 полковников, несколько тысяч офицеров, ученых, инженеров и преподавателей других профессий. Их политические взгляды могли быть различными, но все они хотели освободить Россию от сталинской власти.

В это время в Дабендорфе печаталась памятная книжка для солдат РОА, в которой были следующие фразы:

"РОА в первую очередь, является русской национальной армией. Главной целью ее борьбы является свержение коммунистической власти в России и создание свободного, национального русского государства.

РОА, стремясь освободить народы России от сталинского режима, не собирается восстанавливать дореволюционные порядки. Она стремится к построению новой России на новых демократических принципах.

РОА является не только орудием борьбы против большевиков, но и политической силой, частью Освободительного Движения на-

родов России.

Воин РОА - этика, облик, поведение."

Издательство пропагандной школы РОА, 1944 год. (В архиве автора - русский текст).

С.Штеенберг, Власов, Изд. Русского Дома в Мельбурне, русск.яз., 1974, стр.138

Х Х Х

XXXXV

Тщетное старание опозиционеров Гитлера доказать ему совершенно неизбежную необходимость изменить, проводимую им пагубную и в высшей степени преступную политику, принудили их в конце концов прибегнуть к решению убить его. Неудачное покушение на жизнь Гитлера потрясло и еще больше удручило всех тех немцев, которые видели единственное спасение Германии, ее народа в смерти одержимого преступной, чудовищной целью и безграничным злом Гитлера.

О происшедшем событии 20-го июля стало известно и руководителям Освободительного движения. Однако Штрикфельдт еще ничего об этом не знал.

"На дороге от станции к лагерю мою машину остановили Власов, Трухин и Боярский. Они рассказали мне о покушении на Гитлера 20-го июля и о его последствиях. Им были в то время известны два имени убитых заговорщиков: граф Штауфеибург и генерал Ольбрихт, Меня охватили мрачные предчувствия.

- Наши друзья, - сказал я.
- О таких покойниках не говорят, как о друзьях, - заметил Власов, - их не знают. Не забывайте этого никогда Вилфред Карлович. Я прошел сталинскую школу. Это только начало. Сейчас в Германии пойдет все точно так, как у нас в Советском Союзе!"

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд. "Посев". Франкфурт 1975, стр.335

Конечно, Гитлер поспешил немедленно расправиться жестоко и беспощадно, но по сравнению с тем, какову расправу учинил Сталин после неудавшегося, так называемого "Заговора Тухачевского", расправа Гитлера с его опозиционерами, была по сути всего лишь бледным отражением террористических действий Сталина. Разница в количестве жертв и в методах их умертвления, у обеих тиранов была не большой, но огромной - много жизней невинных людей стоил "заговор Тухачевского" (и то заговор мнимый и, по всей вероятности, сфабрикованный Сталиным)

Однако, Гитлер расстрелял самых разумных, самых талантливых немецких военачальников и по истине настоящих патриотов Германии, стремившихся спасти свою родину и отечество. Их имена вскоре стали известны.

"Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 года стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные ко-

нечные цели, и не все из них были готовы безусловно поддерживать планы Власова. Но несомненно эта группа делала все возможное в отношении Русского Освободительного движения. Вот их имена: полковник граф фон Штауфенберг, полковник барон Фрейтаг-Лорингхофен, генерал Остер, генерал Ольбрихт, полковник барон фон Ренне, подполковник Кламмрот, полковник Шмидт фон Альтенштадт, подполковник Шрайдер, генерал Штиф, генерал фон Треско, генерал Вагнер и многие другие. Генерала Гелена не было среди жертв. Счастливая случайность сохранила его нам."

Там же, стр.335

27-го июля Штрикфельдт позвонил в Штаб Верховного командования сухопутных сил и был потрясен страшной вестью - полковник барон Фрейтаг-Лорингхофен покончил с собой. О самоубийстве друга Освободительного движения, Штрикфельдт поспешил сообщить Власову.

"Глубоко потрясенный, я поспешил к Власову в Далем. У него сидели Малышкин и Жиленков.
- Еще один очень близкий друг мертв: Фрейтаг-Лорингхофен, - сказал я.
- Я не знаю его, - сказал Власов с видом совершенно равнодушным.
- Ну как же, дорогой Андрей Андреевич, тот блестящий полковник Генерального штаба, который так часто бывал у вас..."

- Не помню.

Я вышел из комнаты и пошел наверх. Через несколько минут ко мне пришел Власов. Мы были одни.

- Я вам уже однажды говорил, дорогой друг, что нельзя иметь таких мертвых друзей. Я потрясен, как и вы. Барон был для всех нас особенно близким и верным другом. Но я думаю о вас. Если вы и дальше будете так неосторожны, следующий залп будет по вам. Я возразил, что говорил в присутствии лишь двух генералов, наших ближайших друзей.

- Два лишних свидетеля, - спокойно сказал он, - я ни минуты не сомневаюсь в их порядочности, но зачем втягивать их? А если их когда-либо спросят "Говорил ли капитан Штрик об этих заговорщиках как о своих друзьях?" Что тогда? Из легкомыслия вы подвергнетесь смертельной опасности и потянете за собой других. Я знаю методы ЧК и НКВД, ваше Гестапо скоро будет таким же..."

Там же, стр.338

Казалось бы, после события 20-го июля, гитлеровцы не только отвергнут какие бы то ни было переговоры с Власовым, но и попытаются ликвидировать вместе с ним и все Освободительное Движение вообще. Однако произошло другое - Гиммлер ничего не предпринял против бурных действий в Добендорфе, а начальник главного управления СС, полковник Бергер услужливо предложил Власову поехать от-

дохнуть в специальный дом отдыха "Штиф Целль" в Баварии. Сопроводять Власова должен был один из ближайших немецких друзей - Сергей Борисович Фрелих, но Штрикфельдт настоял, чтобы ему лично была бы поручена эта миссия. Гитлеровцы согласились и на это.

И опять-таки, как всегда раньше, самым верным и эффективным помощником, заставляющим гитлеровцев терпеть Освободительное движение, прибегать к нисхождению и даже в кое-чем содействовать "белым" русским - были все те же "красные" русские - войска Красной армии, которые с каждым днем все ближе и ближе приближались к берлоге немецкого ефрейтора все еще строившего свои преступные планы завоевания всего мира.

Да, то что не могли сделать большое количество немецких военачальников и политиков - переменить курс политики нацистов в войне против Советского Союза и предоставить возможность "белым" русским бороться за освобождение своего отечества от коммунизма, сделали "красные" русские - 2-го июля 1944 года войска Красной армии предприняли массовое наступление против немецкой группы армии "Юг". Не выдержав натиска, немецкие войска вынуждены были поспешно отступать. В панике, немецкие военачальники, увидив в этом очередном поражении немецкой армии окончательную гибель, бросились с еще большей убедительностью писать докладные записки вышестоящему начальству, указывая на единственное средство спасения - дело русского генерала Власова.

"Когда 11-го июля началось летнее советское наступление против немецкой

Южной армии, которая сразу вынуждена была отступить. К Д'Алкену пришел ночью один из его сотрудников, Крец, умоляя его лететь к Гиммлеру и настоятельно объяснить ему, что теперь успех немцев зависит только от честного договора с Власовым и его немедленного выступления - все иное приведет немцев к гибели."

С.Штеенберг, Власов, Изд. Русского Дома в Мельбурне, русск.яз., 1974, стр.151

Будучи с юных лет идеалистом, всецело верующий в добродетельность национал-социалистической партии, Д'Алкен, обладая большими способностями, еще не имея 30-ти лет, стал главным редактором издания СС "Дас шварце Корпс". Уже в самом начале войны, при полной поддержке Гиммлера, он стал командиром батальона военных корреспондентов, а позднее, когда батальон развернулся в полк, Д'Алкен стал командиром полка, получившего наименование СС штандарта "Курт Эггерс". В этом полку Д'Алкена служили и работали пропагандисты и журналисты разных национальностей. Д'Алкен был произведен в чин штандартфюрера (подполковника) когда ему было 34 года. Будучи человеком весьма образованным и весьма обаятельным, он стал вскоре понимать коррупцию и иллюзии гитлеровских сатрапов.

Когда Гроте посетил однажды полк Д'Алкена, он был поражен столь сильной и открытой там критикой верхушки партии. Д'Алкен был не один. Подобных ему оказалось много на восточном немецком фронте. Это были люди - командиры строевых, фронтовых войск

СС,^{*} понявшие иллюзии и преступность гитлеровской политики, поняли причины поражения немецкой армии в России. В разговоре с ними Д'Алкен окончательно убедился и пришел к решению - политика Гитлера в войне против Советского Союза должна немедленно повернуть вспять - отказаться от завоеваний России и приняться изю всех оставшихся сил вместе с русскими бороться за ее освобождение от мирового зла - коммунизма.

"Немалое впечатление оказывали на него высказывания окружающих. Уже в 1941 году, фюрер одного из корпусов СС, Биттрих, заявил: "То, что размазывает здесь Хейнрих, это все ерунда! Если мы здесь не переучимся как следует - будет плохо." Генерал Ключер, Хауссер и Штейнер тоже не молчали. Штейнер назвал Гимmlера дураком в присутствии 15 высших офицеров. В июне 1943 года граф фон Шуленбург сказал Штейнеру: "Мы должны будем ухлопать Гитлера прежде чем он окончательно погубит Германию." - и Штейнер ничего ему не возразил и не донес на него. Все эти офицеры не испытывали никакого уважения к Гимmlеру, но и не имели на него никакого влияния. Поэтому Д'Алкен, о котором было известно, что Гимmlер к нему благоволит, стал человеком, которому они доверяли свои заботы и опасения. Он начал представлять

---

* Командиры строевых-фронтовых войск СС не имели политической власти.

Гиммлеру доклады, в которых утверждалось, что многое на местах обстоит совершенно иначе, чем представляет себе высшее руководство. В этом отношении Д'Алкен мог позволить себе больше, чем другие, потому что Гиммлер не только питал к нему симпатию, но и хвастался его докладами перед Гитлером. Д'Алкен использовал это..."

Там же, стр.148

Указывая со всеми подробностями на совершенно неопровержимые факты, Д'Алкен принялся без передышки бомбить Гиммлера своими докладами. И вот Гиммлер понял, что наступило время требующее срочно и безотложно что-то предпринять. К удивлению Д'Алкена он предоставил ему свободу действий, но с условием, что Д'Алкен на место Власова подыщет какого-нибудь другого русского генерала, так как Гитлер не хочет больше и слышать этого имени.

"Гроте предложил Зыкова и Желенкова, предупредив, что Зыков выдающийся человек, но находится под явным наблюдением Гестапо, поскольку подозревают, что он еврей, а кроме того, он марксист."

Там же, стр.149

Сам Зыков никогда не говорил, что он еврей, но и никогда не отрицал, что он еврей.

"Однажды, во время игры в карты, один из игравших спросил его: еврей ли он?"
"Во время игры нельзя говорить о таких вещах. Когда игра кончится - тогда поговорим." Вопрос о том, подразумевал ли он игру в карты или игру своей головой, которую он вел ежедневно - остался открытым..."

Там же, стр. 55

Однако для Д'Алкена вопрос, еврей ли Зыков или нет, был мало важен, ибо с разрешением могущественного "Черного Генриха" (Гимлера) можно было все делать и даже забыть о Гестапо. Вскоре на квартире Д'Алкена состоялось совещание, на котором присутствовали Жиленков, Штрикфельдт, фон Деллингхаузен и Зыков. Для русских и в том числе для самого Зыкова выставление его кандидатуры на пост вождя Освободительного Движения рассматривалось как непонимания русского дела нацистскими вожаками. Отказался от этого предложения и генерал Жиленков, ибо на пост возглавителя Освободительного Движения необходим был человек, имя которого известно было бы широким массам населения России, как национального героя и никак не иначе, а имя это - генерал Андрей Андреевич Власов и никакое другое имя в данное время заменить его не могло. Жиленков и сказал Д'Алкену, что он не имеет той притягательной силы, которую имеет Власов, после того как Д'Алкен предложил этот пост Жиленкову.

После этого совещания, русские сразу же доложили обо всем Власову. Поразмыслив, все пришли а общему решению и надежде -

Эс-Эсовцы и их главарь Гиммлер при их желании, несомненно, могут сделать больше, чем кто-либо другой из немцев, то есть, повлиять на Гитлера.

Д'Алкену с большим трудом удалось убедить Гиммлера в том, что на пост возглавляющего Русского Освободительного Движения приемлемо только кандидатура генерала Власова.

После длительного разговора с Д'Алкенем Власов, убедившись в его искренности, дал согласие прибегнуть к новому варианту.

"...17-го июля Д'Алкен сделал Гиммлеру подробный доклад. Гиммлер сказал, что он уже переговорил по этому вопросу с Гитлером и ожидает Власова 21-го июля в своей главной квартире, при чем, тут же добавил, что думает произвести Власова в маршалы. Д'Алкен, не решаясь сказать, что Власов не примет это производство, нашел доводы, что с пропагандной точки зрения было бы неблагоприятно дать повышение Власову с немецкой стороны - эти доводы убедили Гиммлера. Тем не менее, сама его мысль доказывает насколько он не понимал сущности всего дела и его значения. Вернувшись в Берлин, Д'Алкен уведомил Власова о разговоре с Гиммлером и попросил его быть готовым к встрече 21-го июля..."

Там же, стр.152

Власов приготовился для разговора с Гиммлером в назначенный день, но вдруг пришла

телеграмма - встреча откладывается, но в ближайшие дни будет сообщена новая дата для встречи, и в тот же вечер пролетела весть о неудавшемся покушении на Гитлера.

"Стало известно, что в заговоре принимали участие генералы Вагнер, фон Штауфенберг, Шмидт, фон Альтенштадт фон Ренне, фон Тресков и фон Фрейтаг-Лорингхофен - все большие друзья Власова и его идеи.

У многих возникли опасения, что Гестапо воспользуется случаем и обвинит и Власова и его сотрудников в связи с заговорщиками. Эти опасения не оправдались. Наоборот, руководители Главного Управления СС, обергруппенфюрер Бергер, пригласил Власова к себе на ужин. С провалом 20 июля, все надежды на свержение Гитлера потеряли почву. Теперь армия становилась бессильной. Оставался только Гиммлер, который, под гнетом обстоятельств, казалось был готов сделать то, что не удалось армии. С такими мыслями Власов отправился к Бергеру..."

Там же, стр.153

Главным гнетом обстоятельств для гитлеровцев были опять-таки, гнавшие из России немецкую армию "красные" русские, они и были истинными помощниками Власову прибегнуть к новой попытке организовать борьбу за свободу народов России на стороне черного Гитлера, против красного Гитлера -

Сталина - это истина!

Х Х Х

В эти дни неожиданно исчез Зыков. Его исчезновение некоторые обозреватели считают - работой гитлеровского Гестапо. Мы же склонны считать, что Зыков был похищен не черным Гестапо, в руках которых он и так все время был, но красным Гестапо, ибо лукаво-изворотливый "отец народов" мог хорошо предвидеть на что способен и что может сделать Зыков после победы над Германией, войдя в контакт с американскими и британскими политическими деятелями еврейского происхождения. Верить в то, что смершевцы не в состоянии были выкрасть или просто сразу умертвить Зыкова, что гитлеровская тайная полиция может послужить им преградой в этом - не приходится - гитлеровские гестаповцы были всего-навсего щенками - сосунками по сравнению со сталинскими взрослыми злыми псами - у этих и стаж был побольше, а практика - куда там!

Сталину нужно было вернуть всех своих сбежавших или попавших в плен рабов, о продаже которых он уже договорился с Рузвельтом и Черчилем в Ялте, а тут вот - Зыков - опасный, способный и сильный противник!

Хитер был старый волк Иосиф Сталин!

Х Х Х

Конец II части.

Приложение ко II части

ПОЧЕМУ Я СТАЛ НА ПУТЬ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ

(Открытое письмо генерала-лейтенанта
А.А.Власова)

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

МЕНЯ НИЧЕМ НЕ ОБИДЕЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
Я - сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной армии. 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами Ленина, "Красного Знамени" и медалью "XX лет РККА". С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот теперь я вступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я

должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу свободу и счастье.

Будучи командиром Красной армии, я жил среди бойцов и командиров – русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не прерывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И ВОТ Я УВИДЕЛ, ЧТО НИЧЕГО ИЗ ТОГО, ЗА ЧТО БОРОЛСЯ РУССКИЙ НАРОД В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ОН В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОБЕДЫ БОЛЬШЕВИКОВ НЕ ПОЛУЧИЛ.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, как растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы народа.

Система комиссаров разлагала Красную армию. Безответственность, слезка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или в военной форме.

С 1938 по 1939 г. я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кай-Ши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в concentra-

ционные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

КАК СОЛДАТ И СЫН СВОЕЙ РОДИНЫ, Я СЧИТАЛ СЕБЯ ОБЯЗАННЫМ ЧЕСТНО ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 27 армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я ВИДЕЛ, ЧТО ВОЙНА ПРОИГРЫВАЕТСЯ ПО ДВУМ ПРИЧИНАМ: ИЗ-ЗА НЕЖЕЛАНИЯ РУССКОГО НАРОДА ЗАЩИЩАТЬ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ВЛАСТЬ И СОЗДАННУЮ СИСТЕМУ НАСИЛИЯ И ИЗ-ЗА БЕЗОТВЕТСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА АРМИЕЙ. ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЕЕ ДЕЙСТВИЯ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ КОМИССАРОВ.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако, неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я сделал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу ДЕЛАЛ ЭТО ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО СЧИТАЛ, ЧТО ОН ЗАЩИЩАЕТ РОДИНУ. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: ДА ПОЛНО, РОДИНУ ЛИ Я ЗАЩИЩАЮ ЗА РОДИНУ ЛИ Я ПОСЫЛАЮ НА СМЕРТЬ ЛЮДЕЙ. НЕ ЗА БОЛЬШЕВИЗМ ЛИ, МАСКИРУЮЩИЙСЯ СВЯТЫМ ИМЕНЕМ РОДИНЫ, ПРОЛИВАЕТ КРОВЬ РУССКИЙ НАРОД?

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной

армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 грамм сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

РУССКИЕ ЛЮДИ УМИРАЛИ ГЕРОЯМИ. НО ЗА ЧТО? ЗА ЧТО ОНИ ЖЕРТВОВАЛИ ЖИЗНЬЮ? ЗА ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УМИРАТЬ?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: СЛЕДУЕТ ЛИ ДАЛЬШЕ ПРОЛИВАТЬ КРОВЬ РУССКОГО НАРОДА? В ИНТЕРЕСАХ ЛИ РУССКОГО НАРОДА ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ? ЗА ЧТО ВОЮЕТ РУССКИЙ НАРОД? Я ясно сознавал, что РУССКИЙ НАРОД ВТЯНУТ БОЛЬШЕВИЗМОМ В ВОЙНУ ЗА ЧУЖДЫЕ ЕМУ ИНТЕРЕСЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ КАПИТАЛИСТОВ.

Англия всегда была врагом Русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов ОН СВЯЗАЛ СУДЬБУ РУССКОГО НАРОДА С СУДЬБОЙ АНГЛИИ, ОН ВВЕРГ РУССКИЙ НАРОД В ВОЙНУ, НАВЛЕК НА ЕГО ГОЛОВУ НЕИСЧИСЛИМЫЕ БЕДСТВИЯ, И ЭТИ БЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ЯВЛЯЮТСЯ ВЕНЦОМ ВСЕХ

ТЕХ НЕСЧАСТИЙ, КОТОРЫЕ НАРОДЫ НАШЕЙ СТРАНЫ ТЕРПЕЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ 25 ЛЕТ.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БОЛЬШЕВИЗМ И, В ЧАСТНОСТИ СТАЛИН, ГЛАВНЫМ ВРАГОМ РУССКОГО НАРОДА?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там в болотах, окончательно пришел к выводу, что МОЙ ДОЛГ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРИЗВАТЬ РУССКИЙ НАРОД К БОРЬБЕ ЗА СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ, К БОРЬБЕ ЗА МИР ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА, ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ КРОВОПРОЛИТНОЙ, НЕНУЖНОЙ РУССКОМУ НАРОДУ ВОЙНЫ ЗА ЧУЖИЕ ИНТЕРЕСЫ, К БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ НОВОЙ РОССИИ, В КОТОРОЙ МОГ БЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ КАЖДЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом, МОГУТ БЫТЬ РАЗРЕШЕНЫ В СОЮЗЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГЕРМАНСКИМ НАРОДОМ. ИНТЕРЕСЫ РУССКОГО НАРОДА ВСЕГДА СЧИТАЛИСЬ С ИНТЕРЕСАМИ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА, С ИНТЕРЕСАМИ ВСЕХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.

Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы, Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В СОЮЗЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГЕРМАНИЕЙ ОН ДОЛЖЕН ПОСТРОИТЬ НОВУЮ СЧАСТЛИВУЮ РОДИНУ В РАМКАХ СЕМЬИ РАВНОПРАВНЫХ И СВОБОДНЫХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою вместе с горсточкой верных друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России - Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с Великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей выразивших готовность грудью встать под знамена Русской Освободительной Армии, дает

мне право сказать, что я НАХОЖУСЬ НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ, ЧТО ДЕЛО, ЗА КОТОРОЕ Я БОРЮСЬ, — ПРАВОЕ ДЕЛО, ДЕЛО РУССКОГО НАРОДА. В ЭТОЙ БОРЬБЕ ЗА НАШЕ БУДУЩЕЕ Я ОТКРЫТО И ЧЕСТНО СТАНОВЛЮСЬ НА ПУТЬ СОЮЗА С ГЕРМАНИЕЙ.

Этот союз, одинаково выгоден для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить русский народ проливать кровь за чужие интересы. Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

ЭТОТ ЖАЛКИЙ И ГНУСНЫЙ ОБМАН НУЖЕН ЕМУ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬСЯ У ВЛАСТИ. ТОЛЬКО СЛЕПЦЫ МОГУТ ПОВЕРИТЬ, БУДТО СТАЛИН ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПРИЦИПОВ БОЛЬШЕВИЗМА.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалит Русский народ и заставит его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

ТОЛЬКО В РЯДАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОЗДАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАША РОДИНА. ДЕЛО РУССКИХ, ИХ ДОЛГ - БОРЬБА ПРОТИВ СТАЛИНА, ЗА МИР, ЗА НОВУЮ РОССИЮ. РОССИЯ - НАША! ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА - НАШЕ! БУДУЩЕЕ РУССКОГО НАРОДА - НАШЕ!

Многомиллионный Русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в минуту тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант
А.А.Власов.

КНИГА ВТОРАЯ

КАПКАН

Часть третья

"ДА СОХРАНИТ ВАС ГОСПОДЬ, ЗАСТУПНИК
ВЫ НАШ! К СТОПАМ ВАШИМ ПРИПАДАЮ,
СЛЕЗАМИ ИХ ОМЫВАЮ, СПАСИТЕ НАС;
ВЫСВОБОДИТЕ ИЗ НЕВОЛИ ЛЮТОЙ. ОДНУ
НАДЕЖДУ ТОЛЬКО НА ВАС, РАДОСТЬ ВЫ
НАША, НА ВАС ВОЗЛАГАЮ И СЛЕЗНО МОЛЮ
ГОСПОДА БОГА НАШЕГО, ЧТОБЫ ОН СОХРА-
НИЛ ВАС ОТ ВСЯКОГО ЛИХА."

Борьба №82, 1983. - Отрывок из пись-
ма простой русской женщины генералу
А.А.Власову.

Андрею Андреевичу поступали ежедневно десятки тысяч писем, но он, естественно, их не мог все читать. Однако, это письмо простой женщины было ему лично вручено и он его прочел.

Читатель может себе представить какое чувство охватило измученную, истерзанную душу Власова - вождя Освободительного Движения народов России! Смел ли он не внемлить словам мольбы простой русской женщины?!

I

После неудачного покушения на Гитлера 20-го июля национал-социалистическая партия поспешила окончательно взять в свои руки не только немецкую политику, как внешнюю, так и внутреннюю, но и руль ведения войны, направляя Германию прямо и бесповоротно к окончательной гибели. Уцелевшие от гитлеровской голгофы немецкие военачальники теперь еще яснее увидели спасение своего отечества

во Власове - в его Движении. При их весьма осторожном и до предела возможном содействии, как уже было сказано выше, Власову, наконец, удалось начать переговоры с самым сильным в гитлеровской машине смерти - Генрихом Гиммлером. Казанцев, ожидая каждую минуту ареста, после того как в течении нескольких дней Гестапо схватило почти все руководство НТС, включая председателя организации Виктора Михайловича Байдалакова, надеясь скрыться и избежать ареста посредством отправки его на фронт, ища для этого посильной помощи со стороны Власова, как для себя, так и для уже арестованных членов НТС, прибыл в Дале. Рассматривая этот и другие вопросы, Казанцев, между прочим, спросил Власова:

"- А как переговоры идут, Андрей Андреевич, ведь они все-таки идут?

С кем?

- Тайна, - делает он полушутя полусерьезно строго непроницаемое лицо. - Тайна государственной важности.

- Ну, если тайна, вы ее не выдавайте и не говорите, а я назову одно имя, а вы только кивните головой - да или нет. Хорошо? Это имя я, конечно, не придумал, а тоже от кого-то слышал.

- Ну? - говорит он, улыбаясь.

- Гиммлер!

Он утвердительно кивает головой.

- Жаль, - вырывается у меня, - как же это так? Нельзя было более... Ну, более приличного, что ли выбрать?

Хотя это от нас, конечно, не зависит.

- А кто более приличен, по-твоему, -

отвечает он вопросом, - кто? Риббентроп? Розенберг? Или сам атаман? Разницы, по сути дела, никакой. Одним миром все мазаны. А этот партнер сильнее сейчас, чем кто-либо другой, то есть сильнее между ними всеми, следовательно, из него и выдавить можно больше. А это и есть единственная цель наших переговоров. Помните, как это было написано в гороскопе: "Когда фельдмаршал Клюге будет посылать по матушке фельдмаршала Рундштедта, а ..."

- Помню, помню, - смеюсь я, вспоминая его предсказания.

- Вот этот момент сейчас наступил.

А.Казанцев, Третья сила Изд. "Посев", Франкфурт, 1974 стр.239-240

И действительно в сложившейся ситуации, когда Гиммлер после "аттента" был назначен командующим всеми тыловыми немецкими войсками, это вызвало зависть, как со стороны Розенберга, так и со стороны других подобных ему преступников приведшую их всех к междоусобной грызне, как раз благодаря этой возникшей междоусобице между министрами Рейха и создалась возможность выжать из них хотя бы минимум возможности организовать Освободительное движение.

"Власов был прав. Только в результате междоведомственной грызни они и могли начаться одной из враждующих сторон. До самого конца против них протестовал Розенберг и делал все

возможное, чтобы их сорвать. Говорят, что был против них даже и сам Гитлер, во всяком случае, его отношение к этому делу не было выражено никак, с Власовым он ни разу не встречался и до конца своей жизни слова "Русское Освободительное Движение" или "русский антибольшевизм" ни разу не произнес..."

Там же, стр.240

Встреча Власова с Гиммлером состоялась 16 сентября 1944 г. в главной квартире Гимmlера под Растенбургом.

Когда Власов в сопровождении Штрикфельдта подошел к кабинету Гимmlера, к Штрикфельдту обратился сопровождающий их генерал СС.

"Ко мне обратился сопровождающий нас генерал СС и сказал, что до начала общего совещания Гимmlер хочет минут десять поговорить с Власовым наедине. Власов насторожился и заявил, что без меня он не пойдет к Гимmlеру, - в таком случае он предпочитает уйти. Я стал уговаривать Власова не возвращаться, не поговорив с Гимmlером. Если они хотят, чтобы он шел один, - не отказываться: он достаточно хорошо знает немецкий язык и может защищать свое дело, а сейчас наступил решающий момент.

- Моего немецкого языка хватит для Рупольдинга, - ответил Власов.

Дверь уже открылась, а Власов все еще колебался. Я вынужден был слегка

давить его руку и подтолкнуть через порог.

В приемной, где я остался, ко мне подсел полковник СС и мы молча ждали. Прошли и 10, и 20, и 30 минут.

Полковник предложил мне пойти с ним позавтракать, так как "интимный разговор рейсхфюрера, по всем признакам, будет продолжаться еще долго". Он заметил, что он, конечно, не знает, что говорится в кабинете рейсхфюрера, но уверен, что сегодня будет, наконец, заключено "разумное" соглашение с Власовым, оберфюрер СС Крегер находится у рейсхфюрера так что Крегер - "тоже русский" - может быть переводчиком.

Мое беспокойство несколько улеглось, и постепенно наш разговор стал оживленным. Полковник СС сказал, что "давно бы надо было устранить путающегося Розенберга" и что "рейсхфюрер готов теперь поставить на карту Власова". Он заметил, что нехорошо было забывать обо мне, но, в конце концов, суть в результатах.

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд. "Посев", Франкфурт, 1975, стр.342, русский текст.

Шесть часов тянулся разговор включая обед Власова с Гиммлером.

"Черный Генрих" настолько ловко и изворотливо вел себя, что удивлял присутствующих при этом, хорошо знавших его лукавство, Д'Алькэна, Бергера и Крегера.

В этом маневре "Черный Генрих" выглядел скромным, практичным и добрым министром Рейха. Когда же Власов, Бергер и Крегер вышли, он задержал Д'Алькэна.

"Он молча ходил по вагону.

- Вы правы. Это - крупная, большая личность. Но вы не должны забывать, что он славянин. Я вам приказываю все время находиться начеку и немедленно доносить мне обо всем, что будет выходить за пределы нами сегодня говоренного. Я должен все время быть настороже!

Гиммлер опять прогулялся взад и вперед по вагону и добавил:

- То, что говорил Власов о будущем, меня глубоко поразило. С ним мы достигнем гораздо большего, чем всей пропагандой. Однако он славянин и останется славянином.

Очерки к истории Освободительного Движения народов России , стр.65-70, цитированно у о.Александра Киселева стр.176

"- Знаете, Вильфрид Карлович, все прошло хорошо! - сказал Власов, выйдя от Гиммлера.

- И совсем не так, как я себе представлял. Гиммлер - глава немецкой полиции... рейсхфюрер СС. Я думал увидеть кровожадного чекиста вроде Берии, настоящего великого инквизитора, для которого я только "русский унтерменш" А встретил я, как

мне по крайней мере показалось, типичного буржуа, спокойного и даже скромного. Никаких заскоков, как скажем Лея... Напротив, скорее некоторая неуверенность. Ни слова о сверхлюдях, ни звука о евреях... Да, Гиммлер как бы извинился передо мной, что его довольно долго вводили в заблуждение "теорией об унтерменщах"... Я не думаю, что Гиммлер умен. Он кажется мне, скорее, ограниченным, узким и педантичным. Он из деревни, а значит, как я, крестьянин. Любит животных... Он открыто признал многие ошибки, сделанные до сих пор. И это мне понравилось. Он сказал, что говорил с фюрером и получил его согласие на немедленное проведение мероприятий, обеспечивающих новую политику. Если я его правильно понял, мы сможем сформировать десять дивизий. Русский Освободительный Комитет может сразу же начать действовать, как суверенный и независимый орган. Унизительная нашивка "OST" для рабочих будет изъята и наши рабочие и военнопленные приравняются к рабочим и пленным других стран.

Его глаза блестели.

- Видите, - прервал я генерала, - хотя бы этой цели мы все же добились. Вы помните, она была в основе нашей связи.

- Я добился и еще кое-чего. Мы получаем статус союзников... Гиммлер предложил мне занять должность гла-

вы правительства, но я сказал, что ни я, ни Русский Освободительный Комитет, который теперь будет создан, не могут взять на себя полномочий правительства. Это может решать русский народ, а вернее, народы России в свободном волеизъявлении. Я ни на иоту не отступил от своих требований. Я изложил мою политическую программу. Я сказал ему, что сталинский режим и сегодня еще обречен, если народ в России возьмет власть в свои руки. И сначала - объединение всех антисталинских сил и разгром противника, а потом каждый народ в пределах России может решать свободную свою судьбу в рамках нового европейского порядка. Кажется, он это понял, - во всяком случае, соглашался. Наконец, я просил его перевести из Франции наши "батальоны", если это еще не поздно, и подчинить их моему командованию. Власов был удовлетворен. Он выиграл эту битву после многих унижений, которым он подвергался в течении двух лет, служа своему народу. Он заключил сейчас соглашение с Гиммлером, как Черчилль в свое время со Сталиным...

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд. "Посев", Франкфурт, 1975, стр.342-344

Генерал Гелен, ненавидящий и неверивший нацистам, сомневался, если совершенно не ве-

рил, в данных обещаниях Гиммлером Власову и просил Штрикфельдта оставаться при Власове сколько только будет возможно.

Своим уполномоченным по всем вопросам Русского Освободительного Движения, Гиммлер назначил полковника Бергера, а полковника доктора Крегера, владеющего русским языком, офицером связи. Германская пресса запестрела целым рядом по этому поводу заметок. Сенсация превзошла все ожидания - вся Германия заговорила о спасительном оружии "чудесном оружии - Власове", которое непременно изменит ход войны.

В официальном коммюнике для прессы было сказано:

"Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер принял в своем полевом штабе генерала Власова, командующего Русской Освободительной Армией. В длительной беседе было достигнуто полное соглашение о мероприятиях, необходимых для мобилизации всех сил русской нации для освобождения родины."

Там же, стр.346

Был ли для русского патриота, - задает вопрос о.Александр Кисилев, - желающего спасти Россию, в тот момент, другой путь, чем тот, который избрал Власов? И отвечает на свой вопрос, цитируя отрывок из частного письма Н.Градобоева:

"Мог ли вообще Власов возлагать какие-либо надежды на западных союзников, когда решил пойти вместе с

немцами против Сталина? Нет, не мог. Он попал в плен в июне 1942 г., первый раз публично заявил о готовности возглавить Освободительное Движение, если не ошибаюсь, в сентябре 1942 г. Каково было положение на фронтах в то время? Вся Европа была под властью Гитлера. Англия продолжала находиться в состоянии осажденной крепости, а вопрос о высадке германских войск в Англии еще не был окончательно отброшен. Япония тогда наносила США одно поражение за другим. Единственным успехом западных союзников в тот период было то поражение, которое нанес фельдмаршал Монтгоммери Роммелю в Северной Африке, под Эль-Аламейном.

Жуков и Власов нанесли немцам поражение под Москвой зимой 1941-42 гг., но это был временный успех местного значения. Ранним летом 1942 г. немцы начали новое наступление. Фронт стал откатываться по линии Волги. Тогда сами немцы были уверены, что смогут дойти до Урала и там остановиться, заключить мир со Сталиным. Власов, как и все мы, в это не верил, и был уверен, что даже за Уралом Сталин будет продолжать сопротивляться, что войне этой конца не будет. Но что будет, тем временем, со всеми территориями по эту сторону Урала? Должны ли они превратиться в гитлеровскую колонию или же сохранить свою независимость? Быть или не быть России? Вот, во имя

этого Власов и пошел на сотрудничество с немцами, и в этом, прежде всего, величие его подвига. Надежда на западных союзников пришла гораздо позже, когда радикально изменилось положение на фронтах. Но тогда, летом и осенью 1942 г., этой надежды вообще не могло быть. И не только потому, что союзники эти были союзниками Сталина, но и потому еще, что они ничего реального тогда еще сделать не могли. Возможность победы Германии и Японии над Англией и Соединенными Штатами тогда была еще не исключена, была даже еще вполне реальной. Власов, как командующий армией и зам. командующего фронтом, должен был тогда хорошо знать, как яростно настаивал Сталин, чтобы Черчилль и Рузвельт открыли второй фронт в Европе и как те отвечали, что сделать этого тогда они были не в состоянии. Поэтому всякая ставка на западных союзников в тот момент была исключена. Вопрос стоял только так: быть ли России под Сталиным, под Гитлером или же можно найти третий выход - свой выход... "

Из частного письма Н. Градобоева
стр. 47-48

Приводя письмо Градобоева, о. Александр тут же задает вопрос: - Но кроме фактического положения вещей, остается вопрос принципиальный. Принципиально, допустим ли путь,

на который вступил ген. Власов? - И отвечает словами А.Солженицына:

"Вот, правда, ключевой вопрос для целей, кажущихся тебе благородными, можно ли воспользоваться поддержкой воюющего с Россией немецкого империализма?

Все единодушно воскликнут сегодня: Нет! Нет! Нет!

Но откуда же тогда - немецкий plombированный вагон от Швейцарии до Швеции и с заездом (как мы теперь узнали) в Берлин? Вся печать от меньшевиков до кадетов тоже кричала: Нет! Нет! - а большевики разъяснили, что это можно, что даже смешно в этом укорять. Да и не один там был вагон. А летом 1918 г. сколько вагонов большевики погнали из России - то с продуктами, то с золотом - и все Вильгельму в пасть.

Превратить войну в гражданскую - это Ленин предложил раньше власовцев."

А.Солженицын, Архипелаг ГУЛаг,
Часть 5-я, стр. 35-36

II

Склоняясь над картой Гитлер растерянно посматривал на, молча слушавшего его, Кайтеля, когда в обычное время в дверях появился доктор.

- Май фюрер...

- Да, да, доктор.

Гитлер протянул руку для инъекции, и в это же время ему доложили:

- Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер просит принять его.

На серо-черном болезненном лице Гитлера появились красные пятна и мутные, безжизненные глаза, вдруг, оживились, вспыхнули, зло-возмущенно впились в "Черного Генриха".

- Вы как смели, Гиммлер?! Десять русских дивизий?!

- Мой фюрер, я разрешил генералу Власову сформировать эти дивизии без вашего ведома, но ведь, только эти русские, борющиеся против Сталина могут на сегодняшний день задержать войска Красной армии до того момента, когда наше новое оружие будет готово, а уж тогда...

- Не понимаю вас, Гиммлер! Неужели вы не понимаете, что эти ваши русские, которых вы одели в нашу форму, вооружили нашим оружием, кормите нашими продуктами, только и стремятся соединиться с русскими, которые в руках у Сталина?

- Мой фюрер, я это прекрасно понимаю, да они этого и не скрывают и именно этого от нас просят. Они только в этом и видят возможность одержать победу над Сталиным.

- А что потом? - Гитлер уничтожающе зло посмотрел на Гиммлера и сам ответил на свой вопрос: - А потом эти ваши белые русские, объединившись с красными русскими, одержав над Сталиным победу, немедленно предложат союз англо-американцам и повернут наше же, данное им оружие, против нас! Ведь это вам понятно, Гиммлер! А?

- Но, мой фюрер, согласитесь с тем фак-

том, что без массивованного удара белыми русскими по красным русским, мы не в состоянии задержать Восточный фронт до нужного нам времени - ведь это тоже понятно - не так ли, мой фюрер?

Гиммлер приподнял свое одутловатое лицо, и с дерзкой, не бывалой никогда до этого момента, смелостью, выжидаячи, смотрел на Гитлера.

- Перед нами сложилась ситуация, когда русских мы можем остановить только русскими, мой фюрер, - наклоня голову и глядя на Гитлера поверх очков, добавил Гиммлер, как раз в тот момент, когда в голове Гитлера, как бы чеканя каждое слово, звучали слова Бисмарка: "Русских победить могут только русские".

Гитлер тряс головой, стараясь отделаться от этих страшных слов, а потом сорвавшись с места, встав, клонясь к Гиммлеру, истерически заорал:

- Три дивизии, камрад Гиммлер! Слышите, три дивизии! И ни одного человека больше, слышите?! Вооружите одну вашу русскую дивизию до зубов и немедленно бросьте ее в бой против красных русских. Убейте, как можно больше красных русских и спалите в боях этих ваших белых русских. Затем опять вооружите другую дивизию и проделайте с ней тоже самое. Потом и третью спалите до одного русского солдата. А там, если понадобится, можете продолжать этот способ уничтожения "пана славянина" - это приказ, камрад Гиммлер - ясно?

- Так точно, мой фюрер, но...но... - Гиммлер замялся, а потом опять осмелев, спросил: - А как насчет "Комитета Освобождения"

дения"?

- Организуйте Комитет или Правительство как и сколько угодно, для разгона такого заведения потребуется всего один взвод немецких жандармов. Но не смейте, Гиммлер, вооружать и объединять врагов Германии. Держите все эти ваши добровольческие батальоны как можно подальше один от другого - ясно? Можете идти!

Гитлер окинул с ног до головы Гиммлера злым, уничтожающим взглядом и нервно с подпрыжкой заерзал на стуле...

III

После того как Манифест КОНР был готов и все вопросы связанные с его опубликованием были разрешены, перед Власовым и предназначенными им руководителям Движения, в частности перед генералом Жиленковым, занявшим пост начальника пропаганды КОНР, стал вопрос об издании центрального печатного органа Освободительного Движения. Вопрос весьма важный и сложный, однако сразу же и очень удачно разрешен: газета должна быть такой, чтобы с содержанием печатаемых в ней статей были солидарны не только борющиеся против коммунизма россияне, но и вся антикоммунистическая Европа. И еще - весьма важное - чтобы каждый читатель не двусмысленно, но совершенно ясно и определенно понимал что от Освободительного Движения народов России зависит спасение не только народов России, но и всей Европы, и что Движение не только антикоммунистическое, но и антинацистское, независимо от проводимой политики гитлеровской Германии, а

лишь в силу сложившейся судьбы, различных обстоятельств, и безвыходности положения, организовано на стороне воюющей против России Германии. И еще очень важное - из содержания выпускаемых газет КОНР, западные державы могли бы также вполне определенно понять суть цели Движения. Название газеты было дано политическое, да и по сути, исключительно меткое - Воля Народа. По поводу конкретного и окончательного решения Жиленков и Казанцев прибыли к Власову в Далем. Власов утвердил намеченный план действий и тут же рассказал, как всегда с большим мастерством рассказчика, курьезную историю разговора с подосланными шпионами Розенберга:

"Он редкий рассказчик. Изображения в лицах сцена полна комизма и какого-то особенного, свойственного ему только юмора. Жиленков покатывается со смеху:

- Неужели так и сказал - кланяйтесь Розенбергу?

- Так и сказал, конечно, - смеется и сам рассказчик, - да ведь по рожам видно - люди подосланы, что же стесняться с ними...

К вопросу о газете, возвращаемся еще раз при прощании.

- Ну, так с Богом и за работу, - говорит Андрей Андреевич, провожая меня из комнаты. - Подбирай редакцию и готовься к выпуску. Я думаю, скоро начнем. Немцев особенно не ругай, я знаю, что ты их не любишь, ну, да кто же их любит. Поэтому им

и приходится самим себя любить. А вообще они нам пока еще нужны, так что ты их не обижай, а то я заступаться буду. С Богом!"

А.Казанцев, Третья сила, Изд. "Посев", Франкфурт, 1974, стр.265

Естественно, руководители Освободительного Движения старались избежать, могущее возникнуть, малейшее трение среди участников Движения, принадлежащих к одной или другой политической организации. Поэтому то генерал Жиленков особо внимательно просмотрел список лиц, рекомендуемых занять должности в составе редакции, намеченной главной газеты. В списке, предложенном Казанцевым генералу Жиленкову, из восьми кандидатов, шесть были членами НТС.

"... Он просмотрел внимательно, над некоторыми задумался, как бы что-то вспоминая, потом спрашивает меня:
- Это, что же, все партийцы ваши?
- Ну, чтобы все, так нет, - отвечаю я, - есть и не члены.
- Сколько же их?
- Да немного, два..."

Там же, стр.266

Когда же вопрос касающийся идеологии и цели газеты был разрешен, встал вопрос административный и технический: где и как раздобыть место для издательства газеты. Казанцев, назначенный исполнять должность редактора, ломал голову над, казалось уже совер-

шенно неразрешимыми проблемами, но вот, совсем неожиданно:

"Как это часто бывает в жизни, выход все-таки нашелся, и при том в самую последнюю минуту. Звонок по телефону и торжествующий голос Жиленкова:

- Приезжайте немедленно. Мы спасены!

Встречает меня довольный, потирает руки:

- Вот наше спасение, - указывает на сидящего около стола господина.

- Познакомьтесь, это господин... господин...

- Амфлет, - скромно говорит тот, учтиво наклоняя голову.

- А вот это - наш редактор. Прошу любить и жаловать. Вместе работать придется.

У "спасения" вид не очень просветленный. Маленький человек, кругленький, с прилизанным тщательно пробормом во всю голову и с сладчайшей улыбкой, которая не сходит с лица в течении всего разговора. По-русски говорит очень прилично.

- Так вот, - говорит Жиленков, - господин...господин...простите никак не могу...

- Амфлет, - приподнимается тот, сладко улыбаясь, как-то особенно почтительно наклоняя голову.

- Так вот, господин Амфлет является представителем издательства, в котором выходило "Новое Слово". С то-

го дня, как будет выходить наша газета "Новое Слово" прекратит свое существование и издательство в лице господина Амфлета предлагает нам свои услуги. Ну разве это не блестяще? Мы получаем и помещение, и технический аппарат, и типографию и все. Что скажете на это? - обращается ко мне Жиленков.

Мне это тоже кажется блестящим. Газета "Новое Слово" выходила в Берлине еще до войны. Читать ее в русских кругах считалось на совсем приличным, так как была она, в основном, органом национал-социалистической партии в русском пересказе. Антисемитизм и незамысловатые учения фюрера было ее философией.

- Мы можем представить в ваше распоряжение адреса наших подписчиков, весь аппарат распространения, запасы бумаги на довольно продолжительный срок, - сладко улыбаясь воркует он.

- Чудеса, чудеса! - восторгается Георгий Николаевич и сияющими глазами смотрит то на гостя, то на меня.

- Вам предоставлено будет хорошее помещение для редакции, все комнаты связаны телефонами, кабинет редактора (поклон в мою сторону), пишущие машинки и, если угодно, машинистки и стенографистки...

- Сказка! - вырывается у меня. Контракт решаем подписать завтра - от имени Комитета - Жиленков, от

издательства - господин Амфлет!

Там же, стр 268

Как и предчувствовал Казанцев, славявый Амфлет оказался ярым и ретивым прислужником Розенберга, и по всей вероятности, специально был подослан с целью держать под контролем центральный печатный орган Освободительного Движения и не давать ходу на страницах газеты статьям или даже кратким заметкам независимой национальной российской мысли. Вскоре все это стало прискорбным фактом.

IV

Еще до главной политической акции Освободительного Движения - провозглашения Манифеста КОНР, состоялась встреча Власова с Первоиерархом Русской Православной Церкви за рубежом Владыкой Митрополитом Анастасием.

"В начале своих воспоминаний я упомянул, что генерал Власов был верующим человеком. Сделал я это заявление не голословно, а на основании ряда фактов. Так например: Когда красный фронт приблизился к границам Югославии, русский православный Синод, обосновавшийся в Стремских Карловцах, покинул Югославию и временно остановился в Линце, а председатель Синода, Митрополит Анастасий прибыл в Берлин к главе русской православной германской епархии, митрополиту Серафиму. В один из воскресных дней я

поехал в собор отстоять обедню. Служил митрополит Анастасий в со-
служении с митрополитом Серафимом. По окончании службы в числе других
и я подошел к кресту, и владыка Серафим попросил меня остаться для
короткого разговора, а разоблачив-
шись, сказал, что владыка Анастасий
уже две недели в Берлине и хотел бы
встретиться с генералом Власовым, но
никто не догадывается организовать
эту встречу. Я сказал владыке, что
позвоню ему через час, а сам поехал
в штаб и доложил Андрею Андреевичу
о разговоре. Выслушав меня, Власов
приказал мне немедленно взять маши-
чу, поехать к митрополиту Анастасию
и от его имени передать митрополиту
следующее: генерал Власов узнал о
вашем пребывании в Берлине и очень
хотел бы посетить вас, но такие вы-
езды ему запрещены. Но если бы вла-
дыка нашел для себя удобным и воз-
можным посетить наш штаб, то гене-
рал был бы очень рад посещению. Я
точно выполнил приказание генерала
и оба митрополита, вместе с личным
секретарем владыки Анастасия, с
чудотворной иконой Курской Божьей
Матери выехали в Далем.
Подъехали мы к штабной вилле, и до-
жидавшийся высокого гостя почетный
караул, встретил митрополита взяти-
ем на караул, а у самого подъезда
дежурный по штабу ему отрапортовал
и провел его в передню, где разда-
лась команда:

- Господа офицеры! - и строй штабных офицеров взял под козырек, дождавшийся у входа в гостиную высокого гостя Власов, сложил руки для принятия благословения со словами:

- Благословите, владыка - с наклоненной головой подошел под благословение. И владыка его благословил и поцеловал, а у самого по щекам катились слезы. Не меньше владыки были расстроены и мы. В этот момент из глубины души прорвались годами накопленные обиды и боль за столь трагическую судьбу, постигшую, когда-то светлую и радостную, родину.

В гостиной генерал представил гостям своих офицеров, а те приложившись к чудотворной иконе, покинули зал. Оставшись наедине, оба митрополита побеседовали с Власовым часа два и решили, что Синод, с имеющимся в его распоряжении духовенством, обслуживает религиозные потребности частей Освободительного движения, а Освободительное движение все, возникающие в его частях, религиозные и церковные вопросы направляет к представителям Синода. (Это положение продолжалось вплоть до трагического конца нашего Движения).

К.Кромиади, За землю, за волю,
стр.133-134

Встреча Власова с Первоиерархом Русской Православной Церкви за рубежом владыкой митрополитом Анастасием, а затем и благослове-

ние владыкой Освободительного движения, а также его распоряжение — духовно окормлять все вооруженные силы КОНР, как и равно всех православных участников Движения, особенно сильно подняли настроение, усилили надежды на успех великого дела у борцов за свободу России.

V

После переговоров Власова с Гиммлером 16 сентября, все были твердо уверены, что цель, к которой стремились так долго, наконец достигнута — статус равенства получен. Но увы!

"... Вскоре Власов получил от Гиммлера телеграмму, в которой речь шла о формировании трех русских дивизий. Власов был глубоко разочарован: десять дивизий было ведь обещано! Но Креггер заявил, или, может быть, Креггер оговорился, переводя на встрече у Гиммлера. Но меня вновь охватило недоверие."

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд. "Посев", Франкфурт, 1975, стр.347-348, русский текст.

В телеграмме Гиммлера было также сказано о формировании Русского Комитета совсем не так, как это намеревался делать Власов и его сотрудники. Вдобавок к этому, когда генерал Кестринг запросил разъяснений по случаю недоразумения, из ставки Гиммлера пришел ответ:

"... Кейтель ответил, что ни у кого нет намерения "растить Власова". Иодль, со своей стороны, сообщил Веделю (начальнику ОКВ/ВПр), что все это, вероятно, лишь "маневр" Гимmlера. И можно усумниться, что Гимmlер утвердит этот новый курс. Розенберг чувствовал себя глубоко уязвленным и развел бурную деятельность подбивая нерусские национальные комитеты на протест против пакта - "Гимmlер-Власов".

Была оживлена активность и тех, которые до сих пор существовали лишь на бумаге. Нам сообщили, что Розенберг собирается апеллировать к Гитлеру".

Там же, стр.347-348

В возникших спорах стали выявляться преступные намерения Гимmlера, которые он так ловко мог маскировать в разговоре с Власовым. Однако Власову отступать, бросать миллионы своих людей, которые теперь еще с большей верой и надеждой ожидали от него, от его действий свое спасение, нельзя было, да он и не допускал такой мысли.

Его ближайшие соратники поддерживали его и продолжали бороться со всеми новыми возникшими препятствиями. Уставший после долгих совещаний, спорных разговоров и очередных неприятностей, Власов по долгу говорил со Штрикфельдтом.

"По ночам, когда Власов после утомительных совещаний и переговоров воз-

вращался в свою комнату в Далеме, мы долго обсуждали все эти проблемы. Мы пришли к убеждению, что ни Гимлер, ни Гитлер не переменятся. Мы пришли и к тому, что слишком поздно ожидать изменения хода войны.

- Если бы, - сказал Власов, - Германия продержалась еще 12-15 месяцев, у нас было бы время создать достаточно мощный военный кулак. Этот кулак с поддержкой вермахта и малых европейских народов мог бы составить нечто, с чем Америка и Англия так же как и Москва, стали бы считаться. Но этого времени у нас не будет. Ясно было, что никто из влиятельных немцев не обладает ни достаточным пониманием обстановки, ни силой. И неизбежно мы приходили все к тем же мыслям: что будет с Движением после поражения Третьего Рейха?

- Я вижу только один выход, Андрей Андреевич, - сказал я, - вы должны ехать в Прагу и обнародовать Манифест. Тогда весь свободный мир услышит о вас. А когда пражские церемонии закончатся, вы должны уйти, заявив, что национал-социалистическое правительство не сдержало данных вам обещаний. Только так вы можете заложить фундамент для будущего развития. Я знаю, что это легко сказать и трудно сделать. Без сомнения, это приведет вас в лагерь или тюрьму. Но Русское Освободительное Движения будет жить.

Он не сразу ответил на это. Потом он напомнил мне, что я всегда был около него, когда он не видел выхода и поддерживал его. Он пожалел, что уже не было Зыкова, который мог бы сказать свое слово.

— Может быть, Зыков нашел бы решение. Он всегда чуял его, — сказал Власов. Теперь сложилось положение, что миллионы людей надеются на него, Власова. Он не может бросить их, он должен идти по этому пути до горького конца.

— Но мне придется тогда идти своим путем, — с трудом произнес я. — Я делил с вами трудности, разочарования и надежды, вы дарили мне свое доверие, оказывали и тем немцам, чьи надежды и цели совпадали с вашими. Теперь же я больше ничего не могу для вас сделать. Моя роль посредника закончена. Я не могу работать с Гиммлером. Я прошу вас освободить меня от данного вам обещания. Было уже четыре часа утра, когда мы расстались. Власов попросил у меня сутки на размышление. Когда вечером мы снова встретились, он уже решился. — Ступайте, мой друг, мой ангел-хранитель, — сказал он.

В глазах его стояли слезы. Мы еще проговорили около часу. Он говорил примерно так:

— Я все продумал много раз. Я действовал не из честолюбия. Я не рассчитывал ни на что. Обстоятельства просто заставили меня действовать

так, а не иначе. Ваш Штауфенберг, Ренне, Фрейтаг и другие ведь не были предателями. Они не хотели зла своей родине. Они хотели служить своему народу. Я и мои друзья тоже хотели служить своему народу. Имея за спиной наш опыт, мы считали нужным действовать так же, как сотни тысяч других русских боровшихся на стороне немцев против Сталина. Обстоятельства заставили их действовать именно так, даже если непосредственным толчком у иных могло быть стремление избежать голода или смерти. Я боролся сам с собою, и я теперь никому не хочу бросать упрека. Действия человека могут быть поняты лишь из его положения. А сейчас я должен продолжать свой путь. Для меня нет обратного хода, как не может солдат бежать перед лицом врага. Вы поймете меня. И если вы поймете меня, мне этого достаточно. Вы свободны от своего обещания. Идите с Богом!

Я покинул Далем, где я жил последние несколько дней (моя берлинская квартира была разбомблена), с тяжелым чувством. Вскоре я должен был получить отпуск, но сначала надо было дождаться дальнейших приказаний Гелена."

Там же, стр. 356-359

Штрикфельдт решил покинуть Власова в столь трагические часы борьбы в силу того

что, взявшиеся за дело Власова, Эс-Эсовское начальство затребовало Штрикфельдта на службу в СС. Что обязывало его сразу же начинать говорить Власову не правду, но ложь. Штрикфельдту об этом недвусмысленно было заявлено, и к тому же, было приказано оставаться при Власове.

" - Мы должны иметь вас в своих рядах, и именно при самом генерале Власове.

- А доктор Крегер? - спросил я.

- Вместе с Крегером! В конце концов, если вы не хотите идти к нам добровольно, мы затребуем вас от Управления армии, и оно переведет вас к нам. Возражения против этого у вас, конечно, не будет!"

Там же, стр. 365.

С чувством тревоги за своих русских друзей и соратников, Штрикфельдт выехал вместе с сформировавшимся Комитетом Освобождения народов России (КОНР) в Прагу.

VI

14 ноября 1944 года великая дата в истории России в ее порыве к свободе. В этот исторический день был провозглашен Манифест Комитета Освобождения народов России (КОНР). Власов и Комитет, естественно, не желали провозглашать Манифест в Берлине. Территория России уже была отвоевана у гитлеровской Германии, а из славянских столиц, не занятых еще Красной армией, оставалась толь-

ко Прага. Манифест и получил наименование - ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ, или же позднее стало принято Манифест называть именем вождя Освободительного Движения - Власовский Манифест. Вторично же Манифест был провозглашен 18 ноября 1944 года в Берлине, вызвавший колоссальный взрыв энтузиазма у россиян - врагов Сталина и врагов Гитлера.

Очевидец, один из подписавших Манифест - Александр Степанович Казанцев очень ярко рисует это великое историческое событие.

"Трудно найти слова, чтобы рассказать о том подъеме, о том взрыве энтузиазма, которыми встретили русские люди создание Комитета и опубликование Манифеста. Рабочие и военнопленные, солдаты вспомогательных частей и беженцы - все это бросалось на призыв к борьбе против большевизма. Самотечком по всем углам небольшой уже тогда Новой Европы создавались группы и общества содействия, собирались средства, пожертвования, крестьяне приносили свои незамысловатые драгоценности, серебряные нательные кресты и обручальные кольца, рабочие - свои скромные сбережения, собранные за годы тяжелого труда. Во все инстанции Комитета приходило ежедневно до трех тысяч писем и телеграмм, с изъявлением готовности принять по-сильное участие в борьбе. Комитет считал, что в той или иной степени, за участие в Движении высказалось в первые же дни больше 10-ти миллионов человек.

Наплыв в начавшиеся формироваться первые воинские части Русской Освободительной Армии превзошел все ожидания. Резервуар сил был почти неисчерпаемым. Только за один день 20 ноября (Манифест был передан по радио 19-го) из ближайших к Берлину лагерей было подано 62 тысячи индивидуальных и коллективных прошений о приеме в армию. Это составляло минимум пять дивизий состава мирного времени. К концу ноября число желающих поступить в части Освободительного Движения поднялось до трехсот тысяч, а к концу декабря число добровольцев поднялось до миллиона. С находящимися в составе немецкой армии русскими батальонами, с казачьими частями - (около 150 тысяч), сербскими частями Летича, изъявившими согласие влиться в Движение, и с армией генерала Недича (переговоры были почти закончены в положительном смысле) без опасности преувеличения можно считать, что создание двухмиллионной антикоммунистической армии в кратчайший срок было обеспечено. Предпринимались попытки связаться и со штабом Драже Михайловича. Недостающее оружие, боеприпасы и все остальное руководители Движения предполагали достать путем разоружения немецких частей в момент краха. Впоследствии это частично и было проведено в жизнь."

А.Казанцев, Третья сила, Изд. "Посев", Франкфурт, 1974, стр.290-291

Примечание: - разоружение немецких частей частями 1-й дивизии Русской Освободительной армией, а затем разгром войск СС, произошел в боях за освобождение от гитлеровских войск Праги, 6 мая 1945 г. о чем будет сказано ниже.

Читатель может себе представить какое действие возымело провозглашение Манифеста на части добровольцев, находящихся в составе немецкой армии на фронтах - Восточном и Западном, и в частности, на казаков Казачьего корпуса - самую крупную боевую единицу, организованную на стороне внешнего врага России. Казаки Корпуса почувствовали огромный прилив душевных и физических сил. Казачьи пропагандисты - питомцы Дабендорфа, заработали с огромным вдохновением. Командир корпуса генерал фон Панвиц, (надобно полагать ввиду того, что Корпус находился в это время в стадии развертывания), послал от имени 1-й Казачьей дивизии приветственную телеграмму генералу Власову следующего содержания:

"Председателю Комитета Освобождения народов России, генералу Власову. Объединенные в моей дивизии казаки Дона, Кубани, Терека и Сибири посылают через меня Комитету Освобождения народов России и Вам господин генерал пожелание счастья. С основанием Комитета исполняются надежды казаков и они от всего сердца приветствуют вступающую в борьбу с большевизмом РОА. Да здравствуют вступающие в борьбу с большевизмом народы!
1-я Казачья дивизия. Командир дивизи-

зии генерал-лейтенант фон Панвиц.

На страницах главного печатного органа Освободительного Движения, "ВОЛЯ НАРОДА" №11 от 20 декабря 1944 года была напечатана телеграмма генерала фон Панвиц.

На страницах "ВОЛЯ НАРОДА" появилась также приветственные телеграммы генералу Власову от высших чинов немецкой армии. Особо ободряющая участников Освободительного Движения была телеграмма Власову от начальника Генерального штаба германской армии генерала-полковника Гудериана, напечатанная в "ВОЛЯ НАРОДА" №6, 3 декабря 1944 года, на первой странице газеты под заголовком:

"ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
ГЕНЕРАЛА-ПОЛКОВНИКА ГУДЕРИАНА
ГЕНЕРАЛУ ВЛАСОВУ.

Генералу-лейтенанту Власову.

Генерал Добровольческих войск сообщил мне о том радостном отклике, с которым было воспринято среди добровольцев опубликование Манифеста. С большой радостью я отдал приказ генералу Добровольческих войск поддерживать всеми средствами Вашу деятельность по формированию и реорганизации вооруженных сил Освободительного Движения.

Я приветствую эти вооруженные силы, как нового решительного союзника в борьбе против большевизма. Победа в этой совместной борьбе нам обеспечена.

Начальник Генерального штаба герман-

ской армии, генерал-полковник Гудериан.

В немецкой прессе появились фотографии генерала Власова, ведущего переговоры с министрами Рейха.

В состав Комитета вошли национальные советы: Русский Национальный совет, Украинский Национальный совет, Белорусский Национальный совет, Национальный совет народов Туркестана. Казаки были представлены Советом Казачьих Войск во главе с Донским Войсковым атаманом генералом Татаркиным, вместо, оставшимся вне КОНР, генералом Красновым.

(Текст Манифеста приложен в конце этой книги).

Лишь в двух местах Манифеста было сказано именно то, что не угодно было участникам Движения. Вот что пишет об этом Казанцев:

"12-го ноября Комитет собирается на первое пленарное заседание для последнего обсуждения и подписания Манифеста. Опубликован он будет в Праге, куда весь Комитет выедет специальным поездом на следующий день...

По прочтении нескольких первых фраз вдруг поднимается рука одного из рабочих. Власов прекращает чтение и вопросительно смотрит на желающего что-то сказать.

- Пожалуйста, - приглашает он.

Тот поднимается и молодым звонким голосом на весь зал:

- Андрей Андреевич, вот там, вначале, написано слово плутократы. Мне кажет-

ся это слово какое-то... непонятное слово, неподходящее, я бы сказал даже не русское слово.

Власов улыбается. Зал покатывается со смеху. Двусмысленность замечания ясна каждому. И слово это не русское и в этом русском документе оно оказалось не по русской воле, а включено сюда по настоянию немцев."

Во время борьбы с немцами за текст Манифеста в двух пунктах не удалось заставить их отступить - вот в этих самых плутократах и в ссылке на то, что Комитет с благодарностью принимает помощь Германии.

Но зато как много удалось достичь! Манифест абсолютно чист от всякого антисемитизма. По своим демократическим основам, по своему духу он враждебен самому воздуху, которым дышит Германия...

Манифест был, вероятно, самым демократическим политическим документом, опубликованным когда-либо на русском языке, имевшим такое количество и столь воодушевленных последователей. Даже вдумчивые враги не находили в нем слабых мест для критики и, в силу необходимости, ограничивались только руганью. Так, по крайней мере, поступала позднее эмигрантско-советская печать во Франции, не решаясь привести ни одной выдержки из его текста.

Не враги и не друзья, нейтральная

швейцарская печать, выражая удивление, что в подгитлеровской Европе мог появиться такой документ, констатировала, что в Манифесте и в прессе Движения "принципы демократии сформулированы с такой классической ясностью, которая не всегда имела место в условиях демократических движений прошлого".

Поражало швейцарскую печать и то, что ни в Манифесте, ни в печати Движения не было ни слова об антисемитизме. Чтобы в атмосфере нацистского мракобесия, а она сохранилась до последнего издыхания гитлеровской Германии, решиться не говорить о евреях, не достаточно было не быть анти-семитом. Все союзники Гитлера именно в этом вопросе прежде всего теряли свою самостоятельность. В подгитлеровской Европе антисемитизм был правом на гражданство. Комитет Освобождения Народов России категорически отклонял неоднократно попытки немцев появлять на него в этом вопросе. Ни в Манифесте, ни в печати Движения об этом никогда не было сказано ни одного слова."

А.Казанцев, Третья сила, Изд. "Посев" Франкфурт, 1974 стр.270,272,292

Несмотря на все трудности и исключительно особое положение, в котором собиралось и оформлялось Освободительное движение, руководителями Движения не был забыт Бог.

"Я далек от желания приукрашивать облик генерала Власова или кого либо из его окружения. Если нельзя многим из них приписывать глубокую церковность, то нельзя и отрицать, что в большинстве случаев это были люди, благожелательно относящиеся к Церкви. Вот факты, которые говорят сами за себя: не Церковь просит или добивается, чтобы был поставлен вопрос о духовном обслуживании частей РОА, но просьба эта исходит от военного командования. То, что об этом в суматохе того времени не забыли то, что сама эта мысль не встретила протеста, говорит о многом. Представитель Церкви, говоривший на оглашении Манифеста в Берлине 18 ноября 1944 года, был там не по просьбе Церкви, а по приглашению КОНР-а. Генерал Власов вывез из Карлсбада престарелого митрополита Анастасия в своем штабном автомобиле, чтобы митрополиту не ехать в тяжелых условиях эвакуации по железной дороге. Все это не мелочи. Это важные показатели, особенно в условиях тех тяжелых лет."

Прот.о.А.Киселев, Облик ген.А.А.Власова, стр.81-82

После провозглашения Манифеста Освободительного Движения, подписанного членами КОНР в Праге 14 ноября 1944 года, продолжением этого официального акта Движения состоялось в Берлине 18 ноября, в зале "Европа-Хаус".

"Зал, вмещавший около 1500 человек, был заполнен почти исключительно русскими; немцев почти совсем не было. Первые ряды были заняты духовенством и военнопленными прямо из лагерей. Все остальные, какое бы положение они не занимали, размещались позади. Таково было личное желание Власова. Сцена, на которой сидели члены Комитета, была украшена национальными флагами всех народов России, а по обеим сторонам ее огромными полотнищами свешивались русский трехцветный и андреевский флаги. На этом собрании Власов еще раз зачитал Манифест и сказал большую политическую речь, в которой весьма резко и объективно были оценены цели и возможности Русского Движения и возможные будущие отношения между Россией и Германией."

Л.В.Дудин, (Н.Градобоев), Материалы к Истории Освободительного Движения Народов России, Изд.СБОНР, Канада, 1970, стр.52 - Цитировано у о.А.Киселева, Облик ген.А.А.Власова, стр.109

"Когда в зале прозвучали знакомые слова песни: "За землю, за волю" - каждый почувствовал, что ныне эта песня стала боевым гимном Русского Освободительного Движения. Да, мы идем против тех, кто засел в Кремле и украл у нас счастье, землю, волю. Мы идем в бой за лучшую долю..."

В.В.Поздняков, А.А.Власов, Сиракузы, США, 1973, стр.146 - Цитировано у о. А.Киселева, Облик ген.А.А.Власова, стр.110

"После Власова выступали с речами представители различных народов России, а также рабочих, интеллигенции, женщин, добровольцев и духовенства. Необычайные по силе и глубине чувства речи произнесли священник А.Киселев и поручик Дмитриев. Первый говорил о демократических принципах Манифеста КОНР и о том, что новое Движение не требует мести и преследований по отношению к сторонникам советской власти, а желает только мира и благополучия для всех граждан своей страны. Дмитриев говорил о самостоятельности целей и стремлений русского национального Движения и каждая его фраза вызывала в зале шумные аплодисменты. Когда же он сказал: - "Мы не наемники Германии и быть ими не собираемся" - в зале вспыхнула такая овация, что он долго не мог продолжать свою речь. Многие плакали. Это была минута высокого и редко встречаемого патриотического подъема. Русское Движение сразу начинало пережестывать через те рамки, в которые его хотели втиснуть немцы. Через несколько дней в русском православном соборе в Берлине состоялось молебствие о даровании победы вооруженным силам КОНР. Служил гла-

ва Православной Церкви за границей митрополит Анастасий. На этом молебствии присутствовали почти все члены Комитета и оно вылилось в русскую политическую манифестацию. Перед собором развивался русский трехцветный флаг. Русский флаг был поднят на улицах Берлина, кажется, первый раз за последние тридцать лет."

"Через пять месяцев, перед зданием рейхстага русскими руками был снова поднят флаг. Но он не был русским. Это был советский красный флаг - символ мировой революции."

Л. В. Дудин (Н. Градобоев), Материалы к Истории Освободительного Движения Народов России, Изд. СБОНР, Канада, 1970, стр. 54 - Цитировано у о. А. Киселева, Облик ген. А. А. Власова, стр. 110

"На этом незабываемом собрании 18 ноября, мне было поручено слово от лица Православной Церкви, текст которого записанный на магнитофонной пленке, хранится у меня. Несколько слов о судьбе этой записи, которую я вынужден был оставить с моими вещами в доме Деллингсхаузен в Берлине. Странная бывает судьба у вещей: дом был разрушен, а чемодан цел. Пережил осаду Берлина, оказался в советской зоне оккупации, но при содействии близкого мне человека, служившего в УНРА, был открыт и вынута из него

драгоценная запись, доставлена мне в Мюнхен. Запись эта дает возможность судить о том, что ощущали они, как главное и наиболее важное, горячо приветствуя те или другие слова. Это был день, когда мы впервые так уверенно ощутили себя силой, русской организованной силой, способной спасти Отечество. В зале было 2000 русских и только несколько немецких наблюдателей на балконе зала. На расстоянии полугода от нас стояла смерть. Но опасность скорее ободряла нас, чем пугала. Наши сердца тогда бились так, как бились они, наверное, у суворовских солдат, переходивших снежные вершины Альп. Ни о каком ощущении "обреченности" тогда не было речи. Мы верили в победу. Это было не только нашим духовным ощущением, но и реальной возможностью, которая стояла близко перед нами..."

Прот.о.А.Киселев, Облик ген.А.А.Власова, стр.111

"... Власов неоднократно говорил, что ему нужно лишь, чтобы Германия продержалась примерно на тех линиях фронта, которые были в октябре - ноябре 1944 года, до весны 1945 года, так как он рассчитывал к этому времени создать армию до 30-40 дивизий..."

Л.В.Дудин(Н.Градобоев), Материалы к Истории Освободительного Движения Народов России, Изд СБОНР, Канада,

1970, стр.44 - Цитировано у о.А.Киселева, Облик ген.А.А.Власова, стр.111

"Чтобы понять, чем для нас русских, было это время, эти дни, это собрание, я скажу, что настоятель Берлинского Кафедрального собора (широко известный на юге России советского времени, прот.о.Адриан Рымаренко, ныне в США, глубоко чтимый старец-архиепископ Рокландский Андрей), в котором я тогда служил перед вышеупомянутой речью, надел на меня ладанку с частицей мощей св.Александра Невского.

Отклик на Власовский Манифест был колоссальный. Теперь мне самому даже как-то плохо верится, что это было именно так, хотя я и был свидетелем этого необыкновенного отклика.

Со всех концов Германии самотеком устремились люди в КОНР, отдавая себя в полное и немедленное распоряжение генерала Власова.

Соответствующих письменных заявлений почта приносила в среднем две с половиной тысячи ежедневно. Особо интересная запись в добровольцы РОА наблюдалась в дни опубликования Манифеста."

Прот.о.А.Киселев, Облик ген.А.А.Власова, стр.111-112

Слово священника о. А.Киселева, сказанное в Берлине, 18 ноября 1944 года, напечатанное в его книге Облик Генерала А.А.Власова. (см. ПРИЛОЖЕНИЕ IV, стр. 187-189).

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛЮДИ!

Представители дорогого отечества нашего!

В сегодняшний ответственный и светлый день объединения сил народных, мое немощное слово будет о Том, в имени Которого мы, верующие люди, видим центр и источник всего светлого и лучшего, что только знаем.. о Боге, о Боге Христианском.

Существует не только классовая правда и не она занимает высшее нравственное положение, как учили нас эти четверть века, но существует правда божественная, которая всегда, при всех условиях и для всех правда. Нет одного нравственного требования для рабочего, а другого для интеллигента, но для всех один нравственный закон и одни для всех нравственные требования и права. "...Каждый бо от своих дел или прославится или постыдится..." Социальные деления временны, но перед правдой Божией предстанем мы все равными, получить то, что заслужили за земные свои дела.

Жить так, чтобы не страшно было умереть, чтобы не стыдно было дать ответ за прожитое - вот то, к чему зовет нас Церковь Христова, Церковь Православная.

Церковь Христова указывает путь, раскрывает смысл, обновляет наши духовные силы. Нация творит, создавая быт и устои, входящие в плоть и кровь народа. И в безумстве своем жалки те правители, которые хотели

изъять то, что в наших жилах и крови - исканье правды подлинной, правды, которая есть Христова правда.

Исключительно тяжел нынешний исторический момент - родина наша в нищете и развалинах, десятки миллионов сынов ее скитаются на чужбине, кругом кровь и неисчислимы мучения. У нас нет сейчас возможностей прекратить это бедствие, этот страшный бой. Но есть возможность пресечь то, что как дрова костер, питает общее несчастье. И эта возможность сегодня декларирована пред нами. Много хороших слов и добрых намерений высказано в декларации, но нашлись в ней и слова золотые, небесные слова. Вот они: "Никакой мести и преследований". Вот в этих словах, словах христианского милосердия заключено пресечение нынешнего нашего бедствия. Они - знамя нашей силы и мощи, ибо "все, что вечно - человечно".

Мы отвыкли слышать подобное, нас звали все к отлучению, разоблачению и искоренению, а вот эти слова открывают новые горизонты, в них залог прекращения ужасной бойни нынешнего дня! В них поворотный момент хода событий и образа мыслей многих людей.

Много доброго декларировано сегодня, но самое драгоценное - это призыв и обещание прекратить вражду, отпустить узников на свободу, дать свободным труд и не вменять во грех происхождение и прежний образ мыслей. Нашей движущей силой должна быть любовь к измученному и обманутому соотечественнику, любовь в противовес тем, кто идет во имя зла и ненависти. Помоги Бог, чтобы намерения эти осуществились. Ведь только при их осуществлении возможно спасение Родины. Дело наше должно быть чистым, белоснежным, а не

грязно-серым, и только тогда оно даст то, что ждем мы от него. Святое дело спасения родины может делаться лишь чистым сердцем и чистыми руками!

У кого из нас не болит сердце при мысли, что святое дело спасения родины связано с необходимостью братоубийственной войны - ужасного дела. Каков ответ, каков выход? Выход в том, что чем чище, чем белее будут дела наши, чем больше будет проведено в жизнь из того, что декларируется, тем меньше будет пролито братской крови. Чем больше милосердия и человеколюбия с нашей стороны, тем кратковременнее бой. Чем полнее осуществление обещанного у нас, тем меньше сил у врага, поработителя нашего народа.

"Война есть зло, но она бывает злом наименьшим и даже благим". Именно таково положение в сегодняшней исторический день.

Вы, глубоко чтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единомышленно и смело на святое дело спасения отчизны. Не гордо, потому что "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать", но мужественно и смело, потому что "не в силе Бог, а в правде".

Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своем наставлении сыну - "на добрые дела благословение дам, а на плохие дела благословения нет".

Так и ныне благословение Того, в руках Которого судьбы мира, да пребудет с теми, которые хотят творить правду, вечную Христову правду!"

Х Х Х

"... 17-го января 1945 года министерство иностранных дел подписало с КОНР финансовое соглашение, по которому германский Рейх предоставляет КОНР неограниченный, и не связанный никакими условиями, беспроцентный кредит, который должен был быть уплачен после освобождения России. Тем самым, КОНР был признан с германской стороны, по международному праву, представителем Освободительного движения. Это был первый письменный договор между КОНР и Рейхом. С германской стороны в составлении и подписании договора, принимали участие гос. секретарь фон Стеенграхт (от министерства иностранных дел), а также фон Типпельскирх, Дорнберг и Ханке, а с русской - Власов, Малышкин, профессор Андреев - заведующий финансовым отделом КОНР, его заместителем фон Шлиппе и Жеребков, офицер связи КОНР с министерством иностранных дел."

Ю.Жеребков, Неопубликованное Письмо, цитированное у С.Штеенберг, Власов, Изд.Русского Дома в Мельбурне, русск. яз., 1974, стр.194-195

Х Х Х

Перепуганные неожиданным для гитлеровцев по силе результатом провозглашения Манифеста КОНР, гитлеровцы однако уже никак не могли прикрыть, ими же самими санкционированное, Освободительное Движение. О ликвидации бур-

ного, массового прорвавшегося, как огромная дамба, и разливающегося во все стороны Движения, не могло быть и речи.

Гестапо сразу же завопило, что КОНР при первой возможности перейдет на сторону западных держав. Розенберг злорадствовал, теперь была на лицо вся опасность, которую он предсказывал и всеми силами старался не допустить; теперь он надеялся, что Гиммлеру за его неосторожность влетит от фюрера.

Заведующий Восточным отделом в министерстве пропаганды Тауберт, собрал всех противников КОНР и сделал доклад, в котором, между прочим, было сказано:

"Движение Власова, по существу, не считает себя связанным на жизнь и смерть с Германией. В ней проявляются сильные англофильские симпатии и возникают мысли о возможной перемене курса. Движение Власова - не национал-социалистическое. Важно также, что оно не стремится к борьбе против еврейства, что еврейский вопрос, как таковой, им вообще не признается."

В.Тауберт, Деятельность в германо-советской войне, декабрь 1944 г., стр 665 - цитировано у С.Штееберг, Власов, Изд.Русского Дома в Мельбурне, русск. яз., 1974, стр.174

Полетевшие все шишки на могущественного "Черного Генриха", растерянного и удрученного, не меняли и не могли изменить положение - приближающие к Берлину войска Красной армии наводили страх и на "Черного Генриха" и на всех других гитлеровцев и тех, кто был

за, и тех, кто был против задуманной новой авантюры. Однако Гиммлер незамедлил броситься к тормазу, у которого опять сошелся с Розенбергом.

В конечном итоге, гитлеровцы решили: не закрывать Движение, но и не давать ему ходу, которое оно требовало, а лишь идти на уступки в той мере, в которой им казалось это допустимо или совершенно необходимо.

Х Х Х

"Манифест вошел в историю, как большая поворотная веха.

Манифест больше, чем то, что в нем написано, а потому ему еще долго жить творческой жизнью.

Власовское Движение было сдавлено, расплющено, физически уничтожено силами Советского Союза и западными демократиями. Но так можно уничтожить людей. Сло́ва же, сказанное ими - Манифест, как документ, ни убить ни уничтожить нельзя! Ибо это идея! Свободный мир слеп и не увидел, не понял, а, может быть, и не захотел понять идеи Власовского Движения. Запад предал на страшные муки тех сынов России, которые хотели для своей родины той же свободы, которой так гордится Запад.

Рассказывают, что когда военный суд в американской зоне оккупации постановил передать Советскому Союзу капитана РОА Н.Ф., то этот капитан в своем последнем слове сказал, что

он умрет, но за одну его жизнь Америка будет платить тысячами американских жизней.

С того дня не прошло и трех лет, как в 1948 году пришлось перебрасывать воздушный мост в Берлине, с 1950 по 1953 год американским солдатам отдавать свои жизни в Корее, затем последовал и Вьетнам с десятками тысяч жертв. Но это все еще только начало. Манифест, как был, так и останется бессмертным и грозным оружием слова правды."

Прот.о.А.Киселев, Облик ген.А.А.Власова, стр.153

"Vlasov and his million followers never accepted Nazi doctrine and never promised to serve Hitler's interests after the war... The Vlasov people wanted to fight Stalin and Stalinism - a regime certainly not better than Hitler's Nazi regime - but were condemned by the West for one reason only: that we were allied with Stalin's terror regime. Also shortsightedness of the British and American statesmen, who did not perceive the real significance of Vlasov and his movement, caused the tragedy which reached its climax in the years 1945-1947, when we forcibly returned about two million Soviet nationals against their will to Stalin's gallows and slave labor camps."

"Власов и миллионы его последователей никогда не принимали нацистской доктрины, и никогда не обещали служить гитлеровским интересам после войны... Люди Власова хотели бороться против Сталина и сталинизма - режима, конечно, не лучшего чем гитлеровский нацистский режим - но были отвергнуты Западом по одной причине только: потому, что мы союзничали со сталинским террористическим режимом. Также близорукость британских и американских государственных политических деятелей, которые не представляли настоящую многозначительность Власова и его Движения, сделало трагедию, которая достигла своего кульминационного пункта в 1945-1947 годах, когда мы насильно выдали около двух миллионов советских подданных против их воли сталинской голгофе и лагерям рабского труда."

Julius Epstein, p.63-64

"Генерал Власов никогда не стремился польстить немцам и шел с ними исключительно ради русской национальной независимости."

Gehlen p.84

цитировано у о.А.Киселева, Облик ген. Власова, стр.155

"Образно", замечает о.Александр, "генерал Власов это выразил отказом надеть немецкий мундир - "не по плечу он нам". Тем самым он закрыл себе возможность продвижения в условиях нацизма. Не сделай он этого, все могло бы принять другой оборот, вплоть до иного конца этой войны. Только "запродай" он Россию немцам - все бы пошло иначе. (Подчеркнуто мной - К.Ч.)

"Но возможно ли было бы после этого говорить о чистоте риз, о том, что духовное выше материального", замечает о.Александр, - "и что только на правильной, принципиально моральной и духовно оправданной основе, можно строить жизнь!?"

Не сделав этого, он проиграл меньше того, что выиграл. Проиграл победу, опирающуюся на оружие, а выиграл победу идеи, несущей моральное оздоровление нашему народу. Он это знал и сознавал, иначе не мог бы сказать, что - "Если нам суждено умереть, мы умрем физически, но не исторически" (В.Осокин, стр.9)

"Однако, поражение давно есть, а победы еще нет. А разве для истории тридцать лет это - срок? Разве у нас нет показателей роста морального оздоровления нашего народа?"- говорит о.Александр.

"Они есть! Число их растет и будет расти!"

"Во Второй мировой войне Запад отстаивал СВОЮ свободу и отстаивал ее ДЛЯ СЕБЯ, а нас(и Восточную Европу) вгонял в рабство еще на две глубины."

А.Солженицын, Вестник РХД №115, стр.176.

"Власовское Движение погибло - не по вине власовцев. Оно было дружно придушено и коммунистами, и нацистами, и демократами..."

Н.Штифанов, Дебендорф, "Новое Русское Слово", 8-го февраля 1974 г.

"Страшная и горькая правда. Однако, такое "дружное" действие я назвал бы не реализмом, а слепотой, ибо исторический опыт человечества учит, что все бесчеловечное, а следовательно, аморальное, само в себе, собирает силы, в конечном итоге, приводящие к гибели. В этом причина недолговечности всех бесчеловечных систем..."

Прот.о.А.Киселев, Облик генерала А.А.Власова, стр.155-156.

VII

Возвратившись после опубликования Манифеста КОНР в Берлине, Штрикфельдт явился к Гелену.

"- Перевод в СС будет, конечно, проведен быстро, - сказал мне Гелен, когда я сразу из Праги явился к нему, - а если вы окажетесь в СС, возврата уже не будет. Безграничное доверие, которым вы пользуетесь у Власова и у других русских, це-

нится на вес золота. С самых дней в Виннице вы никогда не обманули этих людей. Это ваш капитал! Я знаю это. Если же вы теперь перейдете в СС, вам придется обманывать русских. И тогда вы проиграете ваш капитал. И мы вас то же потеряем, хотя, быть может, в один прекрасный день вы нам снова понадобится.

- Вы все еще думаете так?

- Никогда нельзя знать наперед, - уклончиво ответил Гелен.

Я не знаю какими соображениями он руководствовался. Со времени событий 20 июля, он стал еще более сдержанным. В "клубе" при ФХО никогда не говорили о трагических событиях 20 июля, но господствовало убеждение, что "шеф", несмотря на весь ум и осторожность, уцелел лишь благодаря счастливному стечению обстоятельств.

- Нужно не допустить, чтобы СС вас забрал, - сказал Гелен. - Прежде всего, вы должны исчезнуть из поля зрения. Вы поедете в Померанию, где будете писать историю Власовского Движения. А там посмотрим. Я отдам необходимые распоряжения.

Не помню уже теперь - то ли подполковник Наук, то ли подполковник фон дер Марвиц дал мне адрес одного поместья в Померании, куда я должен был немедленно отправиться, снабженный командировочным направлением ОКХ. В одинокой усадь-

бе господина Кортюма меня приняли сердечно. Кортюм был в курсе дела. Мне предоставили уютную комнату и я смог сразу приступить к работе."

В.Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, Изд. "Посев", Франкфурт, 1975, стр. 366-67, русский текст.

Опять, как и всегда раньше, на помощь русским и их немецким друзьям пришел все тот же генерал Гелен. Но Штрикфельдту суждено было еще раз сделать свою, на этот раз последнюю, услугу Власову и тем, кто был с Власовым, с ним и за него.

VIII

Наконец пришел долгожданный день - начала формироваться первая боевая единица вооруженных сил КОНР - Первая Русская дивизия. Немецкие сторонники Освободительного Движения с торжеством и вдохновением бросились помогать всеми доступными им способами, при всех возможностях в гитлеровском режиме. Немецкие истинные друзья русских, смотря с надеждой в будущее, несмотря и на то, что официально формирование и контроль над созданием вооруженных сил КОНР зависил и находился от и под СС и уж, конечно, самого Гитлера, сумели, вопреки всем препятствиям и трудностям, полностью вооружить Первую дивизию. Полковник генерального немецкого штаба Герре, исключительно энергичный, и с самого начала прилагавший все усилия, чтобы помочь Освободительному Движению, в воору-

жении Первой дивизии, как потом об этом говорили - "сам превзошел себя". Фактически дивизия была вооружена не СС, но Вермахтом! Части дивизии формировались из прибывших в место формирования, вблизи города Мюнзингена (военные городки) из реорганизованных добровольческих рот, батальонов и других частей, бывших раньше под командованием немецких офицеров (по сути бывших до этого частями немецкой армии). Прибывали также и части, бывшие под командованием русских офицеров. Самой большой такой единицей была бригада Каминского, полностью влившаяся в новые формируемые части Первой Русской дивизии. Несмотря на то, что гитлеровцы предусматривали формирование русской дивизии, в соответствии со штатами немецких воинских установок, дивизия очень скоро всеми "правдами и неправдами" переросла все немецкие штаты.

"... Первая дивизия состояла из следующих частей: Штаб дивизии и при нем штабная рота и жандармский взвод; три гренадерских полка с полковой артиллерией и ротами тяжелого вооружения в батальонах; артиллерийский полк девятибатарейного состава; отдельный разведывательный батальон в составе: одной танковой роты, одного конно-пулеметного и двух кавалерийских эскадронов; полк снабжения; отдельный учебный батальон; отдельный саперный батальон; отдельный батальон связи и медицинский батальон. Численность дивизии первоначально

составляла около 10 тысяч человек. Впоследствии, независимо от штатной положенности, численность дивизии незаконно возрасла до 20 тысяч..."

В.Артемов, Первая Дивизия РОА,
Изд.СБОНР, Канада,1974, стр.33-34.

(Вячаслав Павлович Артемьев - автор книги - командир 2-го полка Первой дивизии, бывший командир гвардейского кавалерийского полка Красной армии. Окончил военное советское училище, высшую офицерскую школу и военную академию Фрунзе. В боях с немецкими войсками, располагавших преобладающими силами, был взят в плен. Позднее добровольно вступил в ряды борцов за свободу России).

Все командиры полков дивизии, а также командир дивизии полковник Буняченко были назначены самим Власовым. Сергей Кузьмич Буняченко был одним из талантливых боевых командиров Красной армии, но всеми фибрами своей души ненавидящий коммунистический, а затем, распознав, и гитлеровский режимы. Он был не только талантливый полководец, но и человек огромной силы воли и большого ума. Буняченко ветеран офицерского корпуса советской армии. Попал в плен к немцам в 1942 году. Добровольно пошел служить в организуемые добровольческие немецкие части из народов России. Назначенный командиром Первой Русской дивизии, полковник Буняченко был произведен Власовым в чин генерала-майора. Только через два месяца, в январе 1945 г. начала формироваться Вторая Русская дивизия. Командиром дивизии

Власов назначил бывшего советского полковника Зверева, произведя его в чин генерала-майора. Позднее начала формироваться Третья Русская дивизия, командиром ее Власов назначил генерала Шаповалова, о чем подробнее будет сказано ниже.

IX

В начале осени 1944 года, советские войска маршала Толбухина, заняв Румынию и Болгарию, вышли к Дунаю и соединились на юге с войсками Тито. 18-го октября советские и титовские войска вошли в Белград.

В тоже время войска маршала Малиновского успешно продвигались вперед и вытесняли немецкие и венгерские войска из Венгрии. Отступившие из Греции, немцы довольно прочно укрепились на новых рубежах. Однако, в случае прорыва советских войск на северо-восточном югославском фронте, отрезался путь для дальнейшего отхода немецких войск и они могли в любой момент оказаться замкнутыми в балканском мешке.

С целью устранения этой угрозы, немецкое командование стало спешно подтягивать к опасным местам свои войска.

В сентябре 1944 года, навстречу наступающим советским, румынским и болгарским войскам был направлен и Казачий корпус. Двигаться ему нужно было через горную местность, лежащую между реками Савой и Дравой, занятой титовскими войсками, находившимися там уже около года и основательно там укрепившимися, плотно закрыв все перевалы. Эту преграду Казачему кор-

пусу необходимо было устранить.

В исключительно тяжелых условиях осенней распутицы в горах и лесах, без дорог, день и ночь ведя тяжелые бои, Корпус пробивал себе путь к Восточному фронту.

Казачий корпус, выполняя боевое задание, сметал на своем пути все преграды, опрокидывал противника и обращал его в бегство.

К концу сентября 1944 г. корпус, пройдя свыше 500 километров, вышел на рубеж Бела Гора - Беловар.

25 сентября бригада Кононова вела исключительно тяжелые бои за Беловар, встречая сильное сопротивление хорошо укрепившихся титовцев, поддерживаемых сильными соединениями советской авиации из района Белграда.

Утром 26 сентября подошла 2-я Казачья дивизия и стала наносить сильные удары противнику в 25-30 километров юго западнее Беловара, что сразу же облегчило продвижение бригады Кононова...

К началу октября 1944 года корпус, продолжая ломить преграды титовских войск, стал приближаться к линии юго-западного советского фронта, и к концу ноября вышел на рубеж - Ворождин, Копривница, Вирье.

Вторая Казачья дивизия и бригада Кононова сосредоточились в районе Копривница - Вирье.

В течении этого времени корпус нес значительные потери в боях, но в это же время, пополнялся перебежчиками из советских подразделений действовавших в составе титовских войск. Советские перебежчики немедленно зачислялись в состав Казачьего корпуса.

В боях во время марша участвовали только части бывшей Первой дивизии. От Третьей дивизии только бригада Кононова: Пятый Донской полк, да, уже успевший сформироваться, новый Третий дивизион. Восьмой пластунский полк под командованием полковника Некрасова все еще не был полностью укомплектован. Калмыцкий корпус, после того как вырвался из окружения, будучи сильно потрепан войсками Красной армии, прибыл в Казачий корпус. Из остатков Калмыцкого корпуса сформирован был только один полк, получивший наименование Девятый Калмыцкий полк, который был включен в состав Третьей Казачьей дивизии Казачьего корпуса. (Фактически Первая Казачья дивизия развернулась в Пятнадцатый Казачий корпус только после ноября 1944 года).

Придя, наконец, в назначенный район, Корпус, став на отдых, немедленно приступил к реорганизации и пополнению своих частей, порядевших во время похода, одновременно, ведя небольшие операции против титовских войск, начавших вновь скопляться в горах этих районов.

Х

Советская 133-я стрелковая дивизия, сформированная из боевиков солдат и офицеров, пройдя с тяжелыми боями тысячи километров, размятая на своем пути немецкие войска, в октябре 1944 года в составе группы советских войск, форсировала реку Драву. В декабре этого же года, 133-я дивизия, после ожесточенных наступательных боев,

отбросив немецкие и хорватские части, заняла район Питомач - Оторванич. Перегруппировавшись, дивизия приготовилась к новому броску вперед, с целью сделать обхват неприятеля и отрезать ему выход из балканского мешка в северо-восточном направлении. Ночью 2-го декабря поднятая "по тревоге" навстречу 133-й в спешном порядке вышла бригада имени Кононова. Взамен вновь сформированных 8-го пластунского и 9-го калмыцкого полков были выделены в спешно сколоченную ударную группу: 6-й Терский и 3-й Кубанский полки из 2-й дивизии, а также группа была усилена двумя танковыми батальонами, двумя артиллерийскими дивизионами, и одним дивизионом тяжелых - полковых минометов на механической тяге. Устранить нависшую опасность силами ударной группы было поручено Кононову. 1-я и 2-я дивизии преградили подход титовских войск к подравской долине с гор, откуда они стремились прорваться на помощь советским войскам, но казаки две дивизии, беспрестанно наседая на титовцев, не давали им возможности ни прорваться к Драве, ни выйти из боя. Несмотря на исключительную боеспособность и храбрость титовских войск, они, неся большие потери, вновь и вновь загонялись казаками обратно в их логово - в горные густо поросшие лесом трущобы, что давало возможность свободу действий ударной группы Кононова.

В местечке Вирье Кононов пропускал, проходившие мимо его, подразделения, а на другой день он приехал в оставшийся на ночевку конный дивизион 5-го донского полка. В 9 часов утра дивизион был построен в пешем строю. Казаки сразу заметили,

что у поздоровавшегося с ними Батько невеселый и озабоченный вид. Он некоторое время молча прохаживался перед строем, затем, окинув дивизион суровым взглядом, своим привычным голосом произнес короткую речь: "Родные мои сыны, мы идем драться с нашими братьями. Напоминаю вам еще раз и прошу этого не забывать: если будут пленные, а они у нас будут, то каждый из вас, если пленный солдат или офицер голоден, должен отдать ему свой последний кусок хлеба, если он не имеет сапог - снимай и отдай ему свои!

Мои родные, мы должны крепко помнить, что братоубийственная борьба происходит не по нашей вине и не по вине их воинов Красной армии коими мы почти все с вами тоже были. А поэтому мы должны, по возможности, избегать братского кровопролития и всеми силами показать нашим братьям солдатам и офицерам Красной армии, что мы ведем борьбу не против них, а наоборот, стремимся объединиться с ними, чтобы общими силами сокрушить истинных виновников братоубийственной войны.

Мы идем навстречу многомиллионной Красной армии, обладающей огромной огневой мощью. Этой огневой мощи мы должны противопоставить не только нашу огневую мощь, но и, главным образом, наши идеи выраженные в Пражском манифесте. И я верю, что об этом вы, мои родные, будете помнить во всех грядущих великих сражениях. Я верю, что силы наших врагов, построенные на лжи, обмане и угнетении разобьются вдребезги!"

Эта речь Кононова еще раз глубоко тронула сердца казаков, еще раз указала им

куда, зачем и во имя чего они идут.

Конному дивизиону было приказано оставить лошадей за исключением вьючных и связанных. На другой день, 23 декабря, пройдя несколько километров, ударная группа Кононова наткнулась на густой заслон титовских подразделений, опоясавших не только оборону 133-й, но и все подравское предместное укрепление советских войск.

С ходу, 5-й донской полк захватил город Джурджевац и с небольшими боями село Калиновац, выбив из него титовцев. В этот же день, с наступлением темноты, титовцы сделали разведку боем и в последовавшую ночь, с 23-го на 24-е декабря, завязался сильный бой за село Калиновац. Оборонявшие село 3-я и 7-я сотни были окружены, неожиданно хлынувшей несметной массой титовцев. 1-я и 2-я сотни, обороняя самый опасный участок фронта, идущего в авангарде 1-го дивизиона 5-го Донского полка, также оказались плотно окруженными во много раз превосходящими силами противника. Окружив передовые казачьи заслоны, титовское командование весьма умело действовавшее, выделила также крупные силы из своих подразделений и бросила их непосредственно на Джурджевац, чем, если не отсекала, то затрудняла возможность казакам подойти на помощь окруженным сотням. Кононов, хотя и предвидел возможный поступок советского командования, но не верил, что советское командование имело в своем распоряжении такое огромное количество титовских войск, держа их непосредственно у линии своей передовой обороны. Советское командование силами титовских войск намеревалось ослабить силы казаков

еще до их подхода вплотную к советской обороне и, конечно, не жалела силы своих союзников.

Титовское командование, желая угодить своему сильному союзнику, не жалела жизни своих храбрых, обманутых коммунистической пропагандой, воинов и брасало их массированными атаками, стараясь во что бы то не стало сломить сопротивление окруженных казачьих сотен. После очередных минометных налетов, волна за волной шли в атаку с криками: "Юришь!", (ура), "Комсомол на пред!" массы титовцев. От ураганного минометного огня села пылали в огне. Горели скидры сена, дома, хлева; в страхе мыча и бляя, метался в пламени скот; перепуганно голосила домашняя птица. Рядом с окопами 2-й сотни, выскочившие из загоревшего курятника куры, хлопая крыльями громко кудахтая, в панике бросились в разные стороны.

Командир первой сотни, сотник Орлов, что-то кричал в трубку, но перерезанные провода полевого телефона, прервали его разговор со штабом бригады. Где-то недалеко ухали, заглушая все другие звуки, батареи тяжелых орудий - советская тяжелая артиллерия обстреливала Джурджевац. Видно было как горело село Калиновец, где изнемогая от непрерывных атак, дрались окруженные 3-я и 7-я сотни.

Через некоторое время затрещал телефон. Урядник Сомов поднял трубку. Кто-то из титовских командиров предлагал сдаться, в противном случае угрожал уничтожить всех казаков до единого.

- Господин сотник, братка что-то бормочет, не разберу толком... навить подключили под наш телефон...

Орлов взял трубку. Выслушал титовского

командира, он сверкнув своими черными, зло поблескивавшими глазами, подрожав нервно изогнутой бровью, неспеша, в злобе кривя рот, ответил:

- Эй, братушка! Ты знаешь с кем говоришь? Мало мы вам насыпали?! Смотри, поймал приказу тебя повесить! Не беспокойся, я найду кто сейчас со мной говорит!

Орлов бросил трубку и, хлопнув урядника по плечу, сказал не без восхищения:

- Молодцы югославы! Дерутся храбро! Пойдем к первому взводу, славный... - подымаясь по лестнице из погреба, где находился телефон, проговорил он, и скользнув в кювет, пополз к обороне своего 1-го взвода.

Навстречу ему, сгибаясь и падая при разрыве мин, бежал казак.

- Господин сотник!.. прямым попаданием!.. побит весь пулеметный расчет!..

- Какой?

- Второго взвода!.. там слева, первое отделение!..

- Сомов, давай все свое отделение!.. Быстро!

Отделение, управление сотней во главе со своим командиром урядником Сомовым, поползло по кювету за своим бесстрашным командиром сотни. Одна за другой, врезавшиеся в дорогу мины, тут же вывели из строя четырех казаков, убив одного насмерть. Титовцы, выбросив тела убитых казаков из захваченного окопа, соорудив из них барьер, вели огонь по окопам 1-го отделения, и видно было, как они, бросая ручные гранаты, старались попасть в окоп другого казачьего пулеметного расчета.

- Гранаты!.. Давай сюда!..

Схватив из рук казаков несколько ручных гранат, Орлов, выскочив из кювета, сделал несколько отчаянных, стремительных скачков, упав почти у самого окопа с титовцами, одну за другой, пять гранат, с невероятной быстротой бросил в окоп... Пять последовавших взрывов наполнили окоп трупами. Выбросив тела убитых титовцев, втянув в залитый кровью окоп пулемет, Орлов сам повел огонь по новой, брошенной в атаку волне наступающих титовцев.

Тридцать два скорострельных (МГ-42) пулеметов, подобно острой, как бритва скашивавшей траву, скашивали наступающих густые ряды титовцев, однако, порой казалось, что, в конце концов, противник завалит телами своих убитых воинов казачью оборону и раздавит обороняющуюся горсть казаков. Атакующим казаков титовцам мешал свет горящего села, огромное число их убитых лежало у самых окопов казаков, и они, на время прервав атаку, вновь и вновь густыми цепями катились к казачьей обороне.

2-я сотня, оборонявшая с другой стороны село, уперевшись своим центром в каменные дома, стоящие по обе стороны бегущей через село дороги, вела ожесточенную перестрелку с титовцами, засевшими в каменных домах, откуда они бросались в атаку, теряя массу сраженных на смерть своих воинов, они почти не прекращая, уже по лужам крови и по телам своих убитых товарищей стремились вперед, стараясь ворваться и смять казаков. Командир 2-й сотни, сотник Виктор Григорьев, видя, что патроны в его сотне

на исходе, приказал бить по домам, где скоплялись для атак титовцы, из противотанковых кулаков. Вскоре дома превратились в груды камней забросанные кусками человеческих тел и залитые кровью...

Лишь к утру противник выдохся и с наступлением рассвета, окончательно прекратив наступление, поспешно начал отход, оставляя массу убитых и тяжело раненных своих воинов.

Кононов мог бросить, отрезать и уничтожить остатки титовцев танковыми частями, но он берег танки для грядущих несравнимо тяжелых боев непосредственно с советскими войсками.

Тоже предусматривало и советское командование, отделяваясь пехотой титовских войск.

Не давая понесшему огромные потери противнику опомниться, Кононов приказал немедленно преследовать отходящего противника. Через два часа несколькими сотнями 5-го Донского полка - противник был настигнут и окружен в селе Клоштарь, и опять разгорелся ожесточенный бой. Оборона села была хорошо оборудована. Это был тыл титовцев, принявших остатки своих поредевших прошлой ночью частей.

Уже с самого начала боя было видно, что он принимает затяжной характер. Сотни первого дивизиона, наступавшие с левого фланга, вязли в жидкой болотистой почве. Минометы, при приведении их в действие, вязли в грязь. Сильно укрепленный противник уверенно оборонялся и несколько предпринятых атак оказались безрезультатными.

Уже стало темнеть, когда командир 5-го

Донского полка, майор Борисов, руководивший этим боем, донес Кононову, что сломить противника сегодня, очевидно, не удастся. В ответ был получен приказ: "Взять Клоштарь".

Борисов вновь бросил сотни в атаку. Несколько раз атакующие сотни откатывались назад и вновь бросались вперед. Казалось, что успеха не будет. Тогда командир второй сотни, сотник Григорьев, решил прорвать оборону любой ценой и, собрав свою сотню в кулак, бросился на оборону противника.

Стремительным броском, Григорьеву с сотней удалось достичь обороны противника, но в двух шагах от нее, он упал сраженный насмерть.

Увидев своего любимого командира убитым, казаки, охваченные страшным гневом, бросились вперед и ворвались в оборону противника.

В сделанный прорыв немедленно ворвались другие сотни. Противник дрогнул и в панике побежал, что привело к массовому его уничтожению.

К вечеру 24 декабря Клоштарь был взят. С колокольни сельской церкви были сняты четверо советских артиллеристов - наблюдателей и немедленно отправлены к Кононову.

За, в панике бежавшим, противником ринулась, подоспевшая, конная сотня Рудакова Марка, рубя, продолжавших отстреливаться, отдельных смельчаков. Сдавшиеся в плен, были отправлены в тыл.

В этот же вечер, Борисов получил приказ отвести, участвовавших в бою за Клоштарь сотни в Джурдавац, а в качестве боевого охранения оставить Отдельную конную сотню Рудакова Марка.

Вскоре выпал густой снег, покрыв своим саваном следы минувшего сражения...
Стал чувствоваться приятный легкий морозец.

Х Х Х

Тусклый свет от чадившей керосиновой лампы падал на разложенную на столе карту. Командир 133-й дивизии полковник Кривонос и начальник его штаба майор Петров, склонившись над картой, обсуждали сложившуюся для дивизии боевую обстановку.

- Вы думаете, Иван Никифорович, Кононов незамедлит атаковать нас?

- Нисколько в этом не сомневаюсь. Сарказм в его записке нисколько не исключает единственную у него возможность на успех, непременно атакует! - с уверенностью ответил начштаба, еще раз пробегая глазами записку Кононова.

Кривонос оторвался от карты и, опустив голову, прошелся в раздумии по комнате.

- Вы правы, - вскинув головой произнес он, - Кононов наверняка знает о всех наших приготовлениях к удару и, конечно, постарается опередить нас. Сейчас же вышлите разведку. Разведкой боем установите силы Кононова в селе Клоштарь. Возможно он нанесет удар по нашему центру. Постарайтесь раздобыть "языка"... Пошлите Рудакова. Я думаю он справится с задачей, хотя это ему и не немцы, но у него большой опыт... Эти братки-югославы неплохие вояки, но их сведениями мы не можем ограничиться.

- О да, конечно нет!.. А деруться они

храбро!.. Нечего сказать.

- Храбро то храбро, вы правы, но Клоштарь не удержали, а сколько их костями полегло?! Ой.Ей!.. Очень много зарубленных лежат почти у самой нашей обороны! Я никак не предполагал, что Кононов имеет на вооружении шашки. Казалось бы устарелое непригодное больше оружие, но вот - результат для нас плачевный...

- Как видно, казаки не желают расстаться со своим старым оружием.

- Очевидно так. Работают мастерски... Я лично выезжал смотреть порубленных, что называется, почти все развалены надвое. Только в восемнадцатом году мне приходилось видеть подобные картины... Мне приходилось в те времена не раз сражаться против Шкуро, Мамонтова, но это тогда, а теперь?!

Кривонос в недоумении пожал плечами и опять, опустив голову, в раздумии прошелся по комнате.

- Так вот, Иван Никифорович, - остановившись перед начштабом продолжал Кривонос, - немедля одновременно вышлите разведки и с левого и с правого наших флангов. Необходимо уточнить где сосредоточены танковые части противника, и сразу же будем действовать - предупредим удар противника!

- Слушаюсь, товарищ полковник!

Начштаба поднялся...но вдруг, небрежный стук в дверь и сразу же, не ожидая разрешения войти, распахнув дверь, ввалившись, нервно-быстро зашагал к столу, срочно прибывший на передовую, начальник Особого отдела при группе советских войск Подравского Предместного укрепления, полковник Бобриков.

- А-а-а, товарищ полковник! Прошу, прошу, пожалуйста, присаживайтесь, - стараясь скрыть отвращение к непрошенному и нисколько ненужному гостю, выдавил Кривонос, едва заставив себя пожать протянутую руку - ОСО.

Полковник Кривонос, один из храбрейших и талантливых советских боевых командиров, всегда себя остро чувствовал в присутствии ОСО, даже своей дивизии, не хозяином дивизии, но безоговорочным подчиненным, а тут вот - начальник Особого Отдела группы войск, - "большая птица"!

- Желаете горячего чайку, товарищ полковник? - опять с трудом выдавил Кривонос, подставляя ОСО стул.

- Не прочь... Погреться стоит... Мороз! Вот вам и Юго-сла-ви-я! - потирая озябшие руки, проговорил улыбаясь Бобриков и, поправив пенсне, поморщив озабоченно лоб, приблизив лицо к Кривоносу, уже другим тоном сказал: - Я, товарищ полковник... У меня к вам... Есть весьма важный разговор.

- Ах, вот как! - Кривонос бросил быстрый взгляд на своего начштаба, но Бобриков перехватил взгляд.

- Нет, нет, начштаба не помешает... Вернее присутствие начштаба как раз кстати!

- Тогда, пожалуйста, я вас слушаю, - подавая чашку с чаем Бобрикову с деланной учтивостью поспешил отозваться комдив, усаживаясь в деревянное, самодельное деревенское изделие - не то стул, не то что-то вроде кресла.

- У нас в штабе несколько обеспокоены, - начал Бобриков, - мы никак не предполагали, что Казачьему корпусу так легко и

скоро удастся пробиться через наши югославские заслоны. Передовые части врага, - помолчал, продолжал он, - уже теперь находятся непосредственно у нашей линии обороны... мне лично думается... необходимо, немедленно, нанести по противнику удар, прежде чем он атакует нас! Не так ли?

- Только час тому назал, товарищ полковник, я имел по этому поводу разговор по телефону с командующим Предмостным Укреплением генерал-лейтенантом Воробьевым.

- Это! - Бобриков недовольно скривившись, махнул рукой.

(Кривонос прекрасно понял значение такого жеста ОСО)

- Мы решили с моим начштабом, - как бы не замечая жеста Бобрикова, продолжал Кривонос, - только что перед вашим приходом, немедленно выслать разведку на флангах и в центре... Необходимо предельно точно установить наличие сил противника, а главное место скоплений его основных сил: танковых частей и тяжелой артиллерии и, конечно, добыть "языка"!

- Ах вот как! Это толково. Это толково. Но я думаю для этой цели и нужен особенно опытный командир - разведчик, не так ли?

- Так точно, товарищ полковник, в "центр" пошлем лучшего из лучших, храбрейшего их храбрых наших разведчиков, лейтенанта Рудакова! - заговорил с полной уверенностью комдив.

- Это точно! - поддержал Кривоноса начштаба.

- Ру-да-ков... Ру-да-ков..., - в раздумьи произнес Бобриков и, покопавшись в своем портфеле, вынул записную книжку. -

Фамилия что-то знакомая... Да, да, вот так и есть!.. М-да... Дело вот в чем, товарищи: Рудаков Алексей... Так ли его имя?

- Так точно! - ответил начштаба, хорошо знавший Рудакова Алексея.

- Вот видите, храбрейший из храбрых, опытный, но вот он находится в списке казачков служащих в вашей дивизии, хотя сведения могут быть ошибочны... Быть может ваш Рудаков вовсе и не казак?

- Никогда не приходилось, не знаю, - заявил начштаба.

Комдив пожал плечами.

- Вот видите, разумно ли будет посылать... посылать такого разведчика! Нужно все учитывать, товарищи!.. Ведь у него на стороне врага могут быть одностаничники или даже родственники какие! Приняли ли вы это во внимание?!

Бобриков вопросительно посматривал на комдива и начштаба.

- Это нам неизвестно, товарищ полковник, но могу сказать, что лейтенанта Рудакова, уже теперь не помню, сколько раз мне приходилось посылать в стан врага, и всегда задача была им выполнена - "язык" доставлен! А впрочем, смотрите сами.

Кривонос развел руками, как бы снимая с себя ответственность.

Бобриков нервно заерзал на стуле, что-то размышляя, безразлично рассматривая потолок и стены деревенского югославского дома.

- Позовите его сюда! - вдруг решительно приказал он.

Комдив поднял трубку телефона... короткое приказание и через несколько минут пе-

ред Бобриковым, в присутствии своих каза-лось бы, официальных и непосредственных старших начальников - комдива и начштаба, стоял навтыжку командир взвода штатной разведки дивизии, лейтенант Рудаков Алексей...

- Вам уже известно, товарищ лейтенант, какой жестокий и коварный враг преградил дорогу нашей героической легендарной дивизии? - Пристально, испытываяще, поглядывая поверх стекол пенсне на Рудакова, спросил Бобриков.

- Так точно, товарищ полковник, известно!

- Я думаю, вы еще помните те многие тысячи трупов наших бойцов, которые попали к немцам в плен и были расстреляны? Вы помните лежащими их по обочинам дорог на всем пути наших войск? Вы помните, как эти трупы выглядели?

- Так точно, помню, товарищ полковник!

- Так вот, товарищ лейтенант... Я знаю, что вы храбрый и опытный молодой офицер-разведчик дивизии и решил послать вас в разведку с главным заданием - доставить нам "язык" гнусных предателей нашей родины... Сейчас же выступите с вашим лихим взводом. Конкретно ваша задача: установить какие и сколько подразделений противника находится в селе Клоштарь, и главное, как я уже сказал, "языков".. "языков" этих предателей... Ясно?

- Так точно, товарищ полковник, ясно!

- Можете идти.

Бобриков снял пенсне и, встав, протянул руку Рудакову.

- Желаю успеха!.. Рудаков! - вдруг окликнул он, когда Алексей уже отворил

дверь и шагнул через порог. - Вы казак?

- Так точно, товарищ полковник, казак.

Задернутые туманной занавесью глаза Бобрикова с ненавистью и злобой смотрели в красивое калмыковатое лицо Алексея.

- Можете идти, - произнес он в раздумии все еще не отрывая своих колючих глаз от лица Рудакова, а затем, резко отвернувшись, склонился над картой, невидя ничего невооруженными очками глазами, бессмысленно что-то искал, а затем нервно побарабанив пальцами по столу, подняв голову, глядя мимо, смотрящих на него комдива и начштаба, приглушенно-задумчиво сказал:

- Нет у меня доверия к этому народу!

Взяв с оставшимся чаем чашку, сделал несколько глотков, вдруг, казалось бы без всякой причины, злобным ненавидящим взглядом, окинул командира и начштаба 133-й.

Бобриков был участником подавления восстания казаков на Дону и хорошо помнил, как отчаянно от мала до велика, казаки боролись, с каким большим усилием пришлось советской власти подавить тогда это восстание казаков... Все помнил Бобриков, даже помнил сколько жертв пало от его собственной чекистской руки... "И вот опять эти же казаки - не выбили тогда всех... жалко... и теперь нельзя избавиться от этих врагов советской власти... везде они и "тут" и "там", - багровея от злобы, думал Бобриков. Вооружившись пенсне, он потянулся опять к карте, и вдруг, взгляд его упал на лежащую на столе записку Кононова.

24.12.1944 г.

Клоштарь.

Командиру 133-й стрелковой дивизии
полковнику Кривонос.

Вижу Вы очень укрепились, но все же прошу Вас с Вашим штабом подождать меня. Буду в Питомача завтра ровно в 15.00.

Особенно прошу вашего начальника Особого отдела дивизии встретить меня для допроса: почему мои казаки и я с ними воюем против Сталина и преступной коммунистической власти.

Примите уверение в моей к Вам лично глубоком уважении.

Командир казачьей дивизии
Полковник И. Кононов.

Бывший командир 436 стрелк. полка,
155 стрелковой дивизии Красной арм.

Прочел, тараща глаза Бобриков.

- А это откуда? - еще больше в изумлении тараща глаза, спросил он, переводя глаза с комдива на начштаба.

- А да, я совсем забыл, товарищ полковник. Эту записку вручили мне двое наших бойцов, захваченных казаками. Их, как я вижу, Кононов умышленно отпустил, Просто он шантажирует.

- Здорово!.. Здорово, товарищи! - перебил Бобриков комдива, - Зевак вы ловите здесь! Атаковать нужно было уже давно эту

мерзость, — багровея заорал Бобриков, поднялся со стула и грохнул кулаком по столу.

— Извините, товарищ полковник, — бледнея и теряя голос, заговорил Кривонос, и вдруг, встав во весь свой рост, клонясь к Бобрикову уже твердо, громко чеканя слова, продолжал: — прежде чем атаковать противника для этого необходимо о нем кое-что знать, и не лезть без толку, а то рога поломать можно! Не первый раз мне атаковать врага, и позвольте мне определять, когда и как атаковать противника, — теряя самообладание уже грозно выкрикивал, крайне оскорбленный комдив.

Бобриков схватил свой портфель с "делами" и, окинув злым и в то же время удивленным взглядом комдива, как бы с трудом сорвавшись с места, вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью...

— Вот птица какая!.. Проиграли бы мы войну, Иван Никифорович, проиграли бы! Вот через этих ОСО, болтающихся под нашими ногами... да вот... благодарить Гитлера нужно — воевать нас заставил.

Кривонос прошелся по комнате и, остановившись, бросил на начштаба полный возмущения и печали взгляд.

— Оно-то так, Николай Иванович, да.. да что мы можем сделать? Власть-то не в наших руках... сами знаете, — тихо, подавленно произнес начштаба.

Кривонос обреченно развел руками и ничего не ответив, нервно зашагал по комнате...

Х Х Х

Начальник Особого отдела армий Юго-восточного советского фронта, выслушав жалобу Бобрикова, с легкой насмешкой в глазах покачал головой, а потом покровительственно похлопав его по плечу, расплывшись в беззаботной улыбке сказал:

- Не извольте волноваться, товарищ Бобриков, пусть эти... всякие там Жуковы, Малиновские, Рокосовские, Кривоносы и прочие "Герои Советского Союза" сейчас повоюют... они нам все еще нужны... а вот после победы над немцами, мы их всегда при надобности можем в любой час ликвидировать!.. Не так ли? Успокойтесь... успокойтесь, друг мой!.. К чему, право, такая наивность?! Вот давайте лучше выпьем за здоровье нашего дорогого вождя и учителя товарища Сталина! Да, за одно, за здоровье товарища Берия! Да, чуть не забыл!.. Кстати, выпьем и за здоровье наших щедрых союзничков!..

Наполнив стаканы водкой и подвигая к Бобрикову банку консервов с надписью по-английски "PORK", и ниже по-русски: "Свиная тушонка", с иронией проговорил последние слова большой начальник ОСО.

- Придет время доберемся мы... м-гу... да... доберемся мы и до наших богатых союзничков... всяких там рок-фе-ле-ров, - добавил он и, цинично расхохотавшись, лукаво подмигнув глазом Бобрикову, залпом осушил стакан с водкой и принялся уписывать свиную тушенку "союзничков"...

Х Х Х

24-го декабря в штабе Ударной группы Кононова обсуждались сведения, полученные от непрерывно действующей разведки.

Из них явствовало:

1. 3-4 километра западнее Питомича, от правого берега реки Дравы, и строго на юг, в горы, проволочное ограждение в три кола, а также минные поля вдоль всего ограждения.
2. Приблизительно на расстоянии 1 км. перед ограждением обнаружены отдельные окопы и бункера (повидимому, боевое охранение).
3. Сведения полученные от взятых в плен в Клоштаре бывших в передовом артиллерийском наблюдательном пункте, советского лейтенанта, сержанта и двух солдат, соответствуют сведениям казачьей разведки.
4. 7-8 км. западнее Оторванич, в горах, казачья разведка вела бой с разведкой красных румынских войск; захватив 4 румынских солдат, (вооруженных советскими автоматами и с красными повязками на рукавах мундиров). Пленные румыны сообщили, что в 2-3 км. южнее Оторванич, занимают оборону румынские и титовские войска.

Х Х Х

В 16.30 этого же дня, Кононов вызвал в Клоштарь командиров полков и командиров средств усиления, где отдал боевой приказ.

Исполняя боевой приказ, части группы должны были занять исходное положение для наступления в указанных районах к 8.00 25 декабря, откуда:

1. 6-му Терскому полку с одним танковым батальоном нанести удар в стыке (2.5 км. южнее Оторванич) 133-й советской дивизии и румыно-титовскими войсками, развывая удар в общем направлении на Веровитица; в дальнейшем овладеть мостом через реку Драву на Барч и отрезать отход красных на восток; прикрыться от румыно-титовских войск с юга.
2. Бригаде "Кононова" - 5-му Донскому полку и 3-му пластунскому дивизиону с одним танковым батальоном нанести в районе железной дороги удар по переднему краю обороны 133-й; прорвать оборону и в дальнейшем наступать на хутор в 8 км. восточнее Питомача, с выходом к мосту через реку на Барч.
3. 3-му Кубанскому полку прорвать оборону противника севернее Питомача и развывать наступление вдоль правого берега р. Дравы с последующим выходом в район хутора 8 км. восточнее Питомача.
4. Артиллерийским дивизионам, минометному полку быть готовыми к интенсивному 23-минутному огневому налету по огневым точкам передового края 133-й дивизии на участках прорыва бригады "Кононова" и 6-го Терского полка, в дальнейшем поддерживать действия по требованию командиров частей.

Боевой приказ Кононова заканчивался указанием по взаимодействию частей, а также строгим наставлением предусматривающим истинное братское отношение казаков к советским пленным, а также и к красным румыно-титовским пленным.

В заключение, в обращении к своим ко-

мандирам Кононов сказал:

- Сложившаяся боевая обстановка требует немедленных решительных боевых действий. Мы должны неожиданно сильным ударом привести противника в замешательство. Сосредоточенными стремительными бросками, местами прорвать фронт обороны советской дивизии; окружить и лишить ее возможности сопротивления и отступления. Завтра мы нанесем противнику платовский казачий удар!

Х Х Х

Темнело. Рудаков Марк обошел оборону. Сотня прочно укрепилась, выбрав наилучшие позиции.

Каждый взвод имел по три пулемета, по одному ротному миномету и большое количество противотанковых кулаков. Кони отправлены в Джурджевац, обоз размещен с тщательной предусмотрительностью. У дороги, ведущей к Питомачу, укрепился 1-й взвод, опытного командира, хорунжего Лукина. Марк питал к этому немолодому уже казаку, бывшему комэске - (командир эскадрона в Красной армии) Красной армии, особенное уважение.

- Как у вас тут, Сергей Васильевич?

- Все в порядке, господин сотник, думается устроились мы преудобно.

- Вижу, вижу просто комфортабельно, - рассматривая в бинокль видневшиеся у дальнего леса несколько хатенок, проговорил одобрительно комсотни и перевел бинокль в сторону стоящих у дороги, идущей на Питомач, в двухстах метрах от обороны, две одинокие хатенки.

- Жителей убрали?

Марк кивнул в сторону хатенок.

- Так точно! Все здесь. Двое казаков у меня там в пикете, господин сотник.

- Прекрасно.

- Думаете пустят шупальцы?

- Наверняка. Будьте осторожны с этими ребятами, ведь - трижды краснознаменная!

- Да, да. Ребята должны быть ухащи. Ну, что же, попробуем помериться силами, - улыбнулся Лукин.

- Господин сотник! Господин сотник!

По обочине дороги бежал вестовой казак.

- Я здесь. В чем дело?

- Командир полка у телефона.

- Рудаков?

- Так точно, господин майор!

- Как там у тебя?

- Пока что все в порядке.

- Слушай, Марк...

Борисов покрутил седой ус, немного помолчав, что-то поразмыслив, продолжал:

- Ты, если "эти ребята" атакуют тебя большими силами еще до утра, что скорее всего должно быть, задержи их, как можно подольше... Возможно, они только предпримут разведку боем, в таком случае поводи их "за нос". Если можно будет, захвати "свежей рыбки". У нас сведений достаточно, но это не помешает. Ясно?

- Так точно, господин майор, ясно.

- Ну, бывай здоров. Утром увидимся.

Борисов неспеша, что-то раздумывая, потянулся к печи, прикурил от горящего полена, глубоко затянулся, погрузился в размышление...

От раскалившихся чугунных плит сельской печурки тянуло приятным теплом, на-

полняло тело ощутимой тяжестью, ногам становилось тесно в сапогах, отяжелевшая, густо посеребренная сединой голова Борисова, клонилась к подушке. Не раздеваясь, он прилег на топчан; от подушки туго набитой сеном, пахло какими-то незнакомыми, чужеземными полевыми цветами... Уже засыпая, вспомнил, как он в 41-м, будучи командиром полка Красной армии, сражаясь против немцев, вот так, как сейчас, ожидая утреннего боя, в подобной деревенской обстановке, сильно уставший от беспрестанных боев, крепко уснул, только вот от подушки той пахло чабрецом, полынью и другими травами и цветами русских необъятных полей... Подложив под голову руку, поджав ноги, он уснул.

В горницу зашла хозяйка, она держала в руках котелок с молоком, увидев спящего Борисова, остановилась у дверей.

- Не буди, мамаша! Сон он важнее, - шопотом заговорил, приложив палец к губам, дежуривший у телефона, казак.

Хозяйка кивнула головой и беззвучно, на цыпочках, вышла из горницы.

Казак осторожно стянул со своего старого командира сапоги и заботливо прикрыл его, высушенной у печи остро пахнувшей конским потом, попоной.

На дворе медленно, неспеша валил большими хлопьями снег, крепчал мороз и вдруг неожиданно сорвался сильный ветер, и завывала, застучала по крышам и окнам расплескавшаяся пурга. Лишь к утру пурга уgomонилась, но мороз крепчал. Окна сельских хатенок стали задергиваться хрустальными, узорчатыми занавесками.

Оставалось полчаса до выступления полка...

Приложение к III части

МАНИФЕСТ

КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожения национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным, историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации.

Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее - еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществление своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием

взять на себя ответственность перед будущим - не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, - что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободы местожительства и передвижений, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право сво-

бодно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупам сделать ее орудием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократической сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть

направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов своего труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО, ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДОВ РОССИИ, В ПОЛНОМ СОЗНАНИИ СВОЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД СВОИМИ НАРОДАМИ, ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ И ПОТОМСТВОМ, С ЦЕЛЬЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА СОЗДАЛИ КОМИТЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войн и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров;

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемирное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительно права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьянам. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесл, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции воз-

возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введения для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния - городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неот-

ложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России, уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил - Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит В ОБЪЕДИНЕНИИ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ И ПОДЧИНЕНИИ ИХ ОБЩЕЙ ЗАДАЧЕ СВЕРЖЕНИЯ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России

приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбу народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевиков и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть наши усилия. ТОЛЬКО ЕДИНСТВО ВСЕХ ВООРУЖЕННЫХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ НАРОДОВ РОССИИ ПРИВЕДЕТ К ПОБЕДЕ. Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов - большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые под-

виги.

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и несправедливость.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

Председатель Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенант А. Власов. Члены Комитета: ген.-лейтенант Ф. Абрамов; общественный деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; ген.-лейт. Е. Балабин; обществ. деятель Шамба Балинов; проф. Ф. Богатырчук; артист С. Болховской; полк. В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джавалов; ген.-лейт. Г. Жиленков; ген.-майор Д. Закутный; капитан Д. Зяблицкий; обществ. деятель Ю. Жеребков; полк. Буняченко; полк. М. Меандров; доцент А. Зайцев; проф. А. Карпинский; проф. Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; ген.-майор В. Малышкин; фельдфебель И. Мамедов; проф. И. Москвитин; литератор Ю. Музыченко;

рабочий Н.Подлавкин; проф. С.Руднев; унтер-офицер Г.Саакян; доцент Е.Тензорев; ген.-майор Ф.Трухин; проф. А.Цагол; крестьянин Х.Цымбал; капитан И.Чачух; врач Ибрагим Чулик; обществ. деятель Ф.Шлиппе; Ф.Янушевская; Кандидаты: поручик В.Дубовец; рабочий В.Егоров; журналист А.Казанцев; инженер П.Кумин; обществ. деятель Д.Левицкий; рабочий Я.Родной; инженер П.Семенов; проф. Смирнов; проф. В.Стальмеков; проф. В.Татаринов; майор И.Тельников; солдат А.Щеглов.

(Фамилии некоторых членов и кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности).

ВОЛЯ НАРОДА, Орган Комитета Освобождения Народов России, №1,
Среда 15-го ноября 1944 г.

